

А. П. Григорьев

МОНГОЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИКА

XIII - XV ВВ.

皇 上
帝 天
聖 眷
旨 命

戲 稽 浮 塞 之 端
頌 聖 辭 源 書 之

ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠢ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠣᠨ
ᠳᠢᠫᠤᠯᠣᠮᠠᠲᠢᠬᠤ
ᠬᠢᠰᠢᠢ ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ
ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ
ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ
ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ ᠶ᠋ᠣᠨ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

А. П. ГРИГОРЬЕВ

МОНГОЛЬСКАЯ
ДИПЛОМАТИКА
XIII—XV вв.

(чингизидские
жалованные
грамоты)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД 1978

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В книге исследуется внутренняя форма актов, созданных в XIII-XV вв. в канцеляриях феодальных правителей Монголии, Средней Азии и Ирана. Поскольку объединяющим признаком всех этих правителей являлось кровное родство, канцелярская форма иско-
дивших от их имени документов имела много общих черт, что по-
зволило произвести формулярный сопоставительный анализ сохра-
нившихся актов на монгольском, тюркском, китайском, арабском
и персидском языках. Исследование является определенным эта-
пом в развитии теоретического источниковедения на восточных
языках и восточной дипломатики в особенности.

Книга рассчитана на широкий круг востоковедов и истори-
ков.

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Г. Я. С м о л и н,
кандидат исторических наук, ст. научный
сотрудник АН СССР С. Г. К л я ш т о р н ы й

Г 10602-025
076(02)-78 175-78 © Издательство Ленинградского
университета, 1978 г.
ИБ 534

Аркадий Павлович Григорьев
МОНГОЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИКА XIII-XV вв.
(чингизидские жалованные грамоты)

Редактор С. В. Хазанова Техн. редактор С. Л. Шилова
Корректоры М. Х. Липкина, Г. С. Мельник

М - 07230 Подписано в печать 10/II-78 г.
Формат бумаги 60x84 1/16. Бум. тип. № 3.
Печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 7,27. Заказ 237.
Тираж 1430 экз. Цена 53 коп.
199164 Ленинград, Университетская наб., 7/9.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы теоретического источниковедения, связанные с определением и классификацией исторических источников, а также проблемы актового источниковедения, т.е. дипломатики, касающиеся более совершенной методики дипломатического анализа, в последние годы уже нашли отражение и в большой мере решение в трудах советских историков. В их исследованиях на основании ленинской теории отражения разработаны кардинальные проблемы теоретического источниковедения, теоретические принципы марксистской дипломатики и опыт их конкретного применения к русскому актовому материалу.¹

Специальные работы по восточной дипломатике² издаются уже более подутора столетий. Среди них отметим исследования по османско-турецкой дипломатике современного венгерского ориенталиста Лайоша Фекете,³ польских востоковедов Ананиаша Зайончковского и Яна Рейхмана,⁴ румынского историка Михаила Губоглу,⁵ болгарского ученого Бóриса Недкова.⁶

В исследовании американского ученого Ж.А.Уейкин "Функции документов в мусульманском праве"⁷ содержится подробный анализ формуляров арабских документов, прослеживается их эволюция; в книге приводится обширный список специальной литературы.

Отечественные востоковеды внесли крупный вклад в дело перевода и публикаций золотоординских и крымскоханских документов. Наиболее известны переводы и публикации русских тюркологов Я.О.Ярцова, В.В.Григорьева, И.Н.Березина, В.В.Вельяминова-Зернова, В.В.Радлова, В.Д.Смирнова. В пространных комментариях к переводам и публикациям названных документов они давали глубокий и всесторонний анализ разбираемых текстов.⁸ Совет-

ский востоковед-тюрколог А.Н.Самойлович в работах, посвященных вопросам издания и перевода на русский язык текстов золотоордынских жалованных грамот, вплотную подходит к их формулярному анализу.⁹

Из зарубежных публикаций источников, близких к нашей теме, отметим работы французского китаеведа Эдуара Шаванна, помещенные в начале XX в. в международном синологическом журнале "Тун бао".¹⁰ Издание полного свода монгольских документов XIII-XIV вв. в современной научной транскрипции недавно закончено венгерским ориенталистом Лайошем Лигети.¹¹

Переводы и публикации средневековых монгольских и китайских письменных источников в нашей стране претерпели огромные качественные изменения от работ русских востоковедов В.В.Григорьева и А.А.Бобровникова¹² до трудов советских ученых К.И.Шасстиной и Н.Ц.Мункуева.¹³ Исследования последних не являются собственно дипломатическими, однако они содержат настолько обширный и разносторонний материал по реалиям публикуемых текстов, что могут служить подлинными энциклопедиями для историков и языковедов любого профиля.

Принимая во внимание сказанное, а также то обстоятельство, что автор этих строк отнюдь не стремился перечислить все имеющиеся публикации разнородных источников и специальные труды по дипломатике, ибо эти вопросы уже достаточно полно освещены в приведенных выше исследованиях и еще будут нами рассматриваться, следует заметить, что восточная дипломатика все еще сильно отстает в своем развитии. В свой предмет она по-прежнему включает не только документы актового (т.е. договорного, сделочного) характера, но и вообще все рукописные документы. Тем самым восточная дипломатика не превратилась еще в специальную историческую дисциплину, не отпочковалась по существу от источниковедения, палеографии, хронологии, сфрагистики, истории канцелярий и нотариата.

Достижения русского источниковедения и дипломатики, в особенности обобщающее изложение основ дипломатики как специальной исторической дисциплины, принадлежащее С.М.Каштанову, послужили автору предлагаемой работы теоретической базой и отправным пунктом для исследования внутренней формы актов, созданных в XIII-XV вв. в канцеляриях феодальных правителей Монго-

лии, Средней Азии и Ирана.

Столь широкий охват источников, созданных в указанное время на огромной территории на языках монгольском и китайском, тюркском,¹⁴ персидском и арабском, не является случайным. Дело в том, что монархи, от имени которых издавались интересные нас акты, принадлежали (или причисляли себя) к потомкам Чингис-хана. Как во внешней, так и во внутренней политике они постоянно опирались на непререкаемый авторитет своего подлинного или мнимого предка и сознательно сохраняли чисто внешние атрибуты его власти. К последним относилась и канцелярская форма жалованных грамот, которые создавались по единому шаблону.

Документов XIII-XV вв. на указанной выше территории сохранилось сравнительно мало. Отдельные исторические периоды в разных государственных образованиях отражены в дошедших до нас первоисточниках крайне неравномерно. В то же время внутренняя форма актов, созданных в различных, даже слабо связанных между собой регионах, претерпела за три века сходную эволюцию. Поэтому документы, отражающие, например, социально-экономические процессы, происходящие в одной области, применимы в ряде случаев к характеристике тех же процессов на соседней территории. Это — лишь одна сторона вопроса о целесообразности комплексного изучения разноязычных актов, вышедших из канцелярий различных феодальных правителей и условно, в чисто практических целях исследования, названных нами чингизидскими жалованными грамотами. Другая сторона вопроса заключается в том, что выявление формуляров отдельных групп чингизидских жалованных грамот открывает перспективу реконструкции первоначального текста и объективного изучения золотоордынских актов XIII-XV вв., единичные экземпляры которых сохранились до наших дней либо в старинном русском переводе, либо в позднейших, подчас очень сомнительных, копиях.¹⁵

В обоих случаях речь идет о перспективах использования источников в различного рода исторических построениях. Это обстоятельство тем не менее — явление вторичного порядка. Первичная ценность формулярного анализа актов, созданных в XIII-XV вв. на территории Монголии, Средней Азии и Ирана, заключа-

ется в самой попытке комплексного изучения внутренней формы этих разноязычных актов в интересах развития дипломатики монгольской, иранской и др. Автор этих строк отнюдь не переоценивает своих возможностей. Однако необходимость сделать шаг в указанном направлении уже назрела.

Этой книге предшествовало несколько статей, в которых нашли отражение поиски и неизбежные ошибки автора на пути выявления формуляров чингизидских жалованных грамот XIII-XV вв.¹⁶ В настоящем издании предварительные выводы, сделанные в статьях, подверглись пересмотру. Одни положения были доработаны, от других пришлось отказаться.

Автор выражает глубокую благодарность своим консультантам по транскрипции и переводу текстов первоисточников - ленинградским ученым Э.К.Касьяненко (монгольские тексты), Б.Г.Дорониным, Л.Н.Меньшикову, Г.Я.Смолину (китайские тексты), О.Б.Фроловой (арабские тексты), Ч.А.Байбурди, В.Г.Кондратьеву (персидские тексты).

Г л а в а I. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ФОРМУЛЯРНОГО АНАЛИЗА

Типы формуляров

В задачу дипломатики входит исследование содержания актов через актовый формуляр. В понятие "формуляр" включаются схемы четырех типов: 1) условный формуляр - наиболее общая схема построения документов в целом; 2) абстрактный формуляр - общая схема построения документов определенной разновидности; 3) конкретный формуляр - схема построения определенных небольших групп документов внутри разновидности; 4) индивидуальный формуляр - схема построения отдельно взятого текста.¹

В западноевропейской дипломатике еще со времен средневековья установилось деление условного формуляра на компоненты, которые по-русски можно обозначить следующими терминами: богословие, адресант, адресат, приветствие, преамбула, объявление, повествование, распоряжение, санкция, удостоверение, выходные данные, заключение. Кроме того, с конца XIX в. условный формуляр стали подразделять на три части, каждая из которых состоит из нескольких компонентов. В начальный протокол входят богословие, адресант, адресат, приветствие; в основную часть - преамбула, объявление, повествование, распоряжение, санкция, удостоверение; в конечный протокол - выходные данные, заключение.²

Если учесть известное положение о том, что все документы, а не только акты, имеют некоторые общие признаки построения вступительной и заключительной частей,³ а также тот факт, что до наших дней дошло сравнительно мало чингизидских жалованных грамот, то для анализа вступительной и заключительной частей

их абстрактного формуляра мы вправе привлечь источники другого вида — указанные грамоты и другого рода — письма.⁴ Для установления конкретных формуляров нам, естественно, потребуются индивидуальные формуляры только жалованных грамот определенных разновидностей.

Систематизация источников

Приведем имеющиеся в нашем распоряжении источники в определенную систему. Во-первых, сгруппируем их по признакам вида письменности и языка (оба этих признака иногда совпадают в пределах одной группы). Во-вторых, внутри каждой из получившихся групп распределим имеющиеся источники по родам (грамоты и письма), а внутри каждого рода — по времени их составления, т.е. в хронологическом порядке. Обозначим группы источников каждого вида письменности заглавными буквами русского алфавита. В тех случаях, когда в группу входят разноязычные источники, каждую подгруппу документов одного языка дополнительно зашифруем строчными русскими буквами. Отдельные источники любой группы и подгруппы опишем по единой схеме: порядковый номер (для грамоты — римскими цифрами, для письма — арабскими цифрами), личное имя чингизида,⁵ год составления грамоты (или письма). В круглых скобках укажем номера страниц издания, где помещен текст оригинала (фотография, эстамп, перепечатка или научная транскрипция), и порядковый номер документа в данной публикации.

На полученные таким образом условные обозначения чингизидских грамот и писем можно ссылаться в процессе формулярного анализа, не прибегая к подстраничным сноскам, а лишь указывая в скобках букву группы документов и порядковый номер грамоты или письма.

Список источников

А. Документы уйгурского письма

а) на монгольском языке

I. Абу Са'ид, 1320 г. (256-263, № XXIII, 1-2)⁶

II. Кебек, 1326 г. (226, № XXI, 10)⁷

III. Туглук-Темир, 1348 или 1360 г. (227-228, № XXI, 11)

- IV. Туглук-Темюр, 1351 или 1363 г. (222-223, № XXI, 8)
 У. Туглук-Темюр, 1352 г. (220-221, № XXI, 7)
 VI. Туглук-Темюр, 1353 г. (210, № XXI, 2)
 I. Абака, 1267 или 1279 г. (243-244, № XXII, 1)
 2. Аргун, 1289 г. (245-246, № XXII, 2)
 3. Аргун, 1290 г. (248-249, № XXII, 3)
 4. Махмуд Газан, 1302 г. (250-251, № XXII, 4)
 5. Мухаммад Худабанда Öлджейтү, 1305 г. (252-255, № XXII, 5)

б) на тюркском языке

- I. Шахрух, 1422 г. (255)⁸
 П. Умар-шайх, 1469 г. (03)⁹
 I. Абу Са'ид, 1468 г. (195-200, № 10)¹⁰

Б. Документы квадратного письма

(на монгольском языке)

- I. Мангала сын Хубилая, 1276 г. (22-24, № 1)¹¹
 П. Хубилай, 1280 или 1292 г. (28-31, № 2)
 Ш. Хубилай, 1289 г. (36-37, № 4)
 IV. Хайсан сын Дармасалы, 1305 г. (41-42, № 5)
 У. Аурбарибада, 1314 г. (45-47, № 6)
 VI. Аурбарибада, 1314 г. (51-53, № 7)
 VII. Аурбарибада, 1314 г. (58-61, № 8)
 VIII. Аурбарибада, 1318 г. (64-66, № 9)
 IX. Тогон Тэмүр, 1342 г. (75-76, № 11)
 X. Тогон Тэмүр, 1351 г. (80-82, № 12)

В. Документы китайского письма

- I. Чингис-хан, 1223 г. (368, № 1)¹²
 П. Öгөдэй, 1235 г. (307, № 21)¹³
 Ш. Хайду сын Мөнхэ, 1257 г. (368, № 40)
 IV. Хубилай, 1261 г. (656-66а)¹⁴
 У. Хубилай, 1261 г. (табл. 17, № 41)
 VI. Хубилай, 1275 г. (374, № 42)
 VII. Мангала сын Хубилая, 1276 г. (377, № 43)
 VIII. Хубилай, 1280 г. (379-380, № 44)
 IX. Хубилай, 1280 или 1292 г. (60-61, № 3)¹⁵
 X. Хубилай, 1281 г. (65а-65б)
 XI. Тэмүр, 1296 г. (387, № 46)

- XII. Тэмүр, 1296 г. (389, № 47)
 XIII. Тэмүр, 1297 г. (392, № 48)
 XIV. Тэмүр, 1299 г. (395, № 49)
 XV. Тэмүр, 1305 г. (табл.2I, № 50)
 XVI. Хайсан, 1307 г. (312, № 22)
 XVII. Хайсан, 1309 г. (402, № 52)¹⁶
 XVIII. Аюрбарибада, 1311 г. (419, № 9)
 XIX. Аюрбарибада, 1314 г. (423, № 10)
 XX. Аюрбарибада, 1314 г. (406, № 54)
 XXI. Аюрбарибада, 1314 г. (58-59, № 1)
 XXII. Аюрбарибада, 1316 г. (343, № 34)
 XXIII. Аюрбарибада, 1318 г. (408, № 55)
 XXIV. Есун Тэмүр, 1324 г. (126-136)¹⁷
 XXV. Тук Тэмүр, 1331 г. (328, № 28)
 XXVI. Тук Тэмүр, 1331 г. (346, № 35)
 XXVII. Тогон Тэмүр, 1334 г. (339, № 32)
 XXVIII. Тогон Тэмүр, 1335 г. (156)¹⁸
 XXIX. Тогон Тэмүр, 1335 г. (341, № 33)
 XXX. Тогон Тэмүр, 1335 г. (табл.27, № 57)
 XXXI. Тогон Тэмүр, 1337 г. (416, № 58)
 XXXII. Тогон Тэмүр, 1351 г. (59-60, № 2)

Г. Документы арабского письма
а) на тюркском языке

- I. Хусайн Байкара, 1474 г. (77)¹⁹
 I. Гүйүк, 1246 г. (22)²⁰

б) на арабском языке

- I. Хулагу, 1260 г. (241-242)²¹
 2. Ахмад Такудар, 1282 г. (160-162)²²
 3. Махмуд Газан, 1301 г. (289-290)

в) на персидском языке

- I. Махмуд Газан, 1298-1304 гг. (426-430)²³
 II. Махмуд Газан, 1298-1304 гг. (434-438)
 III. Махмуд Газан, 1298-1304 гг. (438-446)
 IV. Махмуд Газан, 1298-1304 гг. (496-499)
 V. Махмуд Газан, 1298-1304 гг. (510-517)
 VI. Махмуд Газан, 1300 г. (430-432)
 VII. Махмуд Газан, 1304 г. (466-476)

- УШ. Мухаммад Худабанда Ёлджейти, 1313 г. (336-337)²⁴
 IX. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (6а-7а, № 4)²⁵
 X. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (7а-8б, № 5)
 XI. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (8б-9б, № 6)
 XII. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (12а-13а, № 8)
 XIII. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (13а-14а, № 9)
 XIV. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (14а-14б, № 10)
 XV. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (17а-18а, № 12)
 XVI. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (18б-19а, № 13)
 XVII. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (22а-22б, № 16)
 XVIII. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (23а-23б, № 17)
 XIX. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (26б-29б, № 20)
 XX. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (32а-32б, № 23)
 XXI. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (32б-33а, № 24)
 XXII. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (35а-36а, № 28)
 XXIII. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (44а-44б, № 37)
 XXIV. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (45б-46б, № 39)
 XXV. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (48б-49б, № 42)
 XXVI. Хусайн Байкара, 1469-1506 гг. (107а-107б, № 122)
 XXVII. Хусайн Байкара, 1474 г. (77)²⁶
 XXVIII. Хусайн Байкара, ок. 1488 г. (9б-12а, № 7)
 XXIX. Хусайн Байкара, после 1498 г. (38б-39а, № 31)
 1. Гүйүк, 1246 г. (15-16)²⁷
 2. Шахрух, 1416 г. (150)²⁸

Итак, список источников для формулярного анализа составлен. В нем представлены 92 документа (80 грамот и 12 писем). Если два параллельных текста грамоты (Б I и В II, Б II и В IX, Б У и В XIX, Б VI и В XX, Б УП и В XXI, Б УШ и В XXIII, Б X и В XXXII), а также некоторые грамоты и письма с иноязычными вставками (Га 1 и Гв XXVII, Га 1 и Гв 1) считать за один документ, то их общее число сокращается до 83 (72 грамоты и 11 писем).

Если распределить документы нашего списка по их принадлежности к различным канцеляриям, то окажется, что документов великих ханов в нем - 40 (Б II, III, У-Х; В I, II, IV-VI, VIII-XXXII; Га 1; Гв 1), документов улусных ханов наследников престола - 4 (Б I, IV; В III, УП), документов улусных ханов-чагатаидов - 5

(Аа II-VI), тимуридов - 26 (Аб I, II, 1; Га I; Гв IX-XXIX, 2), монгольских ильханов Ирана - хулагуидов - 17 (Аа I, 1-5; Гб 1-3; Гв I-VIII).

Подлинники чингизидских документов XIII-XV вв. дошли до наших дней лишь в единичных экземплярах, часто - в плохой сохранности. Так, грамота ильхана Абу Са'ида от 1320 г. на монгольском языке (Аа I) сохранилась на двенадцати клочках бумаги. Одно время ученые подразделяли эти фрагменты на три отдельных документа.²⁹ В публикации Л.Лигети обрывки текста делятся уже на две части. Нам представляется более вероятным предположение П.Пеллио о том, что фрагмент, включающий в себя богословскую преамбулу, является началом грамоты Абу Са'ида.³⁰ Пять грамот чагатаидов Кебека и Туглук-Темюра от 1326-1353 гг. на монгольском языке уйгурским письмом (Аа II-VI) дошли до нас в подлинном виде и сравнительно хорошей сохранности. То же можно сказать о пяти письмах ильханов Абаки, Аргуна, Махмуда Газана и Мухаммада Худабанда Ёлджейти от 1267-1305 гг. (Аа 1-5). В хорошей сохранности находятся и документы уйгурского письма на тюркском языке - грамоты тимуридов Шахруха и Умар-шайха от 1422 и 1469 гг. (Аб I-II) и письмо тимурида Абу Са'ида от 1468 г. (Аб 1).

Из документов квадратного письма на монгольском языке обнаружен только один подлинный акт на бумаге - грамота монгольского принца Хайсана сына Дармабалы от 1305 г. (Б IV). 9 остальных документов - жалованных грамот монгольских ханов - сохранилось лишь в виде надписей, высеченных на каменных стенах, возведенных при даосских (Б I, II, V-VI, IX, X) и буддийских (Б III, VIII) монастырях. Все эти надписи имеют параллельные китайские тексты. Два китайских текста для грамот великих ханов Хубилая от 1289 г. (Б III) и Тогон Тэмюра от 1342 г. (Б IX) оказались для нас недоступными.

Документы китайского письма - грамоты монгольских ханов, представленные в списке, сохранились либо в виде вставок - приложений к сочинениям различных китайских средневековых авторов (В I, IV, X, XXI, XXV), либо в виде надписей на каменных плитах при даосских (В II, III, V-VI, IX, XI-XIV, XVII, XIX-XXI, XXX-XXXII) и буддийских (В, VIII, XV, XVI, XXIII) монастырях, а также при гробнице Конфуция и в других местах, связанных с

проповедью идеологии конфуцианства (В ХУІ, ХХІІ, ХХУ-ХХУІІ, ХХІХ).

Документы арабского письма на тюркском языке, представленные в списке письмом великого хана Гүйүка от 1246 г. (Га 1) и грамотой тимурида Хусайна Байкары от 1474 г. (Га I), по существу являются лишь богословскими преамбулами на тюркском языке, начинающими соответствующие документы арабского письма на персидском языке (Гв I и Гв ХХУІІ). Иноязычные арабские вставки в начальные и конечные статьи документов арабского письма на персидском языке - явление, широко распространенное. Тюркские преамбулы в персидском тексте - явление уникальное. Оба документа дошли до нашего времени в прекрасно сохранившихся подлинниках.

Документы арабского письма на арабском языке представлены тремя письмами ильханов Хулагу, Ахмада Такудара и Махмуда Газана от 1260-1301 гг. (Гб 1-3), сохраненными для истории арабской хроникой первой половины XV в.

На персидском языке сохранилось 7 грамот начала XIV в. ильхана Махмуда Газана (Гв I-УІІ), включенных в "Сборник летописей" Рашид-ад-дина. У грамоты ильхана Мухаммада Худабанда Ёлджейту от 1313 г. (Гв УШ), дошедшей до нас в подлиннике, оборвано начало. 20 грамот тимурида Хусайна Байкары (Гв ІХ-ХХУІ, ХХУШ, ХХІХ) включены в состав формулярника и потому не сохранили начальных и конечных статей. Письмо тимурида Шахруха на персидском языке от 1416 г. (Гв 2) помещено в полном виде в сборнике XVI в., отражающем корреспонденцию турецких султанов.

Хронологическое распределение документов списка источников для формулярного анализа дает такую картину. На XIII в. приходится 24 документа (первая половина века - 2, вторая - 22), на XIV в. - 42 документа (первая половина века - 37, вторая - 5), на XV в. - 26 документов (первая половина века - 2, вторая - 24). Уже эти цифры свидетельствуют о неравномерной обеспеченности источниками различных исторических периодов. Более внимательное изучение списка источников позволяет прийти к выводу, что только первая половина XIV в. может считаться обеспеченной источниками удовлетворительно. Остальные исторические

периоды, в особенности первая половина XIII в., в нашем списке источников нашли совершенно неудовлетворительное освещение. Естественно, что и выводы наши относительно формулярного анализа чингизидских жалованных грамот XIII-XV вв. в ряде случаев носят лишь предварительный характер. Обнаружение и привлечение к формулярному анализу новых документов могут внести значительные коррективы в наше исследование.

Глава П. ФОРМУЛЯРЫ ЧИНГИЗИДСКИХ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ XIII-XV вв.

Членение индивидуального, конкретного и абстрактного формуляров

"Поскольку деление условного формуляра на части и компоненты есть схема, не все звенья которой имеются в конкретных документах, а порядок расположения компонентов в схеме далеко не всегда соответствует их расположению в конкретных документах, анализ внутренней формы последних должен начинаться с деления реального текста на статьи, т.е. законченные по мысли выражения, являющиеся грамматически самостоятельными простыми или сложными предложениями".¹ Статьи текста индивидуального формуляра обычно следуют в таком порядке: сакральные, мотивировочные, содержащие обращение, уведомительные, описательные, договорные, указные, просительные, процессуальные, удостоверительные.²

Сложная статья делится на предложения, которые подразделяются на обороты; обороты распадаются на элементы, а некоторые элементы - на характеристики. Простые статьи могут члениться непосредственно на элементы. Среди элементов и характеристик различаются реалии, формулы и описания. Реалии - имена лиц и названия географических объектов; формулы - устойчивые выражения-штампы, переходящие из одного документа в другой; описания - отступающие от "типичных" формул более или менее индивидуальные выражения, возникшие в силу необходимости охарактеризовать особые, не встречающиеся в предыдущих текстах понятия.³

В основе членения индивидуального, конкретного и абстрактного формуляров лежит принцип выделения законченных по мысли

статей. Компоненты условного формуляра могут относиться к статьям индивидуального и производных от него формуляров как часть к целому, как тождественные величины, как целое к части.⁴

Все эти положения, применимые к дипломатическому анализу русского актового материала, еще предстоит проверить на материале чингизидских жалованных грамот. Поскольку в качестве источников для формулярного анализа мы собираемся использовать разнородные документы, обратимся сначала к анализу вступительной и заключительной частей общей схемы построения жалованных грамот, т.е. их абстрактного формуляра.

Сакральные статьи

Сакральные статьи заключают в себе посвящение богу, т.е. они тождественны компоненту богословие условного формуляра. В грамотах чингизидов, написанных уйгурским, квадратным и китайским алфавитами, мы не находим сакральных статей в чистом виде. Объяснение этому можно видеть в следующем. Грамоты монгольских великих ханов и первых улусных ханов не могли содержать богословия, ибо его исключала практика отправления древнемонгольского культа. По словам итальянского путешественника XIII в. Плано Карпини, "они (монголы. — А.Г.) веруют в единого бога ... однако они не чтут его молитвами и похвалами".⁵ Грамоты улусных ханов — мусульман, написанные неарабским алфавитом, не могли содержать богословия, ибо прославлять бога им полагалось только на арабском языке и арабским письмом.

Впервые богословие в виде традиционного арабского коранического изречения: "Во имя аллаха милостивого, милосердного!" (Бисми-ллахи-р-рахмāни-р-рахīm), которое сокращенно именуется басмала, мы встречаем в письме ильхана Ахмада Такудара от 1282 г. (Гб 2). Та же басмала имеет место в письме ильхана Махмуда Газана от 1301 г. (Гб 3) и во всех его персидских грамотах от 1298-1304 гг. (Гв I-VII).

Жалованная грамота XV в. на персидском языке тимурида Хусайна Байкары от 1474 г. (Гв XXVII) заключает написанное по-арабски богословие иного вида: "Он (бог), богатый (не нуждающийся ни в чем)!" (Хува-л-ганй). Забегая на столетие вперед, отметим, что в жалованной грамоте арабского письма на турк-

ском языке шайбанида 'Абд ал-Латифа от 1543 г. богословие состояло из двух строк - вышеназванной и басмалы.⁶

Таковы скудные данные источников, на основании которых приходится судить о первой статье абстрактного формуляра чингизидских жалованных грамот XIII-XV вв. Несомненно, что сакральные статьи обязательны для жалованных грамот, написанных арабским письмом жалователями-мусульманами; эти статьи могут быть разных видов; они не имеют смысловой связи с основным текстом грамот.

Мотивировочные статьи

Известно, что жалованные грамоты занимают промежуточное положение между актами и неактами, ибо в них элемент договора контрагентов (цнязя и грамотчика) сочетается с элементом распорядительным, вытекающим из политического неравенства контрагентов, из которых один обладает в ряде случаев большими возможностями диктовать свои условия, чем другой.⁷ Мотивировка того или иного пожалования (в форме повеления) в чингизидских грамотах всегда замыкается на личности жалователя, обладающего правом распоряжаться судьбами простых смертных самим фактом своей принадлежности к "золотому роду" чингизидов. Поэтому мотивировочные статьи индивидуального и производных от него формуляров чингизидских жалованных грамот всегда совпадают с компонентом адресант условного формуляра.

Адресант условного формуляра чингизидских грамот, как правило, сложный, состоящий из нескольких оборотов. Адресант грамот великих ханов всегда отличается от адресанта грамот улусных ханов.

В качестве материала для анализа мы можем привлечь 8 грамот квадратного письма на монгольском языке от 1280-1351 гг. (Б II, III, У-Х),* 30 грамот китайского письма от 1223-1351 гг. (В I, II, IY-UI, УШ-XXXII) и тюркский адресант персидского письма Гуйюка от 1246 г. (Га 1).

Доподлинно известно, что письмо монгольского великого хана Гуйюка от 1246 г. (Га 1) к римскому папе Иннокентию IY было вначале написано по-монгольски, а затем уже переведено на персидский язык.⁸ На этом переводе, являвшемся противнем с

монгольского текста и имевшем значение оригинала, в двух местах была оттиснута красная квадратная печать Гүйүка. Текст на печати, начало которого дословно повторяет турецкий адресант письма, был вырезан уйгурскими буквами на монгольском языке.⁹ Сопоставим оба текста:¹⁰

Meŋgü täŋri küčündä	Mongke tngri-yin küčüntür
kür uluŋ uluŋnuŋ	yeke mongŋol uluŋ-un
talujnuŋ xan jarliŋimiz	dalay-in qanu jrlŋ

Перевод первой строки турецкого и монгольского текстов однозначен: "Предвечного бога силою". Сочетание küčlüg täŋri (сильный бог) встречается еще в древнетюркском переводе памятника У-УП вв. "Покаянная молитва манихейцев" (уйгурское письмо),¹¹ а сочетание täŋri küč (божья сила) — на памятнике УШ в. в честь Кюль-Тегина (руническое письмо).¹² Возражение здесь может вызвать перевод слова "тенри/тенгри". Монголисты и синологи обычно предпочитают переводить это слово как "Небо" (обязательно с прописной буквы), имея в виду некую божественную силу, но только не бога в христианском или мусульманском понимании. Отстаивая наш перевод, сошлемся на "Древнетюркский словарь",¹³ а также на то обстоятельство, что в более поздних грамотах чингизидов-мусульман слово "тенри" именно в этом контексте обозначает исключительно единого бога.¹⁴ В данном случае в нашу задачу входит выяснение общих сопоставимых значений разноязычных актов, а не тех нюансов, которые эту задачу сводят на нет.

Большой интерес представляет вторая строка сопоставляемых текстов. Дело в том, что ни в одной из известных нам жалованных грамот великих ханов эта строка не встречается. Может быть, она была характерна для адресанта межгосударственных посланий великих ханов. Проверить это не представляется возможным, ибо письмо Гүйүка единственно в своем роде. Монгольский текст этой строки переводится легко: "великого монгольского улуса". Переводить слово "улус" в данном случае кажется нецелесообразным. Видимо, оно включает в себя целый комплекс значений: 'народ, страна, племя, соединение нескольких племен, родовой союз, владение хана'.¹⁵ В турецком тексте этой строки отсутствует этноним "монгол", но зато появляется загадочное

слово *kür*. "Древнетюркский словарь" дает ему значение "смелый, отважный".¹⁶ П.Пеллио предлагал переводить его "весь, целый".¹⁷ Мы присоединяемся к предложению П.Пеллио в связи с тем, что на победной стеле, воздвигнутой племянником Чингис-хана Йисунке в 1224 или 1225 г., мы находим выражение *qamū mongγol ulūā-ıñ* (всего монгольского улуса).¹⁸ Таким образом, вторую строку тюркского текста мы переводим: "всего великого улуса". Отметим, что выражение, идентичное монгольскому тексту второй строки, встречается на стелах, воздвигнутых в торжественных случаях на территории Юаньского Китая в 1335, 1338 и 1362 гг.¹⁹ Иными словами, понятие "великий монгольский улус", возникшее, видимо, еще при Чингис-хане, бытовало в созданной им империи вплоть до последних дней ее существования. В жалованных грамотах великих ханов это выражение, скорее всего, никогда не употреблялось.

Третья строка анализируемых тюркского и монгольского текстов затруднений при переводе не вызывает: "океанского (великого) хана повеление наше". Слово "ярлык" мы переводим как "поведение".²⁰ Отметим, что притяжательное местоимение *manu* (наше) отсутствует в монгольском тексте печати Гүйюка.

Весь тюркский адресант письма Гүйюка переводим соответственно:

Предвечного бога силою
всего великого улуса
великого хана повеление наше.

Перевод - толкование этого адресанта выглядит, по-нашему мнению, следующим образом: "Наше, великого хана всего великого улуса, [достигшего этого звания] силою (через посредство) предвечного бога, повеление".

Этот же адресант в роли мотивировочной статьи индивидуального формуляра расчленяется на два оборота. Первый оборот - "Предвечного бога силою" - составляет первую строку адресанта, две оставшиеся строки являются двумя элементами второго оборота.

Говорить здесь о том, что первый оборот мотивировочной статьи (или первая строка адресанта) является одновременно бо-

гословской преамбулой²¹ - можно лишь условно. Богословская преамбула в русских жалованных грамотах характеризовалась, во-первых, функциональной близостью к богословию, т.е. прославлению бога; во-вторых, - формальной связью с пожалованием, ибо последнее производилось "для" или "ради" бога, святого и т.п.; в-третьих, - проведением в религиозной форме идеи сюзеренно-вассальной взаимности (систематический отказ от богословской преамбулы в великокняжеских грамотах начиная с середины XV в. - следствие изживания местных сюзеренно-вассальных отношений). Первый оборот в мотивировочных статьях формуляров чингизидских жалованных грамот великих ханов существенно отличается от русской богословской преамбулы. Во-первых, он функционально связан не с богословием, а с личностью великого хана, инвестируемого которого соотносится с проявлением божественной силы. Во-вторых, этот оборот не имеет формальной связи с пожалованием, ибо оно рассматривается как акт односторонней милости великого хана. В-третьих, идея сюзеренно-вассальной взаимности здесь также не прослеживается. Этот оборот мотивировочной статьи (или часть адресанта условного формуляра) - формальное свидетельство неограниченной власти монарха. Улусные ханы (например, в Иране и Золотой Орде), освобождаясь от вассальной зависимости, изменяли некоторые детали (о которых речь пойдет ниже) в адресанте своих грамот, оставляя этот оборот в неприкосновенности.

Грамоты квадратного письма на монгольском языке от 1280-1351 гг. (Б II, III, У-Х) дают актовый материал более позднего времени, но зато он охватывает почти весь период существования в Китае монгольской династии, именуемой по-китайски Юань (1271-1368 гг.).²²

Мотивировочные статьи формуляров всех этих грамот имеют единообразный вид и состоят из трех оборотов:²³

Mōŋka dēnri-yin kǎdūn-dūr
yēke su Jalī-yin 'ihēn-dūr
qāl Jarliq manu

Перевод первого оборота нам уже известен: "Предвечного бога силою". Второй оборот менее понятен. Мы присоединяемся к мнению некоторых исследователей о том, что он связан с куль-

том Чингис-хана,²⁴ который, как известно, имел место в Монгольской империи.²⁵ Переводим этот оборот следующим образом: "Великого благоденствия пламени покровительством". Третий оборот - "великого хана повеление наше" - выше уже приводился в тюркской и монгольской формах. Только там слово "хаган" (великий хан)²⁶ давалось в форме "далай-хан". Здесь же сохраняется и превращается в закономерность еще одно интересное явление. Оказывается, монгольские великие ханы в адресанте своих документов избегают называть собственное имя. В целом перевод мотивировочной статьи в монгольских грамотах квадратного письма гласит:

Предвечного бога силою
великого благоденствия пламени покровительством
великого хана повеление наше.

Мы склонны рассматривать появление здесь второго оборота не как проявление "дополнительной" силы, не как своеобразное "второе слагаемое", которое способствует утверждению на престоле великого хана, а как создание промежуточного звена в цепи: предвечный бог - пламя великого благоденствия - великий хан. Бог утверждает пламя, которое, со своей стороны, способствует утверждению великого хана. Великий хан, таким образом, отделяется от предвечного бога на одну ступень, каковой предположительно является обожествленный Чингис-хан. Личность грамотчика в таком случае еще более принижается. Над ним теперь довлечет власть великого хана, обожествленного Чингис-хана и предвечного бога.

Рождение второго "промежуточного" оборота в адресанте грамот великих ханов датируется, видимо, временем введения великим ханом Хубилаем новой письменности - квадратной, заменившей собой уйгурский алфавит. Это событие произошло в 1269 г.²⁷ Здесь уместно заметить, что, очевидно, квадратное письмо преобладало даже на территории ваньского Китая только в документах из канцелярии великого хана. Выше мы уже отмечали, что чингизиды более низкого ранга в ряде случаев и в Китае пользовались уйгурской письменностью.²⁸ Что же касается других улусов Монгольской империи, то мы не находим ни одного официального документа, который исходил от улусного хана и был бы вы-

полнен квадратным письмом.

Самую многочисленную группу актов монгольских великих ханов составляют документы китайского письма - грамоты от 1223-1351 гг. (В I, II, IV-VI, VIII-XXXII), дающие богатый и разнообразный материал для дипломатического анализа.

Древнейшая из этих грамот выдана в 1223 г. Чингис-ханом одному из руководителей даосов Цю Чань-чуню (В I). Текст грамоты содержится в качестве приложения в "Описании путешествия на Запад", составленном учеником и спутником Чань-чуня Ли Чжи-чаном.²⁹ Подлинность документов из этого приложения неоднократно подвергалась сомнению. Мы пренебрегаем этими сомнениями. Во-первых, бесспорно, что Чань-чунь действительно встречался с Чингис-ханом и пользовался его расположением. Во-вторых, будь эта, современная Чингис-хану, грамота даже подложной, ей, конечно, придана форма подлинной. Нас же в данном случае интересует формальная сторона документа.

Мотивировочная статья индивидуального формуляра грамоты от 1223 г., т.е. ее адресант, состоит из одной строки: "Чэн - цзиси хуанди шэн-чжи" (Чингиса императора повеление). Если рассматривать китайское слово "хуанди" (император) как замену слова "хан" в имени Чингис-хан, то адресант грамоты можно прочесть и так: "Чингис-хана повеление". Учти тот факт, что формант притяжательности "наше" (тюркск. *miz*, монгольск. *manu*) при слове "повеление", принятый в адресанте грамот великих ханов на тюркском и монгольском языках, в грамотах на китайском языке никогда не писался, можно в интересах более точного формального сопоставления разноязычных текстов переводить анализируемый адресант таким образом: "Чингис-хана повеление наше".

Теперь вспомним, что ставшее за много веков привычным сочетание слов "Чингис-хан" является собственно не личным именем, а почетным прозвищем - титулом Тэмүджина. Это сочетание вне зависимости от решения вопроса о точной этимологии слова "чингис"³⁰ воспринималось современниками Тэмүджина как "великий хан". Такое решение позволяет предполагать монгольскую или тюркскую параллель китайского адресанта грамоты от 1223 г. в виде: "Великого хана повеление наше". Так мы истолковывали и переводили заключительные обороты адресантов письма Гүйюка от 1246 г. и всех сохранившихся грамот великих ханов, выпол-

ненных квадратным письмом на монгольском языке.

Грамота Ёгёдя от 1235 г. (В II) также имеет адресант в одну строку: "Хуанди шэн-чжи" (Императора повеление), т.е. опять-таки: "Великого хана повеление наше". Затем следует десятилетний перерыв в наших сведениях. Письмо Гуйюка от 1246 г. (Га 1) позволяет предполагать, что примерно с этого времени простой до того адресант в грамотах великих ханов усложняется оборотом: "Предвечного бога силою". Это предположение подтверждают две китайские грамоты Хубилая от 1261 г. (В IV, V), адресанты которых состоят из двух строк и читаются так:

Чан шэн тянь ци ли ли	Предвечного бога силою
хуанди шэн-чжи	великого хана повеление наше.

После введения квадратной письменности в 1269 г. адресант в грамотах великих ханов разрастается до трех строк. В известных нам грамотах китайского письма от 1275-1351 гг. (В VI, IX, X, XII, XIII, XV, XVI-XXI, XXIII, XXIV, XXVIII, XXX-XXXII) он выглядит следующим образом:

Чан шэн тянь ци ли ли
да фу инь ху чжу ли
хуанди шэн-чжи
Предвечного бога силою
великого благоденствия пламени покровительством
великого хана повеление наше.

Отступает от общего правила адресант в грамоте Тэмүра от 1296 г. (В XI). Он состоит из двух строк. Текст грамоты сохранился только на каменной стеле. Согласимся с Э.Шаванном, предполагавшим, что "промежуточную" строку опустили в результате простого недосмотра.³¹ По той же, видимо, причине³² адресант грамоты Хубилая от 1280 г. (В VIII) состоит из трех строк, но как первая, так и вторая строки произвольно сокращены:

Чан шэн тянь
да фу ху чжу ли.

В приведенную выше довольно стройную схему эволюции адресанта в грамотах монгольских великих ханов вклинивается совершенно отличный по форме адресант грамот китайского письма от

1299-1335 гг. (В XIV, XVI, XXII, XXV-XXVII, XXIX). Он состоит из двух строк:

Шан тянь цзянь мин	Всевышнего бога благоизволением
хуанди шэн-чжи	императора повеление.

Содержание адресанта, как видим, примерно то же, но форма первой строки никак не согласуется с формой первой строки адресанта всех тех грамот, которые мы рассмотрели выше; опять появляются две строки вместо трех. Нам кажется, что ключ к разгадке этого явления дает наблюдение Ян Лянь-шэна, который отмечал, что монгольские ханы в период владычества в Китае издавали свои указы под двумя названиями: шэн-чжи и чжао шу, причем первые в большинстве случаев составлялись на монгольском языке и затем переводились на разговорный китайский язык, а вторые писались на классическом китайском языке.³³ Все указанные выше грамоты великих ханов с необычным адресантом объединяют две особенности: они написаны на классическом китайском языке и даруют высшие почетные титулы руководителям учений даосизма и конфуцианства. Итак, необычность адресантов названных грамот объясняется тем, что их текст не был связан с монгольскими обязательными образцами, а заимствован из делопроизводства китайской канцелярии.

Переходя к рассмотрению мотивировочных статей в формулах грамот улусных ханов, вспомним, что мы располагаем 4 документами улусных ханов - наследников великоханского престола (Б I, IV; В III, VII), 5 документами улусных ханов-чагатаидов (Аа II-VI), 26 документами тимуридов (Аб I, II, 1; Га I; Гв IX-XXIX, 2), 17 документами хулагуидов - монгольских ильханов Ирана (Аа I, 1-5; Гб 1-3; Гв I-VIII). Проанализируем формы адресанта в грамотах феодальных владык этих разных регионов и сравним полученные результаты.

Самый древний документ улусных ханов - наследников престола - грамота китайского письма, выданная Хайду сыном Мёнкэ в 1257 г. (В III). Ее адресант состоял из трех строк и гласил:

Чан шэн тянь ци ли ли	Предвечного бога силою
Мёнкэ хуанди фу инь ли	Мёнкэ великого хана благоденствием
Хайду тай-цзы лин-чжи	Хайду наследного принца указ.

Первая строка целиком заимствована из адресанта грамот великих ханов. Вторая строка обращает на себя внимание тем, что в ней содержится личное имя великого хана. В третьей строке личное имя наследного принца (тай-цзы)³⁴ Хайду сочетается с китайским термином "лин-чжи", означавшим документ, исходящий от имени наследного принца. Нам представляется, что перевод-толкование всего адресанта выглядит так: "[Наш], наследного принца Хайду, [являющегося наследником престола вследствие] благоденствия великого хана Мёнкэ, [получившего престол] силою (через посредство) предвечного бога, указ".

Следующий по времени документ - жалованная грамота билингва Мангалы третьего сына Хубилая от 1276 г. (Б I; В УП). В этом случае исследователю представляется счастливая возможность сопоставить параллельные, монгольский (квадратного письма) и китайский, тексты одного и того же адресанта:

[Mô] n̄ [kə] dēnr [i]-yin kučün-dür	Чан шэн тянь ци ли ли
qān-u su-dur	хуанди фу инь ли
γōn-zī 'An-[s]i цап 'üge manu	хуан-цзы Аньси ван лин-чжи

Предвечного бога силою
 великого хана благоденствием
 наследного принца Аньсийского князя указ наш.

Первая и вторая строки этого адресанта нам уже знакомы по предыдущей грамоте. Во второй строке исчезло личное имя великого хана. Кажется, что только при великом хане Мёнкэ личное имя монарха писалось в адресантах грамот великого и улусных ханов. Возможно, что Мёнкэ импонировало такое сочетание: *Mongke tngri - Mongke qaγan* (Предвечный бог - Мёнкэ великий хан), ибо эпитет бога и личное имя хана обозначались по-монгольски одинаково. Третья строка адресанта отличается от таковой в адресанте грамоты Хайду, во-первых, тем, что взамен личного имени наследника мы видим здесь его владетельный титул - князь (китайск. ван) области Аньси.³⁵ Во-вторых, термин "наследный принц" передается здесь другим сочетанием слов - "хуан-цзы", которое можно еще перевести как "императорский наследник". В-третьих, монгольский текст третьей строки позволяет нам уверенно прибавлять к слову "указ" притяжательное местоимение "наш". Вообще монгольское *üge* значит "слово", но это как раз

тот случай, когда слово - закон. Если "ярлык" в грамотах великих ханов мы передаем по-русски словом "повеление", то уже в грамотах улусных ханов будет на ранг ниже - "указ".

Третья жалованная грамота, написанная на бумаге по-монгольски квадратным письмом, дошла до нас в оригинале, - еще одно подтверждение того, что грамоты ханов в юаньском Китае писались обычно по-монгольски и только позднее переводились на китайский язык. Эта грамота Хайсана сына Дармабалы внука Хубилая, будущего великого хана Хайсана, от 1305 г. (Б IY). Ее адресант гласит:

Mönka déñri-yin kǎdün-dür
qān-u su-dur
ᠬай-ᠰан ᠬай-нинᠢ цаᠢ
'üge manu

Предвечного бога силою
великого хана благоденствием
Хайсана Хуайнинского князя
указ наш.

Оставляя без комментариев знакомые две строки, обратимся к третьей строке. Она состоит из трех элементов: личное имя, владетельный титул, указ. За недостатком актового материала остается только гадать: был ли это окончательно сложившийся образец адресанта улусного хана - наследника престола или же личное имя хана стоит здесь вместо термина "наследный принц" из-за того, что отец Хайсана не был великим ханом.

Обратившись к грамотам улусных ханов чагатаидов, замечаем такую картину: до предела упростившийся адресант состоит только из двух элементов - личного имени и указа. Правда, об адресанте чагатаидов мы можем судить лишь по пяти монгольским грамотам уйгурского письма, выданным улусными ханами Кебеком и Туглук-Темюром между 1326 и 1353 гг. (Аа II-VI), т.е. за сравнительно короткий промежуток времени.

К тимуридам, претендовавшим на принадлежность к роду Чингис-хана по женской линии, в нашем списке источников относятся 26 (точнее, 25) документов XV в. Однако только у четырех из них, за 1422-1474 гг., сохранились адресанты (Аб I, II, 4; Га I).

Первый по времени документ - жалованная грамота уйгурского письма на тюркском языке от 1422 г. (Аб I) - выдана Шахрухом. Ее адресант состоит из одной строки:

Şahruh batur sözüm
Шахруха батурса указ мой.

Здесь можно отметить, во-первых, почетный титул "батур" (багатур, рус. богатырь) после личного имени. Во-вторых, слово "указ" снабжено показателем принадлежности первого лица, но не множественного (как мы это видели в монгольских грамотах улусных ханов), а единственного числа - "мой".

Послание Абу Са'ида от 1468 г., написанное по-тюркски уйгурским алфавитом (Аб 1), имеет несколько иной адресант:

Sultan Abu Sa'id kürkän sözüm
Султана Абу Са'ида гургена указ мой.

В этом случае перед личным именем стоит титул "султан", соответствующий монгольскому "хан", а после личного имени поставлено почетное прозвище "гурген" (монгольск. küregen, рус. - зять), т.е. зять великого хана, приобщившийся к роду чингизидов посредством женитьбы на дочери чингизида. В жалованной грамоте Умар-шайха от 1469 г. (Аб II) адресант такой же, только вместо прозвища "гурген" опять стоит bahadur (богатырь).

Тюркский адресант персидской жалованной грамоты Хусайна Байкары от 1474 г. (Га I) еще более усложняется:

Abu-l-ğazi sultan Ğusajn bahadur sözümiz
Победоносного султана Хусайна бахадура указ наш.

В этом адресанте титул "султан" "облагораживается" почетным мусульманским прозвищем "абульгази" [отец победы (в войне за мусульманскую веру) = победоносный], а к слову "указ" добавляется показатель принадлежности первого лица, но уже не единственного, как прежде, а множественного числа - "наш". Видимо, процесс усложнения формы адресанта в грамотах среднеазиатских улусных ханов-чингизидов протекал примерно в тех же формах и в других улусах. В документе XVI в. - жалованной грамоте шайбанида Абд ал-Латифа от 1543 г. адресант выглядел так:³⁶

Abu-l-ğazi 'Abd al-Latif bahadur хан sözümiz .
Победоносного Абд ал-Латифа бахадура хана указ наш.

Адресант, как видим, разнится от предыдущего только тем, что титул "султан" здесь заменен равнозначным "хан". Титул пе-

редвинулся ниже и занял место после почетного прозвища "бахадур".

Из 17 документов, исходивших от хулагуидов, два (Аа 3; Гв УШ) не сохранили начальных строк. Для анализа мотивировочных статей формуляров пригодны только 15 документов от 1260-1320 гг. (Аа 1, 1, 2, 4, 5; Гб 1-3; Гв I-УП).

Первым по времени является письмо на арабском языке основателя династии монгольских ильханов Ирана Хулагу, посланное к мамлюкскому султану Египта в 1260 г. (Гб 1). Это письмо дошло до нас в составе руководства по ведению дипломатической переписки для чиновников государственного аппарата Египта, принадлежавшего перу ал-Калкашанди (1353-1419), а также в составе хроники о мамлюкских султанах, составленной ал-Макризи (1364-1442).³⁷ Письмо, по словам ал-Калкашанди, представляло собой "не что иное, как грубости и открытые вызовы к вражде".³⁸ Адресант его выглядел таким образом:

Мин малики-л-мулук шарқан ва гарбан ал-қани-л-а³ зам
бисмика-ллахумма бāsита-л-арди ва рафи⁴ а-с-самā⁵

От царя царей Востока и Запада, величайшего хана,
во имя твое, о боже, простерший землю и поднявший небо!

Письмо Хулагу не имеет года написания (оно датируется нами по времени прибытия в Египет посольства). При чтении его невольно вспоминается такое же "ругательное" письмо золотоордынского хана Ахмада, направленное русскому великому князю Ивану III предположительно в 1480 г.³⁹ Письмо Ахмада также не датировано. Его адресант также не совмещается ни с одним из известных адресантов золотоордынских документов ни до, ни после предполагаемого времени его написания. Оно также известно только в русском переводе (т.е. в переводе или пересказе на язык получателя - адресата), да еще и в единственном списке. Может быть, в основе обоих писем и лежат подлинные документы, и события, в них запечатленные, заслуживают доверия. В настоящем, не реконструированном, виде ни то, ни другое письмо не может быть использовано для дипломатического анализа.

Послание уйгурского письма на монгольском языке сына Хулагу Абаки от 1267 или 1279 гг. (Аа 1) сохранилось в подлиннике. Форма его адресанта, гласившего [Абау-] а үге ману (Аба-

ки указ наш), нам хорошо знакома и не нуждается в комментариях.

Адресант арабского письма принявшего ислам ильхана Ахмада Такудара от 1282 г. (Гб 2) состоял из трех оборотов:

Би-қуввати-л-лāхи та'āла	Всевышнего бога силою
би иқбāли қāн	великого хана благоденствием
фирмāн Ахмад	Ахмада указ.

Этот адресант нам так же хорошо знаком, как и предыдущий. В первом его обороте традиционная монгольская формула "предвечный бог" эквивалентно заменена столь же традиционной арабской коранической формулой "всевышний бог". При слове "указ" нет обычного монгольского или тюркского показателя принадлежности - "наш" или "мой".

Подлинник монгольского уйгурским алфавитом письма Аргуна от 1289 г. (Аа 2) представляет в наше распоряжение уже полностью знакомый адресант из трех оборотов:

Mongke tngri-yin küündür	Предвечного бога силою
qayan-u suu-tur	великого хана благоденствием
Argun üge manu	Аргуна указ наш.

Мотивировочная статья на арабском языке персидской грамоты Махмуда Газана от 1298-1304 гг. (Гв I) дает такой текст:

Би-қуввати-л-лāхи та'āла
ва майамини-л-миллати-л-мухаммадийа
фирмāн султан Махмуд Газан
Всевышнего бога силою
и мухаммеданской религии благоденствием
султана Махмуда Газана указ.

В данном случае, кроме того, что в третий оборот статьи перед личным именем ильхана включен титул "султан", изменен по форме и содержанию весь второй ее оборот. В прежних адресантах улусного хана поддерживал моральный авторитет великого хана. Здесь в адресанте нет даже упоминания о великом хане, его вытесняет мусульманская религия. Иными словами, бывший улусный хан открыто заявляет о разрыве вассальных отношений со своим бывшим номинальным феодальным сеньором.

Не вносят разнообразия в рассмотренный адресант из трех

строк и другие персидские грамоты Махмуда Газана от 1298-1304 гг. (Гв II, III, VI), и его арабское письмо от 1301 г. (Гв З). Только две его персидские грамоты (Гв IV, V) имеют персидские адресанты:

Би қувват-и худайе та'ālā
ва-майāман-и миллат-и мухаммадī
фарман-и султан-и Махмуд Газан
Всевышнего бога силою
и мусульманской религии благоденствием
султана Махмуда Газана указ.

И вдруг в монгольском уйгурским алфавитом письме Махмуда Газана к папе римскому от 1302 г. (Аа 4) мы встречаемся с простейшим однострочным адресантом: *Yazan üge manu* (Газана указ наш). В том, что это не случайность, убеждает, во-первых, тот факт, что здесь мы имеем дело с подлинником, а, во-вторых, одна из последних персидских грамот Махмуда Газана от 1304 г. (Гв VII) также имеет однострочный адресант: Фарман-и султан-и Махмуд Газан (Султана Махмуда Газана указ). Правда, при личном имени здесь находится титул "султан".

Образец адресанта следующего ильхана, Мухаммада Худабанда Ёлджейту, находим в монгольском уйгурским алфавитом письме его от 1305 г. (Аа 5). Опять тот же однострочный адресант: *Öljeitü soltan üge manu* (Султана Ёлджейту указ наш). Только теперь уже титул "султан" расположен согласно тюрко-монгольским канонам после личного имени.

Последний по времени документ хулагуидов - грамота ильхана Абу Са'ида от 1320 г. (Аа I) - написан по-монгольски уйгурским алфавитом. Он дает пример невиданно пышного адресанта, состоящего из четырех строк:

Mongke tngri-yin küündür
Muqamad baiyambar-un imadur
yeke suu Jali-yin ibegendür
Busayid baqatur qan üge manu
Предвечного бога силою
Мухаммеда пророка помощью
великого благоденствия пламени покровительством
Абу Са'ида багатура хана указ наш.

В своих притязаниях на формальную независимость от великого хана Абу Са'ид идет здесь дальше Махмуда Газана. Во-первых, он целиком заимствует первую и третью строки своего адресанта из формуляров грамот великих ханов. Во-вторых, он разделяет эти неразрывные по смыслу строки второй строкой, ставящей помощь пророка Мухаммеда выше покровительства своего обоженственного предка. Форма заключительной, четвертой, строки его адресанта знакома нам по поздним адресантам грамот тимуридов и шайбанидов.

Итак, мы закончили анализ мотивировочных статей в индивидуальных формулярах грамот великих и улусных ханов-чингизидов XIII-XV вв. Не все из рассмотренных грамот можно назвать жалованными. Добавим к тому же, что не все документы были грамотами. Так что выводы относительно формы и содержания мотивировочных статей (или адресантов) чингизидских документов в полной мере относятся не только к индивидуальным, конкретным и абстрактному формулярам чингизидских жалованных грамот, но в такой же мере и к условному формуляру вообще всех чингизидских актов, и даже не только актов, но и (если не полностью, то в значительной степени) документов эпистолярного характера.

В жалованных грамотах великих и улусных ханов мотивировочные статьи абстрактного формуляра совпадают с компонентом адресант условного формуляра чингизидских актов. Указ органично включен в состав статьи в качестве элемента.

Мотивировочная статья формуляров грамот великих ханов обретает устойчивую форму после введения в Монгольской империи квадратного письма в качестве официального, т.е. после 1269 г. Мотивировочная статья состояла тогда из трех оборотов и выглядела следующим образом:

Mōŋka dēnri-yin kučün-dür
yēke su ĵali-yin 'ihēn-dür
qān ĵarliq manu

Предвечного бога силою
великого благоденствия пламени покровительством
великого хана повеление наше.

Исторически эта статья складывалась в такой последова-

тельности: сначала появился третий оборот, затем — первый и, наконец, второй оборот. В юаньском Китае от лица великих ханов обычно издавались грамоты на монгольском языке, которые затем переводились на китайский разговорный язык. Мотивировочные статьи их формуляров дословно воспроизводили монгольскую форму. В некоторых случаях грамоты великих ханов писались сразу на классическом китайском языке. Тогда форма их мотивировочных статей не полностью совпадала с монгольской, хотя и была постоянной.

Полная форма мотивировочной статьи формуляров грамот улусных ханов также включала три оборота. Улусные ханы — наследники великоханского престола писали эту статью, как и весь текст грамоты, квадратным письмом. Крайние улусные ханы квадратного письма не употребляли, а создавали свои грамоты по-монгольски уйгурским алфавитом. Мотивировочная статья писалась так:

Mongke tngri-yin kücündür	Предвечного бога силою
qayan-u yuu-tur	великого хана благоденствием
(Личное имя) üge manu	(Личное имя) указ наш.

Центробежные тенденции в Монгольской империи неизбежно вели к тому, что феодальные правители улусов постоянно стремились к избавлению от пусть даже номинальной зависимости великого хана. На форме мотивировочных статей формуляров их грамот этот процесс сказывался по-разному. Во-первых, существовала общая для ханов всех улусов тенденция, если так можно сказать, "пассивного сопротивления". Из мотивировочных статей их грамот исчезали первые два оборота, а третий оборот оставался в неприкосновенности. Во-вторых, довольно частым явлением была тенденция к модификации оставшегося третьего оборота за счет введения в него красочных эпитетов, титулов и почетных прозвищ. В-третьих, некоторые ильханы Ирана сохраняют первые два оборота мотивировочной статьи только затем, чтобы модифицировать второй оборот, изъяв из него титул великого хана и вписав в образовавшуюся лауну название мусульманской религии. Позже некоторые ильханы идут еще дальше. Они заимствуют из мотивировочных статей грамот великих ханов первые два оборота, заключают между ними совершенно новый оборот, декларирующий главенство мусульманской религии, и отбрасывают от прежней "улусной"

статьи только третий (отныне ставший уже четвертым) оборот, модифицировав его до предела.

При всем том в основе всех модификаций и переводов мотивировочной статьи грамот улусных ханов на турецкий, арабский и персидский языки лежит ее монгольский образец. Это положение безусловно справедливо для всех чингизидских документов периода существования Монгольской империи и ее осколков. Что же касается исторических корней в вопросе о соотношении монгольского и турецкого элементов в монгольском актовом формуляре вообще, то этого вопроса мы здесь не касаемся.

Статьи, содержащие обращение

Статьи индивидуального и производных от него формуляров чингизидских жалованных грамот, содержащие обращение, полностью включают в себя такой компонент условного формуляра чингизидских актов, как адресат. Для детального рассмотрения вопроса о составе статей чингизидских жалованных грамот, содержащих обращение, адресуемся к источникам. Сразу же отметим, что все эпистолярные документы нашего списка в данном случае придется исключить из числа источников, подлежащих анализу. Действительно, адресат письма чингизидка качественно отличается от адресата чингизидской жалованной грамоты. В письме адресант-чингизид обращается к его адресату-получателю непосредственно, рассчитывая, если не на немедленный ответ, то, во всяком случае, на немедленное "одноразовое" усвоение написанного. Теоретически получатель может быть и ниже, и выше отправителя по своему общественному положению. После такого обращения мы вправе ожидать приветствие. В адресате жалованной грамоты ее непосредственный получатель (держатель) — грамотчик, как правило, и не упоминается, ибо этот адресат — обращение к лицам, которые теоретически могут свести на нет данное пожалование. Чем значительнее пожалование, тем, естественно, шире круг лиц, которых нужно о нем предупредить. Все эти лица так или иначе зависят от жалователя, в противном случае обращение теряет практический смысл. После такого обращения следует уже не приветствие, а публичное объявление — оповещение. Адресат и оповещение в целом и создадут то законченное по мысли выражение,

которое можно назвать статьей, содержащей обращение.

В качестве источников для анализа статей, содержащих обращение, в жалованных грамотах великих ханов нами рассматриваются 8 документов квадратного письма на монгольском языке (Б II, III, У-Х) и 30 документов китайского письма (В I, II, IV-VI, VIII-XXXII). Уже зная о том, что в основу формуляров чингизидских жалованных грамот положены монгольские, а не китайские образцы, начнем анализ с монгольских грамот.

В индивидуальном формуляре монгольской жалованной грамоты великого хана Хубилая от 1280 или 1292 г. (Б II)⁴⁰ статья-обращение выглядела следующим образом:

ᠵeri'üd-ün noyad-da

ᠵerig haran-a

ba [la]qad-un daruqas-da noyad-da

yǒrčiqun yabuqun élčin-e

dū [l]qaqu᠋ᠢ jarliq

Войска князьям,

войсковым людям,

городов даругам-князьям,

проезжим послам

к совершенному постижению ярлык.

Приведенная статья из пяти оборотов четко разграничивается на две части – адресат и оповещение. К адресату относятся первые четыре оборота. Последний, пятый, оборот заключает в себе оповещение.

Первый оборот адресата – обращение к князьям войска (ᠵeri'üd-ün noyad). Эти князья – нойоны являлись предводителями древних аристократических родов дофеодальной Монголии и представителями класса монгольских феодалов рассматриваемого здесь периода.⁴¹ Второй оборот – обращение к рядовым воинам – войсковым людям (ᠵerig haran). Третий оборот – обращение к князьям-даругам городов (balaqad-un daruqas noyad). Даругами (или даругачи) назывались уполномоченные монгольского ханского двора в покоренных областях.⁴² Четвертый оборот – обращение к проезжим послам (yǒrčiqun yabuqun élčin). Термину élčin (послы) предшествует парное определение yǒrčiqun yabuqun (странствующие и ходящие), которое мы переводим одним словом

"проезжие". Видимо, здесь речь идет об официальных лицах различного ранга, которые проезжали через владение данного грамотчика и, следовательно, создавали реальную угрозу нарушения заповедного (или бережливого) иммунитета, дарованного грамотой великого хана.

Пятый оборот - оповещение состоит из двух элементов. Термин *jarliq* мы здесь не переводим, как в предыдущей статье, словом "повеление", а лишь передаем его тюркское звучание - "ярлык". Нам представляется, что в данном случае в функции оповещения, а не указа, слово "ярлык" обозначало не слово-закон, а письменный документ того же названия. Определением к слову "ярлык" служит первый элемент оповещения - слово *dülqaquq*, которое мы передаем по-русски сочетанием "к совершенному постижению".

В формулярах 6 монгольских грамот великих ханов (Б Ш, У, УІ, УШ-Х) мы видим совершенно одинаковые, идентичные вышеприведенной, статьи, содержащие обращение. Только грамота великого хана Аурбаригады от 1314 г. (Б УІ) дает гораздо более пространственное обращение:

<i>juñ-šü-šün-un</i>	Чжун-шу шэна,
<i>šü-mui-čen-ü</i>	чу-ми-юаня,
<i>ü-ši-tay-in</i>	юй-ши тая
<i>noyad-da</i>	князьям,
<i>hiñ-juñ-šü-šün-un</i>	син чжун-шу шэна,
<i>hiñ-ü-ši-tay-in</i>	син юй-ши тая,
<i>šen- 'ui-ši-yin</i>	свань-вэй-ши,
<i>lém-fañ-si-yin</i>	лянь-фан сы
<i>noyad-da</i>	князьям,
<i>čeri 'üd-ün noyad-da</i>	войска князьям,
<i>čerig haran-a</i>	войсковым людям,
<i>balaqad-un</i>	городов
<i>daruqas-da noyad-da</i>	даругам-князьям,
<i>dotona qadana</i>	внутренних и внешних,
<i>bükün yékes üčüged</i>	всех больших и малых
<i>yamun-ud-un</i>	канцелярий
<i>noyad-da</i>	князьям,
<i>aimaq aima 'ud-un</i>	каждого аймака

ötögüs-e	старейшинам,
yörçiqun yabuqun	проезжим
êlçin-e	послам,
olôn	всем имеющимся
sen-şin-ud-de	даосам,
'irgen-e	всему народу
dülqaquï	к совершенному постижению
jarliq	ярлык.

Оповещение в этой статье осталось прежним, зато адресат увеличился на 6 оборотов. Первый оборот содержит обращение к управителям (князьям) высшего административного органа Монгольской империи чжун-шу шэна (великого императорского секретариата),⁴³ в который, в частности, входили такие правительственные учреждения, как чу-ми-юань (военный совет)⁴⁴ и юй-ши тай (цензорат)⁴⁵. Второй оборот перечисляет некоторые учреждения провинциального административного органа син чжун-шу шэна (подвижного великого императорского секретариата):⁴⁶ син юй-ши тай (подвижной цензорат),⁴⁷ сянь-вэй-ши (управление императорского комиссара-умиротворителя),⁴⁸ лян-фан сы (управления комиссаров).⁴⁹

Шестой оборот называет большие и малые управления (канцелярии) внутренних и пограничных (внешних) районов империи. Седьмой оборот говорит о старшинах (старейшинах) аймаков — объединений родственных между собой семей, произошедших от дробления древних родов, называвшихся обогамы. Непременным признаком аймака являлось обладание одним общим кочевьем — нутугом.⁵⁰

Девятый оборот является обращением ко всему даосскому духовенству, т.е. в данном случае к заинтересованным лицам, ибо эта грамота Аурбаригады жалует различные привилегии даосскому монастырю. Десятый оборот адресата является собственно элементом, заключающим одно слово "ирген". Этим термином у древних монголов обозначалось племя или подплемя. Позднее под словом "ирген" понимали простой народ, а также специально китайцев.⁵¹ Видимо, в данном случае термин "ирген" обозначал собирательное понятие "весь народ".

Не будем спешить с выводами относительно состава статьи-

обращения в формулярах грамот великих ханов, а обратимся к гораздо более обширному и разностороннему актовому материалу на китайском языке (В I, II, IV-VI, VIII-XXXII), при рассмотрении которого выясняется, что 10 грамот от 1235-1335 гг. (В II, V, VI, XIV, XVI, XXII, XXV-XXVII, XXIX) оформленного обращения вообще не имеют. Это можно объяснить содержанием документов. Три грамоты от 1235-1275 гг. (В II, V, VI) являются не столько жалованными, сколько указными. 7 грамот от 1299-1335 гг. (В XIV, XVI, XXII, XXV-XXVII, XXIX) оказываются именно теми, о которых уже шел разговор при анализе мотивировочных статей. Все они имеют необычный адресат и скорее всего их форма заимствована из делопроизводства китайской канцелярии. Итак, для формулярного анализа остается 20 грамот китайского письма от 1223-1351 гг. (В I, IV, VIII-XIII, XV, XVII-XXI, XXIII, XXIV, XXVIII, XXX-XXXII).

Грамота Чингис-хана от 1223 г. (В I) содержит такое обращение:

Дао юй	Обращаемое ко
ду чу гуань мэй	всех мест чиновникам.

Что же обращено ко всех мест чиновникам? Естественно, к ним обращено повеление (досл. священное повеление - шэн-чжи) монарха. Где это слово? Оно находится в мотивировочной статье формуляра этой грамоты, где составляет конечный элемент-указ. Иными словами, статья-обращение в грамоте Чингис-хана еще фактически не отпочковалась от мотивировочной статьи. Элемент указ мотивировочной статьи одновременно выполняет функцию оповещения в статье, содержащей обращение: [Шэн-чжи] дао юй, т.е. [Повеление], обращаемое к ... Собственно адресат статьи-обращения здесь не разработан детально, как мы это видели выше, в позднейших по времени выдачи монгольских грамотах, а звучит собирательно: ду чу гуань мэй (всех мест чиновникам). Заканчивается статья показателем множественного числа - мэй.

В формуляре грамоты Хубилая от 1281 г. (В X) встречаем более пространное обращение:

Дао юй	Обращаемое к
чжун шу-шэн	чжун шу-шэну,
чу-ми-мань	чу-ми-маню,

юй-ши тай	юй-ши таю,
суй лу	всех провинций ⁵²
свань-вэй сы	свань-вэй сы,
ань-ча-сы	ань-ча-сы,
далухуачи	даругам,
гуань минь	гражданским управителям,
гуань цзюнь	войсковым командирам,
чжань жэнь	почтовым курьерам,
цзян дэн гуань	ремесленным мастерам
бин чжун сяньшэн мэи	и всем имеющимся даосам.

Нетрудно заметить, что в этом обращении увеличилось лишь число элементов адресата. Структура статьи сохранилась в неприкосновенности. Оповещение по-прежнему находится в составе мотивировочной статьи, выполняя там функцию указа. Адресат состоит из двух частей – трех оборотов-элементов, содержащих перечисление высших правительственных учреждений, и 8 оборотов, называющих правительственные учреждения местного значения и другие должностные и частные лица. Из них новыми для нас представителями адресата являются, во-первых, провинциальные управления по умиротворению и наведению порядка (ань-ча-сы, или ань-фу-сы).⁵³ Во-вторых, правительственные уполномоченные на местах – даруги соседствуют здесь с местными гражданскими управителями (гуань минь). Кроме того, новыми являются обозначения почтовых курьеров (ямских гонцов – чжань жэнь) и ремесленных мастеров (цзян дэн гуань). Как и предыдущая, вся статья завершается общим показателем множественного числа – мэи.

Формуляр грамоты великого хана Тэмүра от 1296 г. (В XI) дает еще один вариант этого типа статьи-обращения:

Дао юй	Обращаемое к
суй чжоу	окружных городов,
чэн сянь	уездных городков,
чжэнь цунь чжай	сельских укрепленных пунктов
далухуачи мэи	даругам,
да сяо	больших и малых
гуань юань мэи	канцелярий управителям,
цуй ды лай ды	проезжим
ши-чэнь мэи	послам.

В этой статье легко заметны два новых момента. Во-первых, прежние составные части адресата превратились здесь из элементов в подлинные развернутые обороты. Во-вторых, для того чтобы отграничить эти обороты, возникла необходимость каждый из них завершать показателем множественного числа — мэй.

Так закончился процесс формирования этого типа статьи-обращения, который нам удалось проследить на примере чингизидских актов XIII в. только китайского письма. Позднее такое обращение в китайских грамотах больше не встречается. В последующих чингизидских актах, и даже в некоторых более ранних, мы встречаем иной тип статьи-обращения. В формуляре грамоты Хубилая от 1261 г. (В IY) обращение выглядит следующим образом:

Сюань-фу сы мэй гэнъ ди

чэн цзы ли цунь цзы ли далухуачи мэй гэнъ ди

Чжан чжэнь-жэнь вэй тоу эр сяньшэн мэй гэнъ ди

сюань юй ды шэн-чжи

Управлениям сюань-фу,

городов и селений даругам, *(Сюань-фу даругам)*,

с Чжаном чжэнь-жэнем под началом даосам

к совершенному постижению ярлык.

Что нового в этой статье-обращении? Во-первых, исчезла перемычка дао юй (обращаемый к) между статьей-обращением и мотивировочной статьей, т.е. статья-обращение стала полностью самостоятельной. Во-вторых, каждый из оборотов, составляющих в ней адресат, оканчивается не только показателем множественного числа, но и показателем дательного падежа — мэй гэнъ ди. В-третьих, вся статья завершается четко оформленным оповещением, которое уже известно нам из монгольских текстов грамот великих ханов, а потому и переводим его сообразно монгольским образцам: "к совершенному постижению ярлык" (сюань юй ды шэн-чжи).

Статья-обращение в формуляре грамоты Хубилая от 1280 г. (В УШ) отличается от рассмотренной выше только тем, что в ней вместо провинциального управления комиссара-усмирителя (сюань-фу ши сы),⁵⁴ мы видим то же управление под названием сюань-вэй-ши сы. Все последующие китайские грамоты (В IX, XII, XIII,

ХУ, ХУП-ХХІ, ХХШ, ХХІУ, ХХУШ, ХХХ-ХХХП) имеют статью-обращение такого же типа. Число оборотов адресата в разных актах может быть больше или меньше, но следуют они друг за другом в определенном порядке. Их можно объединить, например, в такие родственные группы: чиновники - руководители правительственных учреждений, местные военные чины, местные гражданские чины, проезжие лица, заинтересованные лица, весь народ. Интересно проследить эволюцию формы обозначения различных должностных и частных лиц, составляющих названные группы.

Относительно группы чиновников - руководителей различных правительственных учреждений - достаточно сказать, что, во-первых, почти все они уже перечислены выше (с.36). В адресате грамоты Тогон Тэмүра от 1335 г. (В ХХУШ) встречается еще одно учреждение. Это провинциальный филиал палаты по управлению буддийскими монастырями и территорией Тибета (син свань-чжэн вань).⁵⁵ Во-вторых, в китайских грамотах, выданных до 1314 г. (В ІУ, УШ, Х), чиновники правительственных учреждений именовались названиями этих учреждений. Начиная с грамоты Аурбариса от 1314 г. (В ХХІ), к названию учреждения стали добавлять ранг чиновника - руководителя, обозначавшийся термином "гуань жэнь". Из параллельного монгольского текста этой грамоты (Б УП) явствует, что этот термин соответствовал монгольскому термину "нойон", т.е. князь. В грамоте Тогон Тэмүра от 1335 г. (В ХХУШ) отмечаем ту же картину.

Группа местных военных чинов состоит из командиров и рядовых. Во всех монгольских текстах грамот великих ханов командиры именуется князьями войска (*čeri'üd-ün noyad*). В параллельных им китайских текстах наблюдается большее разнообразие. Видимо, первоначальной формой обозначения командиров там был термин "гуань цзюнь" (В Х), т.е. войсковые командиры. Затем этот термин был дополнен титулом гуань жэнь, т.е. князь, и весь сложный термин стали изображать в форме "гуань цзюнь гуань жэнь мэй" (В ІХ, ХУ, ХХІ), т.е. князя войска. Иногда этот термин писали и так: "гуань цзюнь ды гуань жэнь мэй" (В ХП). Впоследствии первое слово "гуань" в этом слишком длинном обозначении сократили, получилось "цзюнь гуань жэнь мэй" (В ХУШ). Окончательно термин выкристаллизовался после сокращения в нем слова "жэнь", в форме "цзюнь гуань мэй" (В ХШ, ХУП,

40

XIX, XX, XXIII, XXIV, XXV, XXX-XXXII).

При обозначении рядовых воинов в китайских грамотах наблюдается единообразие. Монгольскому термину "čerig haran" (войсковые люди), как правило, соответствует китайский термин "цзюнь жэнь мэи" (В IX, XII, XIII, XV, XVII-XXI, XXIII, XXV, XXX-XXXII). Только в грамоте Есун Тэмүра от 1324 г. (В XXIV) этот термин дается в форме "цзюнь минь мэи".

Группа местных гражданских чинов представлена в адресате формуляров грамот великих ханов прежде всего правительственными уполномоченными на местах - даругами (-даругачи) и местными гражданскими управителями. Причем последние в нашем списке документов встречаются только дважды: в грамоте от 1281 г. (В X) - в форме "гуань минь" и в грамоте от 1296 г. (В XII) - в форме "гуань минь ды гуань жэнь мэи". В известных нам монгольских текстах эти термины не встречаются.

Князьям-даругам городов (balaqad-un daruqas noyad) монгольских грамот соответствуют многие китайские термины. Последовательность замещения одного обозначения другим была примерно такой. Вначале употреблялся термин "даругачи" (далухуачи - В X). Его сменило пространное обозначение "князья - даруги городов и селений" (чэн цзы ли цунь цзы ли далухуачи мэи гуань жэнь мэи - в IV; чэн цзы цунь цзы ли далухуачи мэи гуань жэнь мэи - В УШ). Позднее последовала такая расшифровка термина: "даруги окружных городов, уездных городков и сельских укрепленных пунктов" (суй чжоу чэн сянь чжэнь цунь чжай далухуачи мэи - В XI). И, наконец, после простого обозначения "даруги городов" (чэн цзы ли ды далухуачи мэи - В XII) окончательно утвердился термин "князья - даруги городов" (чэн цзы ли далухуачи гуань жэнь мэи - В XIII, XVII, XXIII, XXV, XXX, XXXI). Он сосуществовал с таким же термином несколько иной формы - "гуань чэн цзы далухуачи гуань жэнь мэи" (В IX, XV-XXI, XXXII). Для последней формы встречаются варианты (гуань чэн цзы ды далухуачи гуань жэнь мэи - В XV; гуань цзы далухуачи гуань жэнь мэи - В XXIV).

К группе местных гражданских чинов относим еще двух представителей адресата, которые упоминаются в монголо-китайской билингве - грамоте Аурбариса от 1314 г. (В XII; В XXI). Речь

идет, во-первых, о князьях-управителях больших и малых канцелярий, расположенных внутри и на внешних границах империи (dotona qadana bukin yêkes üčüged yamun-ud-un noyad - Б УП; нэй вай да сяо ямынь гуань жэнь мэи - В XXI); во-вторых, - о старейшинах каждого аймака (аймаг аймаг'уд-ун ötögüs - Б УП; гэ чжи эр тоу му мэи - В XXI). К разряду управителей больших и малых канцелярий относятся и лица, названные в составе адресата грамоты Тэмүра от 1296 г.: да сяо гуань вань мэи (В XI).

Группа проезжих лиц в грамотах нашего списка немногочисленна. Речь идет о людях, которые одновременно проезжают через владения грамотчика. В адресатах формуляров всех монгольских актов великих ханов группа представлена только одним разрядом - проезжими послами (yöbçiqun yabuqun éiçin). Последний оборот передается по-китайски различно. Первоначально это понятие обозначалось термином "чжань жэнь" (В X), который мы переводим "почтовый курьер" или "ямской гонец". Так назывались официальные посланцы, которые пользовались для своего передвижения услугами государственной ямской службы. Во всех прочих китайских грамотах мы встречаем иное обозначение тех же лиц - "ши-чэнь" (послы), которые передвигались туда и обратно. Отсюда новый перевод - "проезжие послы". Конечно, и тот и другой переводы не совсем точны, ибо не отражают во всей полноте существо понятия. Чжань жэнь мог быть и ханским послом, а ши-чэнь соответственно - почтовым курьером.

Китайское обозначение термина "проезжие послы" прошло с 1280 по 1351 гг. довольно интересную эволюцию. Точнее, термин "послы" всегда оставался постоянным - "ши-чэнь мэи", а определение к нему изменялось в такой последовательности: го ван (В IX, XII, XV), цюй ды лай ды (В XI), лай ван (В XVШ), лай ван ды (В XIII, XVП, XVII, XIX, XXI), ван лай (В XIX-XXI, XXIII), ван лай ды (В XXVШ, XXXII).

Только в грамоте Хубилая от 1281 г. (В X) содержится обозначение ремесленных мастеров (цзян дэн гуань), которых мы также относим к группе проезжих лиц.

Следующую группу оборотов адресата мы условно назвали "заинтересованные лица". В нее включаются, во-первых, имена высоких персон, занимавших среди жалующих лиц главенствующее положение. Например, в китайской грамоте Хубилая от 1261 г.

такowym является глава даосов Чжан (В ІУ), а в грамоте того же великого хана от 1280 г. в качестве заинтересованного лица и главы даосов выступает Ци (В УШ). Во-вторых, к группе заинтересованных лиц мы относим коллективы людей, часть которых относится к числу грамотчиков. Например, в китайской грамоте Хубилая от 1281 г. заинтересованные лица - все даосы (чжун сяньшэн мэи - В Х); в грамоте - билингве Аурбаригады от 1314 г. заинтересованными лицами также являются все даосы (o1ɒn weñ-šii-ud - В УП; сяньшэн мэи - В ХХІ), а в грамоте Тогон Тэмүра от 1335 г. к этому разряду относятся все буддисты (чжун хэшан мэи - В ХХУШ).

Последнюю группу оборотов, которая встречается в адресате формуляров грамот великих ханов, мы назвали "весь народ". Эта группа представлена только в одной монгольской грамоте Аурбаригады от 1314 г., где она выражена одним словом *irgen* (народ в целом = весь народ - В УП). В китайском тексте этот элемент передается термином "бай син" (В ХХІ). В более ранней китайской грамоте великого хана Тэмүра от 1296 г. этот оборот обозначен термином "минь ху" (В ХП). Таким образом, в применении к грамотам великих ханов "весь народ" - не группа оборотов и даже не один оборот, а только один элемент адресата, который к тому же встречается далеко не во всех грамотах.

Обратимся к анализу статьи-обращения в формулярах грамот улусных ханов. Китайская грамота улусного хана - наследника престола Хайду сына Мөнкэ от 1257 г. (В Ш) обращения как такового не содержит. Возможно, по той причине, что это скорее указная, чем жалованная грамота. Грамота билингва Мангалы сына Хубилая от 1276 г. (В І; В УП) имеет такое обращение:

šeri 'üd-ün noyad-da
 šerig haran-a
 balaqad-u[n] šildöd-ün daruqas-da noyad-da
 yöršiqun yabuqun élčin-e
 dülqaquj biči [g]
 Дао ий
 гуань цзюнь гуань жэнь мэи
 бин цзюнь жэнь мэи
 чжоу чэн сянь чжэнь далухуачи гуань жэнь мэи

лай ван син та ды ши-чэнь мэй
бянь син шэн лин-чжи
Войска князьям,
войсковым людям,
городов и селений даругам-князьям,
проезжим послам
к совершенному постижению грамота.

Монгольский текст обращения в грамоте Мангалы отличается от такового в грамотах великих ханов тем, что титул даруги в третьем обороте адресата здесь дополнен еще одним определением. Грамота обращена к даругам не только городов (*balaqad*), но и селений (*šildäd*). Содержание оборота оповещение еще раз подтверждает нашу гипотезу о том, что "к совершенному постижению" представителей адресата и в грамотах великих ханов предъясняется не повеление-распоряжение, а ярлык - письменный документ, это распоряжение содержащий. В оповещении формуляра грамоты улусного хана Мангалы даже по форме указ (*üge manu*) отличается от оповещения (*dülqaqu᠊ bišig*).

Китайский текст обращения в грамоте Мангалы свидетельствует о том, что формуляр его принадлежит к одному из ранних типов, ибо он начинается с "дао юй" (обращаемый к). В связи с этим все обороты адресата оканчиваются на показатель множественности - мэй и не имеют показателя дательного падежа - гэнь ди. В то же время оповещение в этой статье имеет законченный вид (чего мы не наблюдаем в первом типе обращения грамот великих ханов) и не совпадает дословно с монгольским текстом оповещения - бянь син шэн лин-чжи (имеющий повсеместное хождение в провинции⁵⁶ указ сына императора). Отметим еще, что третий оборот адресата китайского текста переводится "окружных городов и уездных городков даругам - князьям", т.е. "города и селения" монгольского текста соответствуют "окружным городам и уездным городкам" китайского текста.

Статья-обращение в формуляре монгольской грамоты Хайсана сына Дармабалы от 1305 г. (Б IV) имеет следующий вид:

Balaqad-un daruqas-da noyad-da
čeri 'üd-ün noyad-da
čerig haran-a

uḅrčiqun yabuqun élčín-e
dülqaquǰ bičig

Городов даругам-князьям,
войска князьям,
войсковым людям,
проезжим послам
к совершенному постижению грамота.

Обращение в этой грамоте отличается от такового в предыдущей тем, что местные гражданские чины — даруги стоят в нем на первом месте, предваряя обозначение местных военных чинов. Здесь, как и в монгольских грамотах великих ханов, говорится только о даругах городов.

Документы улусных ханов-чагатаидов Кебека и Туглук-Темюра за 1326-1353 гг., написанные по-монгольски уйгурским письмом (Аа II-VI), дают интересный материал для суждения о первоначальном типе статьи-обращения в монгольских актах.

Грамота Кебека от 1326 г. (Аа II) имеет обращение: *ǰabaqu-ta*, т.е. [к] Дзабагу. Личное имя в дательном-местном падеже является собой адресат обращения. В раннем типе обращения китайских грамот великих ханов роль оповещения выполнял указ мотивировочной статьи. В грамоте Кебека наблюдаем то же явление. Полноценная статья-обращение состоит из двух элементов: [*üge manu*] *ǰabaqu-ta*, т.е. [Указ наш] Дзабагу. Термин "*üge manu*" несет двойную нагрузку, являясь одновременно и указом мотивировочной статьи, и оповещением статьи, содержащей обращение.

Грамота Туглук-Темюра от 1348 или 1360 г. (Аа III) дает образец гораздо более пространный обращения:

Qočo-yin
Čingtemür iduqut-da
arketü daruḅ-a
[Tü]men-bolad-qiy-a
Ötemiš-qudluḅ-qiy-a
ünen erk[eten]
[da]ruḅas noyad[-ta]
[...] -širi
[...] -buyan
Turmiš-te [m]ür

Хочоскому
Чингтемюру идикуту,
владельческому даруге;
из Тюмен-болад-хия,
Отемиш-худлуг-хия
исконно владельческим
даругам-князьям;
из [...] -шири,
[...] -буяна,
Турмиш-темюра,

Tükel-qiy-a
Kerei akiten
tüšimed-te

Тюкель-хия,
Керея
түшимэлам.

По форме эта обширная статья, состоящая из трех больших оборотов, ничем не отличается от вышеописанной. В ней отсутствует оповещение, функцию которого выполняет элемент указ мотивировочной статьи. Первый оборот статьи-обращения содержит обращение к Хочоскому идикуту Чингтемюру. Уйгурские правители - идикуты имели в тот период своей резиденцией город Кара-Ходжо (Хочо в нашей грамоте) и были подчинены чагатаидам, сидя в собственной столице на правах монгольских наместников-даруг.⁵⁷ Во втором обороте называются владетельные князья-даруги из местностей Тьмен-болад-хия и Отемиш-худлуг-хия. В третьем обороте перечисляются, насколько это можно понять из дефектного текста грамоты, пять местных названий, к которым имеют отношение чиновники, или служилые люди, - түшимэлы (мн.ч. түšimed).⁵⁸ Оставшиеся три грамоты Туглук-Темюра (Аа IV-VI) не добавляют ничего нового к нашим сведениям о рассматриваемой статье.

Итак, формуляры монгольских актов уйгурского письма, выданных улусными ханами-чагатаидами в середине XIV в., сохранили форму статьи-обращения, которая дошла до нас лишь в текстах единичных актов китайского письма, выданных монгольскими великими ханами в XIII в.

Обратимся к документам среднеазиатских улусных ханов XV в. - тимуридов. Нам известны два тимуридских акта, написанных по-тюркиски уйгурским алфавитом. Грамота Шахруха от 1422 г. (Аб I) имеет обращение: Тоjunlarğa, т.е. буддийским монахам.⁵⁹ Обращение в грамоте 'Умар-шайха от 1469 г. (Аб II) гласит:

Divanlarğa
barça

Mraçınan urđinnin
tüšimäl

'amäldar

sahlb çamlarğa

Служащим государственной канцелярии,
всею

Мрагыннанского округа

түшимэлам,
амальдарам,⁶⁰

начальникам почтовых станций.

Итак, форма статьи-обращения тюркских грамот XV в., напи-

санных уйгурицей, в точности повторяет форму тех же статей в чагатаидских актах XIV в., т.е. сохраняется древняя форма статьи-обращения, принятая в чингизидских грамотах XIII в.

Рассмотрим статью-обращение в тимуридских актах, написанных арабским письмом. В нашем распоряжении находится 21 грамота Хусайна Байкары от 1469-1506 гг. (Гв IX-XXIX), 17 из которых имеют статью-обращение (Гв IX-ХП, ХУ-ХХ, ХХП-ХХІУ, ХХУІ-ХХІХ). Формуляр первой по порядку грамоты этого улусного хана (Гв IX) имеет такую статью-обращение:

Фарзандāн ва умарā	Сыновья, и князья,
ва судūr ва вūзарā	и садры, и везиры,
ва аркāн ва а'йāн	и столпы, и именитые,
ва худжжāб ва наввāб	и хаджебы, и наибы,
ва зумра-йи анām	и весь народ,
ва джумхūr-и хавāс ва'авам	и знатные, и простолюдины
бадāнанд ки	да ведают следующее.

Ниже мы проанализируем все обороты адресата статьи-обращения в этой и последующих грамотах Хусайна Байкары. Сейчас отметим только, что данная статья-обращение обладает четко выраженным адресатом, состоящим из многих оборотов, и оповещением (бадāнанд ки). Этой особенностью обладают и все последующие статьи-обращения в грамотах названного монарха. Следовательно, практически синхронные документы одного вида и одной канцелярии, написанные разными алфавитами, могли иметь разные формы построения одних и тех же статей. Для нас важно отметить, что именно уйгурское письмо способствовало консервации формуляров, которые уже давно отжили свой век и другими алфавитами не дублировались. Видимо, и язык документов играл свою роль в этом процессе, особенно монгольский язык. К сожалению, о роли тюркского языка сказать что-либо определенное сложнее, ибо мы располагаем буквально единичными экземплярами документов, написанными по-тюркски.

Вернемся к анализу оборотов адресата в статье-обращении персидских грамот Хусайна Байкары. В большинстве грамот этого чингизида официальные и частные лица, составляющие их адресат, не просто называются, а сопровождаются цветистыми, подчас очень сложными, эпитетами. Эти витиеватые эпитеты - характеристики

исключительно редко повторяются в других грамотах, так что статья-обращение каждой отдельной грамоты являет собой своеобразный шедевр канцелярского искусства. Обороты адресата следуют в основном в порядке, уже известном на примере грамот великих ханов.

Новой группой оборотов, которая появляется в адресате статьи-обращения формуляров грамот Хусайна Байкары, является группа кровных родственников хана - его братьев и сыновей. Если называются братья (барāдарāн - Гв ХУП, ХХУШ), то за ними обязательно следуют сыновья. Однако эта группа в адресате может ограничиваться и одними сыновьями (фарзандāн - Гв IX-XI, ХУI, ХУШ, XIX, ХХII, ХХIU, ХХVI, ХХIX). Братья хана украшались такими, например, эпитетами: "братья славные, помощь знамени (государя)" (барāдарāн-и нāмдār нуṣрат-и ши'ār - Гв ХVII), "братья Сатурна величия и белого знамени (государя)" (барāдарāн-и Кайвāн-и риф'ат байза-йи 'алам - Гв ХХУШ). Сыновья характеризовались так: "сыновья счастливого и победоносного" (фарзандāн-и ṣāḫиб-и қирāн ва зафар-қарйн - Гв XIX), "сыновья завоевателя мира и счастья трона" (фарзандāн-и гйтй-гушāй фалак-сарйр - Гв ХХVI).

Группу военных чинов замещали эмиры, т.е. князья (умарā - Гв IX-XI, ХVI-XIX, ХХII, ХХIU, ХХVI, ХХУШ, ХХIX). В адресате их титулы звучали так: "князья, украшающие царство, славные" (умарā-йи мулк āрā-йи нāмдār - Гв XI, ХУШ), "князья, украшающие царство, завоевывающие страны" (умарā-йи мулк āрā-йи кишваргйр - Гв ХХVI). Известно, что эмирами в правительстве Хусайна Байкары называли руководителей так называемого Тюркского дивана, ведавшего военными вопросами и делами, связанными с тюркскими подданными ханства.⁶¹

Группа местных гражданских чинов рассматриваемых адресатов грамот, писавшихся в государстве, где господствующей религией был ислам, обычно начиналась садрами, т.е. благородными (судūr - Гв IX-XI, ХVI-ХУШ, ХХII, ХХVI). Этот термин означал в совокупности всех мусульманских судей и законоведов. Он включал в себя и лиц, непосредственно занимавшихся юриспруденцией, - кадиев, и представителей наследственной аристократии, потомков пророка - сейидов, и ученых юристов - имамов.⁶² Сад-

ры титуловались так: "садры - высокого ранга ученые-богословы" (судур-и рафи'-ушшан-и 'алим-қадар - Гв XI, XVI, XVII), "садры - тончайшие знатоки чистой веры" (судур-и хурдэ-дән пāk-и дйн - Гв X).

К этой же группе относим везиров (Гв IX-XI, XVI-XVIII, XXII, XXVI, XXVIII, XXXI), которые определяются в адресатах следующим образом: "везиры мудрые и высокопоставленные" (вузарā-йи āсаф-нишāн маснад-нишāн - Гв X), "везиры, обладающие решительностью и рассудительностью" (вузарā-йи кāфй-йи рāй ва сāхэб-и тадоёр - Гв XXVIII). Везиры здесь - представители руководителей центрального правительственного учреждения Диван-и малъ, ведавшего финансовыми вопросами и делами нетюркских подданных хана.⁶³ Таким образом, руководители центральных правительственных учреждений в адресате грамот Хусайна Байкары из-за чисто внешнего сходства своих обозначений с местными военными и гражданскими чинами перекочевали в соответствующие группы адресата, а их место заняли кровные родственники монарха.

С везирами обычно соседствуют наибы, т.е. наместники (наввāб - Гв IX, XI, XXVI, XXVIII, XXXI): "наместники царского шатра славы" (наввāб-и сарā-пардэ-йи 'аззат - Гв XXVI), "наместники благоденствующего и непоколебимого" (наввāб-и сāадат-и нэсāб сāбет-қадам - Гв XXXI). В паре с наибами часто выступают хаджебы, т.е. привратники (худжжāб - Гв IX, XI, XXVI, XXVIII): "привратники царского шатра величия и великолепия" (худжжāб-и сарā-пардэ-йи 'азамāt ва кām-рāнй - Гв IX), "хаджебы врат вечности и величия" (худжжāб-и абвāб-и хулūd ва хэшмат - Гв XXVI). Наибы и хаджебы здесь - придворные чины.

Когда же в адресатах грамот Хусайна Байкары отсутствуют титулы представителей центрального государственного и придворного аппаратов управления - везиры, наибы и хаджебы, их место занимают подлинные местные гражданские чины, которые уже не снабжаются пышными характеристиками. Прежде всего это управители и даруги областей (хуккам-и ва дāрӯгагāн-и мамāлик - Гв XIX, XXII). Вспомним, что в адресатах грамот великих ханов, написанных в XIII в., нам встречалось это сочетание в обратном порядке - сначала даруги, а потом уже местные гражданские управители (В X, XII). Здесь же роль даруг светлась к чисто полицейским функ-

циям, они находятся в подчинении у местных управителей - хакимов. Кроме того, к числу местных гражданских чинов в адресах грамот Хусайна Байкары можно отнести охранителей путей и дорог (мустахфэзāн-и субул ва турук - Гв XIX, XXII), инспекторов-ревизоров (мустахбэрāн-и мамāлик - Гв XIX; мута'аххэдāн-и суāl ва джавāб - Гв XXIII), производителей работ (асхāб-и 'амал - Гв XXIII), счетоводов и заведующих канцеляриями (арбāб-и хисāб ва мубāширāн-и умūr-и дивāни - Гв XXIII).

Во многих грамотах наряду с конкретными представителями местных гражданских чинов встречается их собирательное название, которое во множестве вариантов повторяет такую основу: "столпы веры и государства древнего, именитые царства народа верного" (аркāн-и дйн-у дўлат-и қадим ва а'йāн-и мулк-и мэллат-и мустақим - Гв IX, X, XVI-XIX, XXIII, XXIV, XXVI).

Относительно такой своеобразной группы элементов адреса, как заинтересованные лица, можно сказать, что в грамотах названного тимурида есть целые адресаты, которые можно причислить к этой группе. Например, такой адресат (Гв XX):

'Азамā-йи эшрāф
ва мутаваллийāн
ва мутасаддийāн-и ўқаф 'умўмāн
ва мубāширāн
ва мутақаффилāн-и умūr-и мадрасэ-йи 'алийе-йи султани
ва ханқах
Великие шерифы (= сейиды),
и попечители,
и заведующие вакуфами всеми,
и управляющие,
и уполномоченные по делам медресе
и дервишских обителей.

Группа "весь народ", представленная в грамотах великих ханов одним элементом, разрастается до трех-четырёх оборотов: "весь народ и знатные, и простолюдины" (зумрэ-йи анām ва джумхūr-и ҳавāс ва 'авām - Гв IX-XI, XII, XIX, XXIII), "все люди из подлых и благородных, и малых и великих, арабов и не арабов" ('āммэ банй āдам аз вāзй 'ва шариф ва сатир ва касбир 'араб ва 'аджам - Гв XXIX).

Перед одинаковым для 15 грамот (Гв IX-XI, XVI-XV, XVII-XXII, XXIV, XXVI-XXIX) оповещением "да ведают следующее" (бадāнанд ки), как правило, находится благопожелание, обращенное к представителям адресата и написанное по-арабски, которое отделяет обороты адресата от оповещения (Гв IX-XI, XVI, XVII, XX, XVII, XXVI, XXVIII, XXIX).

15 указанных и рассмотренных выше грамот имеют один тип статей-обращения, а две грамоты Хусайна Байкары (Гв XII, XV) содержат статью-обращение несколько отличного типа. Возьмем, например, обращение попроще (Гв XII):

Бар марāйā-йи замāйир-и	От зеркал умов,
ḡāйбй сарāйир-и	сокровенные помыслы
ўл-ул-абсар	прозревающих,
ва	и
сувайдā-йи ҳатир-и	тайников памяти
қудсй башā'ир	благих вестей
арбāб-и	обладателей
ҳибрат ў 'итибār	опыта и честности,
ки худāt-и	которые проводниками
'арса-йи бавāдй-йи	в полях и долах
найār	адских
ва	и
вулāt-и қирасат-и	владыками просторов
баҳār-и ҳақйқат	морей истинного
ва маджāз анд	и ложного являются,
маҳфй	сокрыто
наҳвāхад бўд ки	да не будет следующее.

Это обращение имеет крайне вычурный, туманно-замысловатый адресат и четкое оповещение - "сокрыто да не будет следующее" (маҳфй наҳвāхад бўд ки). Еще более пространный и туманный адресат содержится в другой грамоте (Гв XV) со столь же определенным оповещением. Таким был второй тип статьи-обращения в грамотах Хусайна Байкары. Видимо, он имел ограниченное применение.

Статья-оповещение в формулярах грамот монгольских ильханов Ирана возвращает нас из XV в. ко временам более отдаленным. В нашем списке источников представлена одна грамота уйгурского

письма на монгольском языке, которая была выдана ильханом Абу Са'идом в 1320 г. (Аа I) и сохранилась в виде нескольких фрагментов. В статье-обращении этой грамоты без труда читаются следующие фрагменты:

...ĵayud-un noĵad	...сотен князьям
Gilan Daštavanā Guštavbi...	Гиляна, Даштавана, Гуштасби...
...maĵigud nayibud	...меликам, наибам,
mutasaribud...	мутасаррифам...
...bičigečīn-e	...битикчиям,
qadīn šīy-ud...	кадиям, шейхам...
...štegüs	...старейшинам,
irayis-ud kayanuvās-a	раисам, кедхудам,
olan	всему
irayyad aran-a	подданному народу.

В этой не совсем полной статье-обращении все же достаточно четко прослеживаются основные группы адресата — местные военные чины, местные гражданские чины, весь народ. В группе гражданских чинов разряд садров (кадии, шейхи) еще не занял главенствующего положения, как это мы видели в позднейших по времени грамотах тимуридов. По аналогии с прежде рассмотренными грамотами чагатаидов и тимуридов, написанными по-монгольски уйгурским алфавитом, можно было предположить, что здесь мы не увидим оформленного оповещения. Так оно и оказывается на деле.

Форма статьи-обращения в формулярах 7 грамот ильхана Махмуда Газана, написанных по-персидски арабским алфавитом (Гв I-УП), также не показывает ничего принципиально нового. Здесь мы опять отмечаем привычные группы оборотов-элементов адресата и знакомое оповещение "да ведают следующее" (бадāнанд ки). Рассмотрим группы элементов адресата в их настоящей последовательности.

Группа родственников хана включает в себя как кровных, так и некровных родственников. Все они сосредоточены в начале адресата одной из грамот Махмуда Газана (Гв У): главные матери (мāдарāн), старшие матери (набирэгāнāн),⁶⁴ жены (хātūnāн), сыновья (пясарāн), дочери (дохтарāн), зятя (дāмāдāн).

Полный комплект местных военных чинов собран в той же грамоте: князья-темники, (умарā-йи тūмāн), тысячники (хазārэ),

сотники (садэ), десятники (дахэ), султаны (салāтйн). В хула-гуидском Иране, в среде военно-кочевой монголо-тюркской знати сформировалась феодальная иерархия ленников, имевшая следующие ступени: илхан, князь тюмена, князь тысячи, князь сотни, князь десятка и рядовой воин-ленник.⁶⁵ Наименьшей военно-административной единицей в стране была группа дворов, обязанная выставлять 10 воинов, а самой крупной — владение (тюмен), дававшее хану возможность мобилизовать 10 тысяч человек. Относительно султанов, помещенных в адресате после десятников, можно предположить, что так назывались командиры — персы по национальности.

Довольно большой список местных гражданских чинов в грамотах Махмуда Газана начинают даруги, которые называются по-тюркски баскаками (басэқакāн — Гв I, II, УП) или по-персидски шихне (шэхнэгāн — Гв IV). За ними следуют представители родовой землевладельческой знати — мелики (мулūk — Гв I, II, IV-UI), управители областей — хакиды (хуккам — Гв I), писцы государственной канцелярии — битикчи (бйтикчийāн — Гв II, IV, V), наместники — наобы (наввāб — Гв II, IV, УП), сборщики налогов — мутасаррифь (мутасаррэфāн — Гв УП).

Разряд судей и законоведов представлен в грамотах Махмуда Газана мусульманскими судьями — кадиями (қузāt — Гв II-IV, UI, УП), потомками пророка Мухаммеда — сейидами (сādāt — Гв IV, УП), законоведами — имамами (аэмме — Гв II, IV, УП) и собирательным обозначением "благородные" — садры (судūr — Гв IV, УП).

За садрами следуют собирательные обозначения знатных и богатых: господа (арбāб — Гв УП), именитые (а'йāн — Гв II, IV, УП), почтенные (му'табарāн — Гв II, IV, УП), известные (машāхйр — Гв IV). Завершают список местных гражданских чинов сельские старосты — райсы и кедхуды (руасā — Гв УП; кадхудāйāн — Гв II, УП).⁶⁶

Из группы проезжих лиц только в адресате одной грамоты (Гв IV) указаны паломники-путники (мусāфэрāн) и купцы (тудж-жāр). Это и неудивительно. Известно, что после принятия в 1295 г. ислама, Махмуд Газан издал ряд постановлений, которые свели почти на нет группу проезжих лиц. Например, было сокращено число гонцов⁶⁷, предписано строить специальные дворы

для гонцов и запрещено им останавливаться в частных домах.⁶⁸ Наемные рабочие, пригонявшиеся раньше из других областей для производства строительных работ в городах, теперь набирались из среды и за счет самих горожан,⁶⁹ а пришлые ремесленники, изготовлявшие военное снаряжение, были переведены на своеобразный хозрасчет.⁷⁰ Сокольничим и ловчим запретили во время разъездов взимать с населения транспортные средства и путевое довольствие, заменив все это денежным окладом.⁷¹ Наконец, была утверждена постоянная форма всякого рода указов, их формуляры вписаны в особую, названную "деловым канонем" книгу, ставшую образцом для написания всех последующих постановлений.⁷²

Естественно, что, руководствуясь этим образцом, жалователи грамот больше не обращались к перечисленным выше проезжим лицам, ибо формально от них уже не могли пострадать грамотчики.

Группа "весь народ" имела в адресатах разных грамот (Гв П, IY, Y, YII) неповторяющиеся формы от простейшей "все население" (умӯм-и сукиән - Гв IY) до пространной "все подданные, жители городов и областей от реки Аму-Дарья до границ Сирии и Франкистана" (умӯм-и руайā ва ахāли-йи шахрхā ва валāйāt аз āб-и Амӯие тā ҳудӯд-и Шām ва Афрандж - Гв YII).

Подводя итог анализу статей, содержащих обращение, отметим, что выводы относительно их формы и содержания в полной мере справедливы для индивидуальных, конкретных и абстрактно-формуляров чингизидских жалованных грамот XIII-XV вв.

Статья-обращение в формулярах грамот великих ханов первоначально, в грамотах XIII в., была неразрывно связана с мотивировочной статьей. Элемент указ мотивировочной статьи одновременно выполнял функцию оповещения для статьи-обращения. Так, видимо, писались грамоты великих ханов по-монгольски уйгурским письмом. До наших дней сохранились лишь их переводы на китайский язык. После введения в 1269 г. квадратной письменности изменилась и форма статьи, содержащей обращение. Она получила самостоятельное оповещение, вынесенное в конец статьи. По такому же образцу стали писаться квадратным алфавитом и жалованные грамоты улусных ханов - наследников великоханского престола.

Окрайнные улусные ханы и после 1269 г. продолжали пользо-

заться в качестве официальной уйгурской письменностью. Статьи-обращения в их жалованных грамотах, написанных уйгурским алфавитом, сохранили свою древнюю форму в актах хулагуидов, чагатаидов и тимуридов вплоть до конца XV в. Известны такие грамоты не только на монгольском, но и на тюркском языке. Однако, если грамота улусного хана писалась не уйгурицей, а арабской графикой, статья-обращение ее формуляра строилась по-новому — с самостоятельным оповещением, помещавшимся после адресата.

Адресат в статье-обращении формуляров грамот великих ханов условно можно разделить на следующие группы: чиновники — руководители правительственных учреждений, местные военные чины, местные гражданские чины, проезжие лица, заинтересованные лица, весь народ.

В формулярах грамот улусных ханов в адресате статьи-обращения появляется новая группа — кровные родственники хана. Там же сливаются воедино группы руководителей правительственных учреждений и местных гражданских чинов. Группа весь народ, которая встречается лишь в немногих грамотах великих ханов, да и то в виде одного элемента, в грамотах улусных ханов имеет тенденцию к разрастанию до нескольких оборотов.

В целом для всех Чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв. на монгольском, тюркском, китайском и персидском языках характерно единообразие в построении статьи, содержащей обращение.

Удостоверительные статьи

Начальные статьи формуляров чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв. в какой-то мере подвергались фрагментарному изучению. О конечных статьях формуляров рассматриваемых грамот этого, насколько нам известно, сказать нельзя. В индивидуальном и производных от него формулярах последними считают удостоверительные статьи. Рассмотрим их в установленном нами порядке, начиная с грамот великих ханов, написанных квадратным письмом на монгольском языке.

Грамота Хубилая от 1280 или 1292 г. (Б II) дает такой образец удостоверительной статьи:

ǰarlıq manu

Ярлык наш

lu ǰil

в дракона год

ǰūl-ün dumdadu zara-yin

зимы среднего месяца

tabun šine-de
Tay-du-da bugüj-dür
bišibej

в пятый [день] нового [месяца] ,
[мы] в Дай-ду когда находились,
написан.

Статья состоит из сложного предложения, которое мы разбили на 6 оборотов. Главное предложение включает в себя начальные четыре оборота и последний, шестой оборот. Первый оборот является подлежащим главного предложения. В нем собственно и заключено удостоверение как таковое - "ярык наш". Последующие обороты главного предложения повествуют о времени написания ярыка-пожалования (или повеления). Придаточное предложение, составляющее пятый оборот статьи, говорит о месте, где был написан акт. Сравнение заключительных статей 7 монгольских жалованных грамот (Б Ш, У-Х) с приведенной выше статьей позволяет прийти к выводу о том, что все они построены однотипно (грамоты Б У-УП написаны одновременно и в одном месте).

Первый оборот удостоверительной статьи всех грамот - Jarliq namu (ярык наш). Возможно, что он воспринимался жалователем, грамотчиком и их современниками как отдельное, самостоятельное предложение. В таком случае все последующие обороты можно было бы назвать статьей, содержащей выходные данные. Однако, во-первых, грамматически первый оборот выступает все-таки в роли подлежащего для всей большой статьи, а, во-вторых, указания на время и место составления грамоты также можно рассматривать как моменты, удостоверяющие ее подлинность.

Второй оборот - lu ŋil (дракона год - для грамоты Б П) - год животного 12-летнего цикла.⁷³ В грамоте Тогон Тэмүра ст 1342 г. (Б IX) название года и последующие обороты не сохранились. Другие грамоты великих ханов дают такие названия животных в пределах одного цикла: hūker (корова - Б Ш), bars (тигр - Б У-УП), tawlai (зайчиха - Б X), morin (конь - Б УШ).

Третий оборот - ūbül-ün dumdadu zara-yin (зимы среднего месяца, т.е. второго из трех зимних месяцев, - для грамоты Б П) - обозначение времени года, или сезона. Другие обозначения времен года: qabur-un teri'ün zara-yin (весны первого месяца - Б Ш), qabur-un dumdadu zara-yin (весны среднего ме-

сяца - Б X), *ᠶun-u teri'ün zara-yin* (лета первого месяца - Б УШ), *namur-un teri'ün zara-yin* (осени первого месяца - Б У-УП).

Четвертый оборот - *tabun ᠶine-de* (в пятый [день] нового [месяца] - для грамоты Б П) - обозначение дня месяца.⁷⁴ Оборот состоит из двух элементов: *tabun* (пять) - собственно число данного месяца (без слова "день"), *ᠶine-de* (нового [месяца]) - "возрастная" характеристика данного месяца. В первые дни своего существования месяц у монголов считался новым, а вторая его половина называлась старой, или ветхой.

Пятый оборот - *Tay-du-da buᠭüi-dür* ([мы] в Дай-ду когда находились, досл. в Дай-ду в бытность [нашу] - для грамоты Б П) - поведствует о месте нахождения чингизида в момент составления грамоты. Личное местоимение "мы", поставленное в квадратные скобки, не столько домыслено, сколько трансформировано из притяжательного местоимения "наш", находящегося в первом обороте. Форма пятого оборота повторена без всяких изменений в остальных грамотах (Б Ш, У-УШ, X).

Шестой оборот - *viᠶibeᠯ* (написан) - относится ко всей статье в целом. Форма его неизменна во всех грамотах.

Заканчивая анализ удостоверительных статей в формулярах монгольских грамот великих ханов, отметим еще один момент. Большинство удостоверительных статей в формулярах рассмотренных грамот полностью укладывается в выявленную форму, а удостоверительные статьи двух грамот от 1342-1351 гг., выданных последним великим ханом из династии Юань Тогон Тэмүром (Б IX, X), состоят не из 6, а из 7 оборотов.

Между восьмой (Б УШ) и девятой (Б IX) грамотами нашего списка документов квадратного письма (на монгольском языке) находится временная лакуна в 24 года. В настоящее время можно с уверенностью сказать только о том, что не ранее 1318 г. и не позднее 1342 г. удостоверительная статья в формулярах грамот великих ханов увеличивается на один оборот. Перед вторым оборотом, называющим год животного цикла, появляется дополнительный оборот, уточняющий эту дату.

Монгольские великие ханы заимствовали у китайских императоров обычай именовать годы своего правления каким-либо пш-

ным китайским девизом. Этот девиз (их могло быть и несколько) становился эрой правления, особым для каждого великого хана летосчислением. Для того чтобы точно датировать то или иное событие, достаточно стало сказать или написать, что оно имело место в такой-то год такой-то эры правления. Это обозначение в виде дополнительного оборота и вошло в состав удостоверительной статьи, предваряя ее сведения о времени составления документа.

Например, известно, что великий хан Тогон Тэмүр правил в 1333-1368 гг. На время его правления приходятся следующие девизы: Юань-тун (1333-1334), Чжи-юань (1335-1340), Чжи-чжэн (1341-1352)⁷⁵. Грамота Тогон Тэмүра датирована: Ыi-Ыin пöкö'е һöп (Чжи-чжэна во второй год - Б IX), т.е. она написана в 1342 г. Грамота того же хана, датированная Ыi-Ыin һар-бан никедү'ег һöп (Чжи-чжэна в одиннадцатый год - Б X), написана в 1351 г. Интересно отметить, что слово "год" при названии эры правления передавалось монгольским словом һöп, а год животного цикла обозначался тюркским словом Ыi.

Обратимся к анализу удостоверительных статей в формулах грамот китайского письма. Сразу скажем, что эти статьи в китайских грамотах великих ханов составлены по образцу монгольских. Однако здесь мы встречаемся с несколько странным явлением. 12 грамот нашего списка (В I, II, У, VI, X, XIV, XVI, XXII, XXV-XXVI, XXIX) имеют сильно сокращенные удостоверительные статьи. В двух первых грамотах, выданных Чингис-ханом в 1223 г. (В I) и великим ханом Öгöдэем в 1235 г. (В II), удостоверительные статьи состоят из обозначения года при помощи циклического знака из китайского 60-летнего цикла⁷⁶ и слова "год" (нянь), числа, месяца и слова "месяц" (же), числа дня и слова "день" (жи). В удостоверительных статьях последующих 10 грамот мы наблюдаем иное обозначение года. Начиная с грамоты Хубилая от 1261 г. (В У) год написания акта всегда обозначался так: "Эры правления (следовал определенный девиз) такой-то год".

Тот факт, что 18 китайских грамот от 1261-1351 гг. (В IV, УШ, IX, XI-XIII, XV, XVII-XXI, XXIII, XXIV, XXVII, XXX-XXXII) имеют удостоверительные статьи, в точности повторяющие форму таковых в монгольских грамотах, наводит на мысль о том, что удостоверительные статьи сокращенного типа не были такими изна-

чально. Видимо, они были сокращены позднее, при копировании грамоты и помещении ее в качестве приложения в составе какого-либо китайского исторического сочинения или при высекании китайского текста грамоты на каменной стеле. Во всяком случае сокращенные удостоверительные статьи перечисленных 12 грамот из формулярного анализа изымаются. Относительно содержания грамот с сокращенными удостоверительными статьями добавим, что, во-первых, в их число вошли все грамоты с нестандартным адресатом ("всевышнего бога благоизволением" - В XIV, XVI, XVII, XXV-XXVII, XXIX); во-вторых, почти все эти грамоты лишены статьи-обращения (В II, V, VI, XIV, XVI, XVII, XIX-XXII, XXIX).

Оставшиеся 18 китайских грамот от 1261-1351 гг. (В IV, V, IX, XI-XIII, XV, XVII-XXI, XXIII, XXIV, XXVI-XXXII) имеют удостоверительные статьи типа, уже известного из анализа монгольских грамот. Например, грамота Хубилая от 1261 г. (В IV) дает такой образец удостоверительной статьи:

Шэн-чжи ань мэй-ды	Ярлык наш
цэир нянь	в курицы год
лю юе	шестого месяца
эршиба жи	в двадцать восьмой день,
Кайпин-фу ю-ды шифэнь	[мы] в Кайпин-фу когда находились,
селей	написан.

Отличие формы этой статьи от монгольского образца заключается в несколько ином обозначении времени года. В китайском варианте мы видим не название сезона, а порядковый номер месяца. При обозначении дня месяца появляется само слово "день" (жи).

Интересно, что первый оборот китайской статьи передает даже формант притяжательности "наш" (шэн-чжи ань мэй-ды) на монгольский манер. Это обстоятельство дает нам право передавать весь оборот по-русски словами "ярлык наш". Так же оформляется первый оборот и в грамотах от 1280-1296 гг. (В IX, XI, XII). В грамотах от 1311-1351 гг. (В XVII-XXI, XXIII, XXIV, XXXII) он лишается форманта притяжательности и пишется просто "шэн-чжи" (ярлык). В грамоте от 1335 г. (В XXVI) мы читаем: "на шэн-чжи" (этот ярлык). В другой грамоте от 1335 г. (В XXX) к слову

"шэн-чжи" возвращается формант принадлежности, но теперь уже он располагается по-китайски: "ань-ды шэн-чжи" (наш ярлык). В удостоверительной статье грамоты от 1337 г. (В XXXI) первый оборот вообще отсутствует.

Для обозначения года по 12-летнему циклу в указанных грамотах даются названия животных: шуэр (мышь - В XXIV), нюр (корова - В XXXI), хур (тигр - В XV, XIX-XXI), тур (зайчиха - В XXXII), лунэр (дракон - В IX), маэр (конь - В XXIII), хоур (обезьяна - В XI, XII), цзир (курица - В XIII, XVII), чжуэр (свинья - В XVIII, XXVIII, XXX). В грамоте Хубилая от 1280 г. (В УШ) обозначение года приводится не по животному циклу, а по эре правления (Чжи-юаня в семнадцатый год). Возможно, что здесь наблюдается позднейшая переделка прежнего (животного) обозначения.

Дополнительный, седьмой (фактически - второй) оборот с обозначением некоего года определенной эры правления появляется во всех грамотах китайского письма начиная с 1324 г. (грамота Есун Тэмүра - В XXIV, а также грамоты В XXVIII, XXX-XXXII). Иными словами, прежняя дата появления удостоверительной статьи с дополнительным оборотом, выведенная на основании монгольских актов великих ханов, теперь становится старше на 18 лет (1324 г. - В XXIV вм. 1342 г. - В IX).

В китайских текстах удостоверительных статей иногда после порядкового номера месяца и слова "месяц" (юе) ставится слово "начало" (чу - В II, IX, XIII, XVII, XVIII).

В написании предпоследнего оборота удостоверительной статьи ([географическое название] ю-ды шифэнь), которое мы видим в грамоте Хубилая от 1261 г. (В IV), в грамоте от 1280 г. (В УШ) и затем в более поздних грамотах от 1297-1351 гг. (В XIII, XV, XVII-XXI, XXIII, XXIV, XXVIII, XXX-XXXII) отмечается некоторое формальное отличие ([географическое название] ю шифэнь).

На этом исчерпывается документальный материал на монгольском и китайском языках, потребный для анализа удостоверительных статей в грамотах великих ханов. Остается единственный документ - письмо монгольского великого хана Гүйюка от 1246 г., созданное арабицей на персидском языке (Гв 1) и с мотивировоч-

60

ной статьей на тюркском языке (Га 1). Удостоверительная статья в письме Гуйюка написана по арабски:

Фй авāхир джумāда-л-ахир
сана арба'а арба'йн ва ситтими'а
В конце джумада второго
года четвертого, сорокового и шестисотого.

Все построение этой статьи – арабское. Время написания документа дается по арабскому мусульманскому летосчислению – хиджре.⁷⁷ Она может быть выражена по-русски и так: "В последнюю десятидневку шестого месяца арабского лунного года шестьсот сорок четвертого", т.е. 3-11 ноября 1246 г. Известно, что текст этого письма был еще в ханской ставке переведен с монгольского на персидский язык. Дата выдачи документа у арабов и персов-мусульман по традиции писалась по-арабски. Удостоверительную статью такого типа пока что сравнивать не с чем.

Рассмотрим удостоверительные статьи в формулярах монгольских и китайских грамот улусных ханов – наследников престола. В древнейшей из них – грамоте Хайду сына Мөнкэ от 1257 г., сохранившейся только в китайском варианте (В Ш), удостоверительная статья имеет такой вид:

Ань мэй-ды вэнь-цзы	Наша грамота
дин-и нянь	в дин-и год
[...] юе чу	[...] месяца начала
ши жи	в десятый день,
Чэ-чэ-ли-гэ-ла-ха	[мы] в Чэ-чэ-ли-гэ-ла-ха
ю-ды шифэнь	когда находились,
селай	написана.

Примечательно, что в первом обороте мы видим слово "вэнь-цзы" (грамота), а не термин "лин-чжи" (указ сына императора). Так дословно был передан монгольский термин "bišig". Зато в обозначении года вместо обозначения животного цикла стоит китайский циклический знак "дин-и". В остальном же перед нами предстает типичная схема удостоверительной статьи грамот великих ханов.

В параллельных текстах грамоты-билгивы Мангалы сына Хубилая от 1276 г. (Б I; В УП) удостоверительные статьи переда-

ны следующим образом:

Bičig manu	Грамота наша
quluqa [na ʃ] il	в мыши год
qabur-un	весны
téri'ün zara-yin	первого месяца
qorin ʃirgo'an-a	в двадцать шестой [день] ,
Giñ-ǰew-fu-da	[мы] в Цзинчжао-фу
buǰüi-dür	когда находились,
bičibei.	написана.

Лин-чжи ань-ды	Указ сына императора наш
шуэр нянь	в мыши год
чжэн юе	первого месяца
эршилю жи	в двадцать шестой день,
Цзин-чжао фу	[мы] в Цзинчжао-фу
шифэнь	когда находились,
селей	написан.

Монгольский образец удостоверительной статьи в грамотах улусных ханов – наследников престола и соответствующий ему китайский текст говорят сами за себя. Несущественное отличие в передаче монгольского образца в китайском тексте наблюдается только в первом обороте и при обозначении времени года. Монгольская грамота Хайсана сына Дармабалы, выданная в год змеи (moqôï ʃil), соответствовавший 1305 г. (Б IУ), имеет точно такую же по форме удостоверительную статью.

Рассмотрим удостоверительные статьи в монгольских грамотах чагатаидов. Их список открывает грамота Кебека от 1326 г. (Аа II). Ее удостоверительная статья гласит:

Qar-a ništu	С черной печатью
bičig	грамота
ögbei.	выдана.
Barē ʃil	В тигра год
ʃunu	лета
ǰüs qar-a-in	последнего месяца
dörben	в четвертый [день]
qaučin-a	старого [месяца] ,
Čibinliq-a	[мы] в Чибинлиге
büküi-tür	когда находились,
bičibei	написана.

С первого взгляда заметно отличие этой статьи от всех, встречавшихся до нее. Эта удостоверительная статья состоит из двух отдельных предложений. В первом предложении говорится об удостоверительных знаках грамоты. Второе предложение повествует о времени и месте ее написания. Правда, подлежащее во втором предложении лишь подразумевается. Первое предложение связано с основным текстом грамоты словом *kepen* (говори). Если первое предложение нам доселе не встречалось, то второе предложение полностью знакомо. Впервые мы встречаем только возрастную характеристику месяца - "старый" (*qaucin*), т.е. речь идет о второй половине месяца.

Удостоверительные статьи оставшихся четырех грамот Туг-лук-Темюра (Аа III-VI) построены по тому же образцу. Две из них снабжены красной печатью (*al nišan-tu* - Аа III, V), две - просто печатью, без обозначения цвета (*nišatu* - Аа IV, VI). В трех грамотах месяц - старый (*qaucin* - Аа III-V), в четвертой - новый (*sin-e* - Аа VI).

Грамоты уйгурского письма на тюркском языке, помещенные в нашем списке источников, выданы уже в XV в. тимуридами. В грамоте Шахруха от 1422 г. (Аб I) читаем такую удостоверительную статью:

<i>Nišan</i>	Грамота
<i>berildi.</i>	выдана.
<i>Tarix</i>	[Мусульманской эры]
<i>sekiz jüz jirmi bişidä</i>	в восемьсот двадцать пятый [год] ,
<i>ud jil</i>	в коровы год,
<i>muharräm aj'iniñ</i>	мухаррама месяца .
<i>ikisidä</i>	во второй [день] ,
<i>Bay-i šaharda</i>	[мы] в Городском саду (?)
	[когда находились] ,
<i>bitildi</i>	написана.

В целом статья сохраняет особенности удостоверительных статей грамот чагатаидов. Однако здесь уже обозначению года по животному циклу предшествует название года по хиджре - мусульманской эре (*tarix-i hiçri*, сокращенно - *tarix*). Месяц мухаррам - первый месяц мусульманского лунного года. При обозначении места выдачи грамоты опущена глагольная форма, вы-

ражающая местонахождение. Первое предложение статьи связано с основным текстом грамоты словом *ter* (говоря).

Грамота тимурида 'Умар-шайха от 1469 г. (Аб П) имеет удостоверительную статью такого рода:

<i>Muhurluy</i>	С печатью
<i>nišan.</i>	грамота.
<i>Uj jil</i>	В быка год
<i>šavval aj'inīq</i>	шаввала месяца
<i>jigirmi sekizi</i>	в двадцать восьмой [день] ,
<i>Andāyanda</i>	[мы] в Андагане
	[когда находились] ,
<i>bitildi</i>	написана.

Форма удостоверительной статьи здесь в основном та же, что и в предыдущей грамоте. Слово "грамота" (*nišan*) в первом предложении снабжено определением "с печатью" (*muhurluy*), а глагольная форма - "выдана" (*berildi*) - опущена. Второе предложение начинается прямо с обозначения года по животному, а название года по мусульманской эре опущено.

Удостоверительная статья в формуляре последнего документа уйгурского письма на тюркском языке - письма тимурида Абу Са'ида от 1468 г. (Аб 1) - гласит:

<i>Sičyan jilī</i>	В мыши год
<i>rābi 'ülāvval aj'inīq</i>	раби аль-аввала месяца
<i>jigirmi ikisidä</i>	в двадцать второй [день] ,
<i>Mijanädä</i>	[мы] в Мийяне
<i>irgendä</i>	когда находились,
<i>bitildi</i>	написано.

В этом случае первое предложение отсутствует, ибо наличие удостоверительных знаков в тексте писем не фиксировалось. Второе предложение содержит глагольную форму *irgendä* (когда находились), которая отсутствует в первых двух документах тимуридов.

Грамота тимурида Хусайна Байкары от 1474 г., написанная по-персидски арабским алфавитом (Гв XXVII), содержит удостоверительную статью иного вида:

Ф̄и з̄и қа̄ дат ал-ҳарам
сана тис'ва саб'ин ва сам̄аними'а
В зу-ль-каада священный
года девятого и семидесятого и восьмисотого.

В этом случае удивительно точно воспроизводится форма удостоверительной статьи письма монгольского великого хана Гуиука от 1246 г. (Гв 1). За два с четвертью века устойчивая арабская форма обозначения времени написания документа совершенно не изменилась.

В самом старом по времени документе тимуридов - высокопарном письме Шахруха турецкому султану Мехмеду I от 1416 г., написанном по-персидски арабицей (Гв 2), содержится наиболее полная арабская форма удостоверительной статьи:

Кутиба

би-л-амр ал-'алӣ
а'ла̄ алла̄ху ша'наху
ф̄и авасит̄ шахр з̄и-л-хиджа ал-ҳарам
сана сам̄ани 'ашар ва сам̄аними'а
би балдат̄ Хув̄аризм

Написано

по повелению высочайшему,
да возвысит бог сан его,
в середине месяца зу-ль-хиджа священного
года восьмого, десятого и восьмисотого,
в городе Хорезме.

В данном случае удостоверительная статья, помимо известного обозначения времени написания документа, содержит также указание на место его составления. Во "временной" части статьи появляется слово "месяц" (шахр). Кроме того, статья начинается с глагольной формы "написано" (кутиба), чего мы не видели в прежних, кратких формах арабской удостоверительной статьи.

Документы хулагуидов мы, как всегда, рассматриваем последними. Они относятся к концу XIII - началу XIV в., но большинство жалованных грамот ильханов Ирана дошло до нас в персидской передаче, т.е. их формуляры принадлежат к более позднему, по сравнению с уйгурского письма грамотами чагатаидов и тимури-

дов, типу. Для анализа достоверительных статей в документах хулагуидов мы можем привлечь еще и письма ильханов Абаки, Аргуна, Махмуда Газана и Мухаммада Худабанда Олджейту от 1267-1305 гг. (Аа 1-5), которые написаны уйгурским алфавитом по-монгольски. Правда, в письмах, насколько об этом можно судить из уже известных документов (Аб 1, Гв 2), приходится ограничиваться только вторым предложением статьи, т.е. данными о времени и месте составления письма.

Самый ранний документ - письмо Абаки от 1267- или 1279 г. (Аа 1) - дает такой образец достоверительной статьи:

Biçig manu	Грамота наша
taulai jil	в зайчихи год
übül-ün	зимы
terigün sara-in	первого месяца
arban jiryuǰan-a	в шестнадцатый [день] ,
Araǰ-a	[мы] в Арасе
büküi-tür	когда находились,
biçibeı	написана.

Настоящая достоверительная статья не нуждается в комментариях. Она в точности, в малейших деталях повторяет полную форму достоверительной статьи в грамотах монгольских улусных ханов - наследников престола (Б I, IV; В III, УП). Эту форму достоверительной статьи повторяют и все остальные письма ильханов (Аа 2-5). Письмо Аргуна от 1289 г. (Аа 2) написано в старый (qauçid-ta) месяц, а его же письмо от 1290 г. (Аа 3) - в новый (sinete) месяц.

Мы уже знаем, что в актах монгольских великих ханов не ранее 1318 г. и не позднее 1324 г. в достоверительной статье появляется дополнительный - седьмой оборот, который уточняет год написания грамоты по девизу правления. Оборот располагается перед обозначением года по животному циклу. В достоверительной статье писем ильханов на монгольском языке также отмечается появление дополнительного оборота, причем на том же самом месте. На этот раз дополнительный оборот уточняет год животного цикла датировкой по мусульманской эре.

В письме Махмуда Газана от 1302 г. (Аа 4) дополнительный оборот гласил: *doloǰan jayud nigen od-tur* (в семьсот первый

год). Соответственно в письме Мухаммада Худабанда Öldжейту от 1305 г. (Аа 5) читаем: doloyan ʃayud dörben od-tur (в семьсот четвертый год). Как и в удостоверительных статьях грамот великих ханов, слово "год" в дополнительных оборотах обозначается монгольским, а не тюркским словом (только во множественном числе). Из тимуридской грамоты от 1422 г. (Аб I), написанной уйгурским алфавитом, нам уже известно обозначение года по хиджре на тюркском языке: оно начиналось словом "тарих" ([мусульманская] эра) и обходилось без конечного слова "год".

Удостоверительная статья единственной грамоты нашего списка, созданной на монгольском языке уйгурицей и выданной ильханом Абу Са'идом в 1320 г. (Аа I), заслуживает специального рассмотрения:

Altan gerige	С золотой пайцзой,
al tamɣatai	с красной печатью
ʃrlɣ	ярлык
soyurqaʃu	милостиво
ögbei.	выдан.
bičig [manu]	Грамота [наша]
doloyan ʃayud qorin od-tur.	в семьсот двадцатый год,
bičin ʃil	в обезьяны год,
namur-un	осени
dumdatu sara-yin	среднего месяца
naiman	в восьмой [день]
qayučid-ta	старого [месяца] ,
Sultaniya-ta	[мы] в Султанье
büküi-tur	когда находились,
bičibei	написана.

С одной стороны, эта удостоверительная статья являет собой типичный образец удостоверительной статьи в грамотах окраинных улусных ханов. Она имеет полную форму, в которой отражены удостоверительные знаки, время и место ее написания. С другой стороны, собственно удостоверительная часть статьи, заключенная в первом ее предложении, содержит обозначения, которых мы прежде не встречали.

Первый оборот - altan gerige - мы перевели "с золотой пайцзой". Слово "пайцаз" давно уже вошло в русский литера-

турный язык в формах "пайза", "пайдза", "пайцза".⁷⁸ Полное монгольское название пайцзы - *bars terigütü altan gerege* (с тигра головой золотая дощечка), а по-китайски то же обозначение писалось "ху-тоу цзинь-пай". Пайцзы были двух родов: одни представляли собой просто знаки отличия и давались за заслуги, а другие - подорожные для лиц, ездивших с поручениями хана.⁷⁹ Видимо, пайцза в качестве удостоверительного знака выдавалась одновременно с жалованной грамотой.

Второй оборот - *al tamγatai* (с красной печатью), уже знакомый нам по грамотам чагатаидов (Аа III, V) - говорит об удостоверительных знаках собственно грамоты. Третий оборот - элемент *ǰrlγ* (ярлык) - называет документ, выданный улусным ханом, ярлыком, т.е. повелением, исходящим от особы великого хана. Вспомним, что начальные строки адресанта в грамоте Абу Са'ида также были заимствованы из "богословской преамбулы" великих ханов. Четвертый оборот - *soyurqaǰu ögbei* (милостиво выдан, т.е. пожалован) - также отличается от обычной кратной формы - *ögbei* (выдан). Все короткое первое предложение в удостоверительной статье грамоты Абу Са'ида до предела насыщено элементами, возвеличивающими роль грамоты улусного хана до уровня великоханского акта.

Второе предложение рассматриваемой статьи ничем не отличается от удостоверительных статей в известных нам монгольских письмах ильханов. Вспомним только, что прежде вторые предложения удостоверительных статей в написанных уйгурицей грамотах улусных ханов чагатаидов и тимуридов не имели оформленного подлежащего. Это подлежащее перешло в первое предложение статьи, а во втором предложении оно только подразумевалось. Здесь же каждое из предложений имеет свое подлежащее. В первом предложении подлежащее - "ярлык", во втором - "грамота".

Из хулагуидских документов арабского письма на арабском и персидском языках удостоверительные статьи сохранили два письма (Гб 2,3) и три грамоты (Гв УІ-УШ).

Письмо на арабском языке ильхана Ахмада Такудара от 1282 г. (Гб 2) снабжено такой удостоверительной статьей:

Кутиба

фй авāsит джумāда-л-улā

санат ихда ва самāнӣн ва ситтими'а
би мақām Алатақ
Написано

в середине джумада аль-уля
года первого и восьмидесятого и шестисотого,
в ставке Алатак.

Как видим, статья эта напоминает форму удостоверительной статьи одного из тимуридских писем начала XV в. (Гв 2). Нет здесь только слова "месяц". Форма удостоверительной статьи в письме Махмуда Газана от 1301 г. (Гв 3) ничем не отличается от таковой в письме Ахмада Такудара.

В персидской грамоте Махмуда Газана от 1300 г. (Гв У1), сохранившей удостоверительную статью, написанную по-арабски, читаем:

Кутиба
фй-с-сāллис миъ раджаб ал-асами
саната тис^с ва тис^сйна ва ситтими'а
би мақām Кушаф
Написана

в третий [день] от [месяца] раджаба глухого
года девятого и девяностого и шестисотого,
в ставке Кушаф.

В статье нет ничего нового по сравнению с удостоверительными статьями рассмотренных выше писем ильханов. Такую же картину мы видим в удостоверительной статье персидской грамоты Махмуда Газана от 1304 г. (Гв У2). Остается предположить, что в грамоте Мухаммада Худабанда Олджейту от 1313 г. (Гв У3), где в удостоверительной статье сохранившегося оригинала жалованной грамоты невозможно прочесть два первых слова, а вся остальная часть статьи во всем подобна предыдущим, этими первыми словами являются кутиба фй (написана в).

Таким образом, мы исчерпали весь документальный материал, пригодный для анализа заключительных статей формуляров чингизидских жалованных грамот XIII-XV вв., названных здесь удостоверительными. В процессе формулярного анализа мы использовали материал не только актов, но также указных грамот и писем.

Форма удостоверительных статей в целом одинакова для всех этих документов.

Жалованные грамоты великих ханов на монгольском языке, писанные квадратным алфавитом, т.е. уже после 1269 г., имеют устойчивую единообразную форму удостоверительной статьи: собственно удостоверительная часть (ярлык наш), обозначение года по животному циклу, название месяца по одному из трех месяцев сезона, порядковый номер дня (без слова "день"), местонахождение государевой ставки, глагол "написан". Не позднее 1324 г. к этой форме был добавлен еще один оборот — обозначение года по девизу правления, который помещался перед обозначением года по животному циклу. Грамоты великих ханов китайского письма обычно повторяют содержание удостоверительных статей монгольских текстов.

Удостоверительные статьи грамот улусных ханов, написанных по-монгольски квадратным алфавитом, принадлежат к типу, в основных чертах повторяющему таковой в грамотах великих ханов. Точно такой же тип удостоверительной статьи содержится в письмах хулагуидов XIII — начала XIV в., которые написаны по-монгольски уйгурским алфавитом. Удостоверительные статьи в письмах тимуридов XV в., созданных уйгурицей на тюркском языке, утрачивают первый оборот ("грамота наша").

Удостоверительные статьи в жалованных грамотах улусных ханов-хулагуидов, чагатаидов и тимуридов, которые были написаны уйгурским алфавитом по-монгольски и по-тюркски, в общих чертах сходны между собой. Их форма отличается от вышеприведенной тем, что они состоят из двух самостоятельных предложений: первое предложение содержит описание удостоверительных знаков грамоты, второе — обозначение времени и места написания акта.

Грамоты и письма великих и улусных ханов, написанные арабским алфавитом по-арабски и по-персидски, имеют удостоверительные статьи, единообразно написанные по-арабски. Эти статьи могут иметь краткую и полную формы: краткая форма содержит указание на время составления документа, полная начинается с глагола "написан" (кутиба), за которым следует обозначение числа, месяца, года и места составления документа.

Г л а в а Ш. КОНКРЕТНЫЕ ФОРМУЛЯРЫ

Научная классификация жалованных грамот

В предыдущих главах мы оперировали понятиями индивидуальный, конкретный, абстрактный и условный формуляры. Поскольку во второй главе речь шла о начальных и конечной статьях абстрактного формуляра чингизидских жалованных грамот XIII-XV вв., а статьи эти являются одинаковыми для всех четырех типов формуляров, то и говорилось тогда одновременно обо всех названных типах формуляров. Теперь нам надлежит выявить конкретные формуляры, т.е. схемы построения каких-то определенных групп документов внутри разновидности.

В нашем случае разновидность — это жалованные грамоты в целом. Научная классификация жалованных грамот, исходящая из содержания русских актовых материалов, проведена С.М.Каштановым.¹ Согласно этой классификации, иммунитетные акты делятся на четыре основные группы: грамоты, закрепляющие за феодальным владением податной иммунитет; грамоты, закрепляющие за феодальным владением судебный иммунитет; грамоты, фиксирующие заповедный иммунитет; грамоты, представляющие феодалам право на производство промыслов и торговли, сбор таможенных пошлин и беспошлинный проезд. Часто русские иммунитетные грамоты дают примеры смешанных актов, в которых одновременно закрепляются различного рода феодальные привилегии.

Тарханные грамоты храмам и монастырям

Выбирать из нашего списка разноязычных источников какую-то определенную группу актов следует, руководствуясь прежде

всего их целевым назначением, т.е. выясняя в каждом случае "ту более или менее узкую сферу, для воздействия на которую создавался акт".² В нашем списке источников довольно много грамот, выданных чингизидами таким своеобразным юридическим частным лицам, как храмы и монастыри. Поскольку известно, что жалователи этих грамот, ссылаясь на пример предшественников, освобождали своих грамотчиков от уплаты всех (или почти всех) налогов и целого ряда повинностей, можно назвать эти акты тарханными.³

Таковыми грамотами в нашем списке являются акты великих ханов на монгольском языке от 1280-1351 гг. (Б II, III, У-Х) и на китайском языке от 1223-1351 гг. (В I, IX, XI-XIII, XV, XVII-XXI, XXIII, XXIV, XXV, XXX-XXXII). При выявлении конкретного формуляра тарханных грамот, выдававшихся чингизидами храмам и монастырям, нет необходимости повторять анализ уже известных, общих для всех жалованных грамот, начальных и конечных статей. Обратимся к основному тексту индивидуальных формуляров избранных грамот. В связи с тем, что в предыдущей главе мы уже достаточно четко выявили соотношение между монгольскими и китайскими текстами этих грамот, здесь нет необходимости рассматривать их изолированно. Проанализируем тексты этой группы актов, когда и насколько это возможно, в комплексе.

Список актов этой группы открывает грамота китайского письма, выданная в 1223 г. Чингис-ханом одному из руководителей даосов Цю Чань-чуню (В I). Содержание грамоты сводится к следующему. В храмах и монастырях, находящихся под руководством Цю Чань-чуня, люди, обращаясь к богу, испрашивают у него долголетия - "десять тысяч раз по десять тысяч лет" (вань вань суй) - для императора, т.е. Чингис-хана. Поэтому, со своей стороны, император освобождает эти храмы и монастыри от каких бы то ни было налогов, податей и платежей (со цзюй да сяо чай-фа фу-шуй ду ся цзяо-чжао чжэ).

Формуляр основного текста этой грамоты отличается неразработанностью, но именно он лег в основу позднейших чингизидских актов этой группы. 8 монгольских (Б II, III, У-Х) и 16 китайских (В IX, XI-XIII, XV, XVII-XXI, XXIII, XXIV, XXV, XXX-XXXII) текстов грамот великих ханов от 1280-1351 гг. построены по единому шаблону. Их основной текст, который обозначим термином

"пожалование", легко разделить на четыре части - статьи. В начале пожалования сообщается о привилегиях, дарованных прежними ханами предшественникам данного грамотчика. Затем следует статья, в которой жалователь перечисляет состав владений грамотчика и заявляет о своем решении выдать ему ярлык на условиях прежних жалователей. Третья часть заключает перечисление конкретных привилегий. Она обычно состоит из нескольких предложений. Иммунитетные привилегии в них можно разделить на тематические группы. Последняя статья пожалования напоминает грамотчику о том, что привилегии его не безграничны и ему не следует, ссылаясь на обладание жалованной грамотой, переступать границы дозволенного.

Обратимся к первой части пожалования. Эта статья - историческая справка - занимает место уведомительной статьи русского и западного конкретного формуляра, которой соответствует компонент условного формуляра - преамбула. По форме эта статья, которую предлагаем назвать прецедентом тарханства, очень стабильна для всех известных нам жалованных грамот, выданных великими ханами руководству храмов и монастырей, представлявшему различные религиозные учения. Некоторое подобие сводного текста статьи прецедент тарханства выглядит в табл.1 следующим образом.

Материалы, представленные в табл.1, выявляют в сводном тексте статьи прецедент тарханства пять оборотов.

Первый оборот включает список имен великих ханов - предшественников данного хана - жалователя, которые выдавали подобные ярлыки - жалованные грамоты. Во всех грамотах этот оборот начинается с имени Чингис-хана. Исключение составляет китайская грамота Тэмүра от 1296 г. (В XI), где весь первый оборот выглядит по-иному: И сянь ди шэн-чжи ли (уже в прежних императорских указах). Может быть, здесь отголосок более ранних форм этой статьи? Вспомним, что статья-обращение только одной этой грамоты (из всех, взятых нами для выявления конкретного формуляра, китайских грамот) принадлежит к наиболее раннему типу.

Обращает на себя внимание одна особенность текста первого оборота анализируемой статьи. Список имен великих ханов в

Т а б л и ц а 1

Обороты	Транскрипция текста статьи прецедент тарханства		Русский перевод
	МОНГОЛЬСКОГО	КИТАЙСКОГО	
1.	<p>Jingis qan-u</p> <p>Öködei qan-u</p> <p>Sečen qan-u</p> <p>Öljeitü qan-u</p> <p>Külüg qan-u</p> <p>Buyantu qan-u</p> <p>Gegēn qan-u</p> <p>Qutuqtu qan-u</p> <p>Rinçen dpal qan-u ba Jarliq-dur</p>	<p>Чэнцзисы хуанди</p> <p>Юэкотай хуанди</p> <p>Сюэчань хуанди</p> <p>Ваньчжэду хуанди</p> <p>Цюйлюй хуанди</p> <p>Пуяньду хуанди</p> <p>Цзэцзянь хуанди</p> <p>Худуду хуанди</p> <p>Чжэяду хуанди</p> <p>Илянчжэнь-бань хуанди шэн-чжи ли</p>	<p>Чингис-хана, великих ханов</p> <p>Өгбдэя, Сэчэна, Олдзэйту, Кулүка, Буйанту, Гэгэна, Хутугту, Дзайагату, (</p> <p>Ринчендпала в ярлыках</p>
2.	<p>doyid</p> <p>érke'üd</p> <p>sen-sin-ud</p> <p>dasmad</p>	<p>хэшан</p> <p>еликэвэнь</p> <p>сяньшэн</p> <p>дашимань мэй</p>	<p>духовенство буддийское, христианское, даосское, мусульманское,</p>
4.	<p>_____</p>	<p>чу</p> <p>ди-шуй</p> <p>шан-шуй</p>	<p>кроме поземельного налога, торгового налога,</p>
3.	<p>aliba</p> <p>alba qubçiri</p> <p>ülü üjen</p>	<p>бу цзянь</p> <p>шэнь ма</p> <p>чай-фа</p> <p>сю дан чжэ</p>	<p>каких бы то ни было налогов не видя,</p>
2.	<p>dənri-yi</p> <p>jalbariçu</p> <p>hirü'er ögün</p> <p>atuqai</p>	<p>чао</p> <p>тянь</p> <p>чжу шоу</p> <p>чжэ</p>	<p>богу бы молилось, благопожелания возносило,</p>
5.	<p>gəkdegsed aju'ui</p>	<p>ма дао в лай</p>	<p>сказано было</p>

этом сводном тексте состоит из 10 имен, из которых только два имени — Чингис-хан и Өгөдэй — встречаются в нашем списке источников для формулярного анализа. Остальные 8 имен нам пока неизвестны. Дело в том, что великие ханы династии Юань, согласно китайской традиции, храмовые имена на китайском языке получали посмертно, одновременно им же присваивали монгольские почетные имена. Чингис-хан и Өгөдэй получили только китайские почетные имена — соответственно Тай-цзу и Тай-цзун,⁴ ибо в ту эпоху у монголов еще не существовало обычая называть своих умерших ханов особыми монгольскими именами. Өгөдэй первым принял титул хаган (великий хан) как своего рода личный эпитет, благодаря которому даже позже достаточно было назвать его Хаган-хан.⁵ В наиболее древних из сохранившихся грамот Хубилая (Б П, Ш; В IX) и Тэмүра (В XII, XIII) первый оборот в статье прецедент тарханства читался так: "Чингис-хана и Хагана в ярлыках" (монгольск. *Jingis qan-u ba Qanu ba Jarliq-dur*; китайск. Чэнзи-сы хуанди Хахань хуанди шэн-чжи ли).

Хубилай принял титул великого хана просто как эпитет, и о нем говорили как о Хубилай-хагане. Такую же приставку к личному имени присвоили себе и все последующие великие ханы. После смерти эти чингизиды получали уже не только китайские посмертные имена, но и монгольские почетные. Именно последние, начиная с Хубилая, фигурируют в первом обороте статьи прецедент тарханства. Все имена великих ханов "в полном наборе" выглядели следующим образом: Хубилай (Ши-цзу, Сэчэн),⁶ Тэмүр (Чэн-цзун, Өлдзэйтү),⁷ Хайсан (У-цзун, Күлүк),⁸ Аурбарбада (Жэнь-цзун, Буйанту),⁹ Шидэбала (Ин-цзун, Гэгэн),¹⁰ Хошила (Мин-цзун, Хутугту),¹¹ Тук Тэмүр (Вэнь-цзун, Дзайагату).¹² Относительно Ринчендпала, со слов Лубсан Данзана, известно, что он вступил на престол в 1332 г., процарствовал 20 дней и умер. Личное имя его — Ирджамал Эрдэни Цокту-хаган.¹³ Заметим, что как в монгольских, так и в китайских текстах грамот пишутся только монгольские почетные имена великих ханов. Почетное имя Тук Тэмүра — Дзайагату (в форме Чжяндү) встречается в трех китайских грамотах Тогон Тэмүра за 1335–1337 гг. (В XXVШ, XXХ, XXXI). В грамотах того же хана за 1342 г. (Б IX) и 1351 г. (Б X; В XXXII) это имя отсутствует.

Список имен великих ханов - предшественников хана-жалователя во всех отобранных нами тарханных грамотах в целом выглядит единообразно. Если же сравнить имена ханов-жалователей статьи прецедент тарханства с полным реестром имен великих ханов, правивших в ту эпоху,¹⁴ то в списке чингизидских монархов, являемом в первом обороте анализируемой статьи, обнаруживаются лакуны. Следовательно, там представлены имена тех великих ханов, которые действительно выдавали жалованные грамоты храмам и монастырям. Состав имен этого списка может быть использован в качестве вспомогательного материала при уточнении дат выдачи тарханных грамот.

В первом обороте анализируемой статьи можно отметить необычное написание имени Чингис-хана в форме Чингис-хаган, которое встречается лишь в одной монгольской грамоте Аурбаривады от 1314 г. (Б У). Видимо, это ошибка резчика, высекавшего текст грамоты на каменной стеле. В концовке оборота (ba *ᠵar-liq-dur*) слово "ярлык" понималось собирательно, потому мы и переводим эту концовку - "в ярлыках". В грамоте Тогон Тэмюра от 1351 г. (Б Х) - самой поздней монгольской грамоте нашего списка - эта концовка изображена в таком виде: ba *ᠵarli' ud-dur*, т.е. слово "ярлык" поставлено во множественном числе.

Второй оборот рассматриваемой статьи содержит перечисление названий религиозных учений, представители которых некогда выступали в качестве грамотчиков и возносили молитвы за одного из членов чингизидского рода. Здесь обращает на себя внимание следующее обстоятельство: буддийское, христианское (несторианского толка) и даосское духовенство называется во всех 8 монгольских и 16 китайских грамотах, а мусульманское духовенство упоминается только в 3 монгольских и 7 китайских грамотах (Б П, Ш, Х; В IX, XI, XII, XXIV, XXX-XXXII). В этом факте мы усматриваем проявление политической тенденциозности жалователей тарханных грамот. В одной из ранних китайских грамот (В XI) буддийские монахи названы не по-китайски "хэман", а по-монгольски "тоинь" (*toyin*, мн.ч. *toyid*). Обычно этот список грамотчиков в китайских текстах грамот заканчивается показателем множественного числа мэй, но иногда этот показатель отсутствует (В IX, XI, XXIII, XXIV, XXVIII, XXXI). Заканчива-

ется оборот двумя элементами - своеобразными договорными условиями, согласно которым духовенству в ответ на освобождение его от каких бы то ни было налогов предписывалось молиться богу и возносить благопожелания царствующему монарху. Содержание этой концовки всегда одно и то же, а форма может несколько отступать от той, которая приведена для китайских текстов в табл.1.

Третий оборот статьи вклинивается в текст второго. По содержанию он является самым важным, так как именно в нем отражена сущность пожалования - освобождение от каких бы то ни было налогов. Оборот состоит из трех элементов, первый из которых для китайских текстов имеет вариант: бу цзянь нагэ да сяо (В XI). Второй элемент оборота единообразен для всех текстов, за исключением грамоты Тэмүра от 1296 г. (В XII), где он вообще не представлен. Последний элемент оборота - многовариантен. Отметим здесь один формальный момент. Двум терминам "alba qubčiri" (повинности и налоги) в монгольских текстах грамот соответствует один термин "чай-фа" (налоги) во всех китайских текстах. Это обстоятельство позволяет нам воспринимать монгольское словосочетание как парное слово, обозначающее собирательное понятие "налоги".¹⁵

Четвертый оборот представлен материалом только одной китайской грамоты Тэмүра от 1296 г. (В XII). В нем содержится оговорка, весьма редкая для тарханных грамот великих ханов. Обычно духовенство освобождалось от всех налогов. Лишь в исключительных случаях храмы и монастыри облагались поземельным налогом (ди-шуй) и торговым налогом (шан-шуй).¹⁶

Заключительный пятый оборот статьи имеет непосредственную логическую связь с ее первым оборотом: "...в ярлыках... сказано было". Для китайских текстов грамот оборот имеет ряд вариантов.

Содержание статьи прецедент тарханства в целом, и ее второго оборота в особенности, позволяет сделать интересное наблюдение: прецедентом определенного пожалования могло служить не обязательно пожалование предшественникам данного грамотчика в данном месте, но и любое другое пожалование, условия которого совпадали с данным. Пожалование, например, буддистам

служило прецедентом для подобного пожалования христианам или даосам.

Анализ начальных статей формуляров китайских текстов грамот великих ханов, предпринятый в предыдущей главе, убеждает нас в том, что конкретный формуляр статьи прецедент тарханства, выявленный нами и представленный в табл.1, имеет более раннюю форму, которую сохранил текст тарханной грамоты Тэмүра от 1296 г. (В XI). Вот этот текст:

И сянь ди шэн-чжи ли	Уже в прежних ярлыках
тоинь	духовенство буддийское,
еликэвэнь	христианское,
сяньшэн	даосское,
дашимань	мусульманское,
бу цзянь нагэ да сяо	каких бы то ни было
чай-фа	налогов
сю чжао чжэ	не видя,
тянь гэнь ди дао гао	богу бы молилось,
ци фу чжу юань чжэ	благопожелания возносило,
дао лай ди	сказано было.

К сожалению, параллельный монгольский текст этой грамоты (а он, несомненно, существовал) не сохранился.

Вторая часть пожалования имеет прямое отношение к договорным и указным статьям конкретных формуляров и к компоненту распоряжение условного формуляра. Если руководствоваться русским и западным образцами конкретных формуляров, то эта статья, занимая промежуточное положение уведомительной, договорной и указной, может быть названа уведомительно-договорно-указной, мы же назовем ее объявление тарханства. Сводный текст этой статьи на материале монгольских и китайских грамот великих ханов представлен в табл.2.

В полном виде статья объявление тарханства представляет собой сложноподчиненное предложение. В главном предложении определяются местоположение грамотчика и его личное имя. Придаточное предложение называет основную причину и условия, на которых выдана жалованная грамота. Расчленив текст статьи на 7 оборотов. На придаточное предложение приходится пять начальных оборотов, на главное остаются два конечных оборота.

Т а б л и ц а 2

Обороты	Транскрипция текста статьи объявление тарханства		Русский перевод
	монгольского	китайского	
1.	Edü'e ber bö'esü	Жу цзинь	И ныне будут [они] ,
2.	uridan-u Jarliq-un yosu'ar	ичжао цзай сянь шэн-чжи ти ли ли	прежним ярлыкам согласно,
4.	_____	чу ди-шуй шан-шуй вай	кроме поземельного налога, торгового налога,
3.	aliba alba qubčiri ülü üfen	бу цзянь шэнь ма чай-фа сю дан чжэ	каких бы то ни было налогов не видя,
I.	dəiri-yi JarbariJu hirü'er ogün atuqai	гао тянь чжу шоу чжэ	богу [за нас] молиться, благопожелания [нам] возносить,
5.	gēn	ма дао	сказав,
6.	... ...	... ...	(в некоем месте некоему лицу),
7.	bariJu yabu'ai	чжиба син ды	для того, чтобы держатъ при себе,
6.	Jarliq ᠔gbei	шэн-чжи юй лай	ярлык [мы] дали

Первый оборот - "и ныне будут [они] ... богу [за нас, великого хана] молиться, благопожелания [нам] возносить" - объясняет причину выдачи грамоты жалователем и одновременно - одно из договорных условий, т.е. своеобразные обязательства со стороны грамотчина по отношению к великому хану. В то же время чисто формально действующие лица первого оборота - это не новоиспеченные грамотчики, а те из представителей различных религиозных учений, которые были перечислены в статье прецедент тарханства. В этом нас убеждает текст статьи объявления тарханства в двуязычной грамоте Аурбарыбады от 1314 г., где дублируется по образцу предыдущей статьи список некогда пожа-

лованных духовных особ — буддийских, христианских и даосских (Б УП; В XXI). В разбираемой статье повторяется картина, которую мы наблюдали в статье предыдущей: все обороты статьи в монгольских актах имеют неизменную форму. В грамотах китайского письма сплошь и рядом наблюдаются разночтения — отступления от формы, зафиксированной в табл.2.

Третий оборот — "каких бы то ни было налогов не видя" — говорит о втором договорном условии — обязательстве со стороны великого хана. Последний элемент этого оборота имеет для китайского текста ряд вариантов. Четвертый оборот — "кроме земельного налога, торгового налога" — ограничивает привилегии, содержащиеся в тексте третьего оборота. Тексты третьего и четвертого оборотов дословно повторяют таковые же в предыдущей статье (см.табл.1). Только в четвертом обороте настоящей статьи понятие "кроме" в китайском тексте выражено не одним, а двумя словами: "чу...вай" (В XII). Второй оборот — "прежним ярлыкам согласно" — связывает все вышесказанное со статьей прецедент тарханства. Имеются китайские варианты его первого элемента. Пятый оборот — "сказав" — венчает содержание предыдущих четырех оборотов этой статьи. В китайском тексте грамоты Аурбаривады от 1314 г. (В XX) он, видимо, по ошибке, стоит на месте второго элемента ее седьмого оборота.

Существо главного предложения в статье — объявление тарханства выражено в шестом ее обороте — "(в некоем месте некоему лицу) ... ярлык [мы] дали". В первой половине оборота заключены сведения о точном местонахождении и названии храма или монастыря и названо личное имя грамотчика. Содержание этой части оборота иногда позволяет квалифицировать грамоту не только как иммунитетную, но одновременно и как инвеститурную. Церковная инвеститура состояла в назначении на церковную должность и введении в сан. Как раз таким было содержание начальной части шестого оборота в формулярах двуязычных грамот Хубилая от 1280 или 1292 г. (Б П; В IX), Аурбаривады от 1314 г. (Б VI; В XX) и в другой его грамоте за тот же год (Б УП; В XXI). Гораздо чаще мы встречаем чисто иммунитетные грамоты, которые выдавались на имя духовного руководителя монастыря (Б Ш, X; В XII, XV, XVI, XVII, XVIII); на несколько имен в нескольких

80

монастырях (Б УШ; В ХУП, ХУШ, ХХШ, ХХХ, ХХХІ); монастырской братии в целом, без обозначения конкретных лиц (Б У, ІХ; В ХІХ). Особо отметим содержание сильно разросшегося шестого оборота в китайской грамоте последнего великого хана Тогон Тэмүра от 1335 г. (В ХХУШ). Там говорится о том, что пожалование производится в качестве вознаграждения за исполнение порученного дела - унификацию "Чистых правил", служивших уставом для буддийских монастырей.

Вторая половина шестого оборота (концовка всей статьи) в ранних китайских грамотах выражалась словами: шэн-чжи юй лай (В ІХ, ХП, ХШ, ХУ, ХХУШ). Позднее та же самая монгольская формула (*ᠶᠠᠷᠯᠢ᠒ ᠔᠒ᠪᠡᠵᠢ*) обозначалась уже несколько иначе: шэн-чжи юй ла е (В ХУП, ХУШ, ХХ, ХХІ, ХХШ, ХХІУ, ХХХ, ХХХІ). Грамота Тогон Тэмүра от 1351 г. давала еще один вариант: шэн-чжи е (В ХХХІІ).

Седьмой оборот в главном предложении вклинивается в ткань шестого оборота и разделяет его на две половины. Постоянная монгольская форма седьмого оборота - *bariᠶu yabu'ai* [*ᠶᠠᠷᠯᠢ᠒*], может быть понята так: " [ярлык] , держа который ходят". Для подтверждения своих иммунитетных привилегий грамотчику было необходимо постоянно иметь удостоверяющий эти привилегии документ при себе. Отсюда и наш перевод - толкование этого оборота: "для того, чтобы [постоянно] держать [его] при себе". Равнозначный монгольскому тексту китайский оборот имеет, по обыкновению, несколько вариантов.

Текст уже хорошо знакомой нам китайской грамоты Тэмүра от 1296 г. (В ХІ) показывает пример не совсем обычной статьи обьявление тарханства. Вот этот текст:

Шэн-чжи ти ли ли	[Прежним] ярлыкам согласно;
... гун ю, ды	(в таком-то) храме находящемуся,
Ли да-ши	Ли великого наставника
вэй тоу	под началом,
сяньшэн мэи ...	духовенству даосскому ...
гао тянь юй цза мэи	богу молиться за нас,
чжу юань ци фу чжэ	благопожелания возносить,
вэй чжэбань шан тоу	по этой причине,
бачжи	для того, чтобы

син-та ды
шэн-чжи юй лай

держатъ при себе,
ярлык [мы] дали.

В приведенной статье смещен привычный порядок расположения оборотов, отсутствует начало первого оборота, отмеченное в табл.2, и вовсе нет третьего и четвертого оборотов. Вспомним, что эти обороты в других грамотах без изменения перекочевали в статью объявление тарханства из предыдущей статьи. В грамоте Тэмүра третий оборот наличествует в статье прецедент тарханства, но в статье объявление тарханства он не повторяется. Пятый оборот в последней статье - "по этой причине" - не совпадает по форме и содержанию с таковым же, обозначенным в табл.2. Разбираемая статья, как и все предыдущие, сохранила в грамоте В XI канцелярскую форму более ранних тарханских грамот всликих ханов, которые до нас не дошли.

Итак, статья конкретных формуляров тарханских грамот, выдававшихся великими ханами храмам и монастырям, которую мы называли прецедентом тарханства, дает историческую справку о прошлых пожалованиях. Статья, названная нами объявлением тарханства, выявляет конкретного грамотчика и состав его владений, на которые распространяются иммунитетные привилегии. Комплекс этих привилегий содержится в статье иммунитетные привилегии, проанализировать которую нам предстоит ниже. Она принадлежит к чисто договорным статьям конкретных формуляров, а в условном формуляре занимает место компонента распоряжение.

Даже поверхностное чтение отобранных для анализа монгольских и китайских актов дает возможность судить о том, что иммунитетные привилегии в них - самого различного свойства. Это обстоятельство уже позволило нам отнести разбираемые грамоты к разряду тарханских. Очередность того или иного вида феодального иммунитета подсказывает опять-таки текст самих грамот. Статья иммунитетные привилегии складывается из предложений-оборотов, фиксирующих прежде всего заповедный (или бережельный) иммунитет. Далее следуют обороты, которые можно причислить к судебному и податному иммунитету.

Группируем тексты оборотов, отражающих заповедный иммунитет, в виде табл.3.

Первый оборот табл.3 представлен во всех анализируемых

Обороты	Транскрипция текста статьи иммунитетные привилегии (заповедный иммунитет)		Русский перевод
	монгольского	китайского	
1.	Ēden-ü gün-gön-dur geyid-dür anu ēlcin bū ba'utuqai	Чжэ ды мэи гун-гуань ли фаншэ ли шичэнь сю анься чжэ	В их храмах, жилицах послы пусть не останавливаются
2.	Ulā y, 'i'üsü bū barituqai	Пума чжиин сю на чжэ	Подвод, кормов пусть не берут
3.	Ked ked ber bōl,ju kücūdejü bū aa'utuqai	Бу цзянь шэнь ма жэнь и ци ли сю чжуцзо чжэ	Кто бы он ни был насильно [на их территории] пусть не поселяется
4.	Ya' u ke bū talbituqai	Бу цзянь шэнь ма сю фан чжэ	Вообще что бы то ни было [у них] пусть не помещают
5.	Qan-u cañ amu bū cidqutuqai	Сю дунь фан гуань лян чжэ	Казенных амбаров зерно [у них] пусть не складывают

текстах, т.е. в 8 монгольских и 16 китайских актах. Второй оборот отсутствует лишь в монгольской грамоте Тогон Тэмүра от 1342 г. (Б IX). Третий и четвертый обороты находятся в двуязычных грамотах Хубилая от 1280 или 1292 г. (Б П; В IX) и Аурбаррибады от 1314 г. (Б УП; В XXI). Пятый оборот мы видим только в грамоте Хубилая (Б П; В IX). Первый оборот можно назвать бережливым от постоа послов, второй — от реквизиции транспорт-

ных средств и путевого довольствия, третий - от какого бы то ни было постоя, четвертый - от помещения чего бы то ни было на территории грамотчика, пятый - от использования складских помещений грамотчика для хранения государственного зерна.

Форма оборотов в табл.3 по обыкновению стабильна для формуляров грамот монгольского письма. Единственным исключением из этого правила является обозначение храмов во втором элементе первого оборота. Китайская по происхождению форма *gün-gôn* (Б П, VI, IX, X) сменяется монгольским словом *vümes* (храмы) в грамотах Хубилая от 1289 г. (Б III) и Аурбаригады от 1318 г. (Б УШ). В двух грамотах Аурбаригады от 1314 г. (Б У, УП) мы видим усложненную форму того же назначения *gün-gôn 'am-méw* (храмы-кумирни), оба компонента которой - китайские по происхождению.

В китайских актах все элементы первого оборота так или иначе варьируются. Первый элемент второго оборота отличается от табличного варианта лишь в формуляре грамоты В XI, где он имеет форму "пу тоу коу". Второй элемент везде одинаков. Зато третий элемент восполняет маловариантность двух первых. Китайский вариант третьего оборота изложен в таблице по тексту грамоты В IX, а в грамоте В XXI он читается: "Бу цзянь ши шуй бу и ци ли чжуцзо чжэ". Пятый оборот, представленный только в грамоте В IX, естественно, моновариантен.

Тексты первого и второго оборотов статьи иммунитетные привилегии (заповедный иммунитет), сохранные в формуляре грамоты В XI, как мы видели, отличаются от табличного варианта. Однако отличие это не заключает в себе каких-либо принципиальных моментов и потому не заслуживает выделения в отдельный тип.

Судебный иммунитет нашел отражение только в двух монголо-китайских грамотах Хубилая от 1280 или 1292 г. (Б П; В IX) и Аурбаригады от 1314 г. (Б УП; В XXI). Материала единственного оборота, причастного к судебному иммунитету, недостаточно для таблицы. Параллельные тексты этого оборота выглядят следующим образом:

Gün-gôn-dur

Гун-гуань ли

haran

си дуань

bu jarqulatuqai

гун ши чжэ.

Если первые элементы монгольского и китайского текстов идентичны и переводятся "в храмах", то их вторые и третьи элементы можно перевести для монгольского текста "людей пусть не судят"; для китайского - "не следует производить судебные разбирательства". Все сказанное справедливо для грамоты Хубилая (Б П; Б IX). В грамоте Аюрбаригады (Б УП; В XXI) оборот, отражающий судебный иммунитет, как в монгольском, так и в китайском текстах лишен первого элемента. Оставшиеся два элемента в китайском тексте (В XXI) дословно повторяют вышеописанные элементы оборота в грамоте Хубилая (В IX). Зато в начальном элементе монгольского текста оборота вместо слова *hagan* (люди) стоит слово *ᠶarqu* (судьи). Весь оборот можно перевести = растолковать так: "[Государственные] судьи [людей, относящихся к храму] пусть не судят".

На третьем по очередности месте конкретные формуляры тарханных грамот великих ханов, выдававшихся храмам и монастырям, содержат предложения-обороты, в которых зафиксирован податной иммунитет. Несмотря на то, что этот вид феодального иммунитета получил отражение во всех без исключения отобранных для анализа грамотах, обороты, отражающие податной иммунитет и представленные в табл.4, можно назвать их сводным текстом лишь с натяжкой. Не всегда одни элементы этих оборотов можно механически дополнить другими, взятыми из других тарханных грамот.

В первом обороте табл.4 декларируется освобождение грамотчиков от поземельного и торгового налогов. Судя по тому, что этот оборот стоит в статье на первом месте, данная привилегия была основной. Выше, при рассмотрении статьи прецедент тарханства, мы уже отмечали, что храмы и монастыри платили указанные налоги очень редко. Специальная оговорка о необходимости платить эти налоги содержалась в статье прецедент тарханства формуляра только одной китайской грамоты В XII (см. табл.1). В грамоте В XIII такой оговорки нет. Однако в этом акте отсутствует (так же, как и в грамоте В XII) первый оборот из разряда податных привилегий. Значит, грамотчик - обладатель грамоты В XIII обязан был платить оба названных налога.

В некоторых китайских грамотах поземельный и торговый налоги перечислены в первом обороте в обратном порядке (В ХУП,

Обороты	Транскрипция текста статьи иммунитетные привилегии (податной иммунитет)		Русский перевод
	монгольского	китайского	
1.	Cañ tamqa bū ōgtügei	Ди-шуй шан-шуй сю юй чжэ	Поземельного налога, торгового налога пусть не дают
2.	Gün-gon-e éle qariyatan qajar usun tegirmed baq gey-dén-ku qala'un usun dém kebid qulud širge könörge onqocas haran adu'usun terged fa ŷian-tén aliba alba qubciri bū abtuqai ked ked ber bólju kücü bū kurgetügei ya'ud ked-i anu buliju tataju bū abtuqai	Дань шу гун-гуань ды шуй ту няньмо юаньлинь цзе дяньку юй тан дяньшэ пуси чжувэй цюй цу дэн чуаньчжи жэнькоу тоупи чэлян фа чжуантянь бу цзянь шэнь ма чай-фа сю яо чжэ бу цзянь ши шуй сю и ци ли чжэ бу цзянь шэнь ма сю до яо чжэ	С подведомственных храмам земель и вод, мельниц, садов, закладных лавок, бань, постоялых дворов, лавок, посадок бамбука, закваски (вина?), уксуса, лодок, людей, животных, телег, плотов, поместий, каких бы то ни было налогов пусть не берут; кто бы он ни был насилие над [ними] пусть не учиняет; что бы то ни было у них, отнимая и таща, пусть не берут

XXIV, XXXI). Грамоты В ХУ, ХУШ, XIX, ХХУШ, ХХХ содержат запрет на взимание не этих двух налогов, а одного "налога зерном" (шуй-лян).¹⁷ В параллельном китайскому (В XIX) монгольском тексте этого оборота (Б У) названному термину соответствует слово "tamqa" (торговый налог). Казалось бы, китайскому шуй-лян больше соответствует монгольское название поземельного налога сап (амбарный). Видимо, и китайский термин "шуй-лян", и монгольский "tamqa" понимались очень широко и свободно заменяли собой обозначение поземельного и торгового налогов вместе взятых. Подтверждение тому — текст билингвы Б VI—В XX, где монгольскому термину "tamqa" соответствует параллельный китайский термин "шуй" (налоги).

Второй оборот — самый большой в статье. Его текст запрещает облагать всякого рода храмовое и монастырское имущество какими бы то ни было налогами. Основываясь на содержании второго оборота, можно полагать, что как монгольский термин "alba qubčiri", так и китайский "чай-фа" обозначали не "налоги и повинности", а только "налоги" в самом широком толковании этого термина: всякие сборы, любой вид натурального или денежного обложения. Иными словами, вновь подтверждается наше предположение, высказанное при рассмотрении третьего оборота статьи прецедент тарханства.

Второй оборот здесь представляет собой явление, гораздо более сложное, чем любой из оборотов как этой, так и всех прочих статей пожалования. Он включает в себя три сложных предложения. В первом предложении повествуется о необходимости освобождения всего движимого и недвижимого имущества храмов и монастырей от каких бы то ни было налогов, сборов и платежей. Это и есть податной иммунитет в чистом виде. Во втором предложении говорится о недопустимости применения силы по отношению к тем же разрядам монастырской собственности. Это, естественно, бережливый иммунитет. Третье предложение гласит о запрещении отнимать и растаскивать что-либо из длинного списка угодий, людей, животных и вещей, который и составляет основу богатств храмов и монастырей. Последнее предложение совмещает в себе и заповедный, и податной иммунитеты. Все три предложения совмещены в одном сложном, длинном и неуклюжем, одновременно

монолитно-цельном предложении.

В этом обороте, отражающем содержание конкретных привилегий именно этого грамотчика, отмечаются расхождения по форме и содержанию в текстах отдельных формуляров не только китайских, но и монгольских грамот.

Табличный вариант монгольского текста первого элемента писался еще и так: *gün-gôn-dür* (Б П), *gün-gôn 'am mew-de* (Б УП), *sümes-e* (Б УШ). В грамоте Хубилая от 1289 г. (Б Ш) начальные два элемента рассматриваемого оборота вообще отсутствуют. Их заменяет общая для всех оборотов статьи иммунитетные привилегии шапка: *Eden-ü sümes-dür geyid-dür...* (В их храмах, жилищах...). Находится эта шапка не в начале разбираемого второго оборота, а в начале всей статьи - перед ее первым "заповедным" оборотом (см.табл.3). Объясняется это обстоятельство, видимо, тем, что в тексте анализируемого оборота грамоты Б Ш полностью отсутствует первое предложение, а значит отсутствует и податной иммунитет в чистом виде. В этом обороте наличествует только последнее из трех переплетенных между собой предложений полного текста оборота, который можно прочесть в табл.4. Возможно, такое написание рассматриваемого оборота в грамоте Б Ш отражает форму первоначальных текстов жалованных грамот этого типа, в которых податной иммунитет, как вид феодальной привилегии, был еще менее разработан.

Пространный список движимого и недвижимого имущества храмов и монастырей отражен в отдельных монгольских грамотах не в том порядке и не в таком полном виде, какой мы наблюдаем в табл.4. Перечень имущества в грамоте Б IX не поддается прочтению, ибо как раз в этом месте каменная стела, на которой высечен текст грамоты, повреждена. Земли и воды, мельницы и сады представлены в 7 остальных грамотах (Б П, Ш, У-УШ, Х), закладные лавки, бани, постоянные дворы, лавки - в 6 грамотах (Б П, У-УШ, Х), посадки бамбука, закваска (вино?), уксус - в трех грамотах (Б П, УП, Х), люди, животные - в двух грамотах (Б У, УШ), телеги - в двух грамотах (Б У, УП), плоты - в одной грамоте (Б У), поместья - в одной грамоте (Б Х).

Продолжая уже начатый выше разговор о трех предложениях оборота, в которых в целом и получил отражение податной имму-

нитет, отметим, что эта феодальная привилегия в чистом виде (первое из трех предложений) наличествует только в трех монгольских грамотах (Б П, УП, X). Все три предложения в этом обороте содержатся лишь в самой последней по времени грамоте (Б X). Второе и третье предложения вместе находятся в четырех грамотах (Б У, УШ-X). В грамоте Б Ш есть третье, а в грамоте Б VI — только второе предложения. Из этого видно, что цельное трехсложное предложение-оборот, отражающее податной иммунитет, сложилось не сразу, а в процессе длительной эволюции.

Второй оборот в китайских текстах тарханских грамот великих ханов имеет, как и следовало ожидать, еще больше вариантов-разночтений. Встречаются в китайских текстах второго оборота термины, обозначающие разряды монастырского имущества, соответствия которым в монгольских текстах пока не обнаружены: "тянь ди, ди" (возделанные поля — В XI, XII, XXXI), "тянь чань, чань е" (плоды земли — В XIII, XVШ), "чи чжао" (пруды — В XIV), "цань" (хлебные амбары — В XVII), "хо" (товары — В XVI), "шань чан" (горные пастбища — В XXVШ), "хэ" (реки — В XXVШ), "по" (озера — В XXVШ).

Что касается конечных трех предложений-запретов в составе того же второго оборота, то первое из них, в котором отражен податной иммунитет в чистом виде, наличествует в пяти грамотах (В IX, XUI, XXI, XXXI, XXXII); второе, в котором отражен бережливый иммунитет, — в 8 грамотах (В XI, XIX, XX, XXIII, XXIV, XXVШ, XXX, XXXII); третье, в котором слиты понятия заповедного и податного иммунитетов, — в 9 грамотах (В XI-XIII, XVШ, XIX, XXIII, XXIV, XXVШ, XXXII). Эти три предложения вместе содержатся лишь в одной, последней по времени, грамоте-билингве (Б X; В XXXII).

Заканчивая рассмотрение второго из двух оборотов, в которых нашел отражение податной иммунитет, хочется еще раз подчеркнуть его отличие от всех предыдущих предложений-оборотов статьи иммунитетные привилегии. Он выглядит слишком обособленно. Создается впечатление, что это не оборот, а самостоятельная статья — акцентированное предостережение всем лицам, перечисленным в статье, содержащей обращение.

Как логическое завершение пожалования выглядит четвертая

статья, которую можно назвать предостережение грамотчику. В русском и западном конкретном формуляре ей соответствует процессуальная статья, а в условном формуляре – компонент санкция. Статья предостережение грамотчику имеет место в формулярах всех тарханных грамот великих ханов, исключая только грамоту Чингис-хана (В I). Содержание статьи везде одинаковое, а форма ее имеет несколько вариантов, сменяющих один другого в указанной ниже последовательности.

Первый вариант статьи предостережение грамотчику представлен в двух актах-билингвах – Хубилая от 1280 или 1292 г. (Б П; В IX) и Аурбаригады от 1314 г. (Б УП; В XXI). В монгольском тексте грамоты Хубилая (Б П) читаем:

Ene basa [L] i [ti] -dem	Этот также Ли настоятель,
tüügdebe éle	что опирается [на ярлык],
gējü	говоря,
yósu üge'üi üiles	противозаконные действия
bu üiledügei	пусть не совершает!
üiledü'esü	Если будет совершать,
bidan-a ööidkün	нам будет положено;
ker ber gērün	что бы ни говорилось,
bida uqad ye	мы узнаем.

В параллельном китайском тексте (В IX) приведенной выше статье соответствует такая калька: "Чжэ Ли тидянь, и фу лай, ма дао, у ти ли гоудан сю син-чжэ! Син (хэ), ань мэи гэнъ ди цзоу чжэ; бу цзянь шэнъма жэ ань мэи ши е чжэ". В грамоте Аурбаригады (Б УП; В XXI) форма статьи предостережение грамотчику почти дословно повторяется в монгольском тексте, а в китайском тексте эта статья содержит или те же словосочетания, что и в китайском тексте грамоты Хубилая, или им синонимичные. Во всех случаях статья состоит из двух предложений и четырех оборотов, которые четко прослеживаются в цитированном примере.

Второй вариант статьи предостережение грамотчику представлен в четырех монгольских (Б Ш, У, УГ, УШ) и 12 китайских (В XI–XIII, XV, ХУП–ХХ, ХХШ, ХХIV, ХХVШ, ХХХ) текстах грамот великих ханов. Приведем в качестве примера текст рассматриваемой статьи в монгольской грамоте Хубилая от 1289 г. (Б Ш):

Ède basa doйд
Yarliq-tu
gējü
yosu üge'üi üiles
bu üiledügel
üiledü'esü
ülü'ü ayuqu mun

Эти также буддисты,
что обладают ярлыком,
говоря,
противозаконные действия
пусть не совершают!
Если будут совершать,
не убоятся ли они?

Оставшиеся три монгольских текста (Б У, VI, УШ) этой статьи во всем подобны вышеприведенному. Мы не располагаем китайским текстом цитированной грамоты Хубилая. Возьмем для примера китайский текст тарханной грамоты Аурбаригады от 1311 г. (В ХУШ), также обращенный к буддистам:

Гэн¹ хэсан мэи
ни чжао ю шэн-чжи
ма дао
у ти ли ди гоудан
сю цзо-чжэ
жо цзо а
бу ла ма шэньма

Также буддисты,
что обладают ярлыком,
говоря,
противозаконные действия
пусть не совершают!
Если совершат,
не убоятся ли?

В этом случае статья предостережение грамотчику состоит из двух предложений и трех оборотов. Процесс сокращения названной статьи в тарханых грамотах продолжается. В поздних грамотах великих ханов, к числу которых можно отнести акты Тогон Тэмүра от 1337 (В XXXI), 1342 (Б IX) и 1351 гг. (Б X; В ХХII), можно наблюдать такую картину, заимствованную из монгольского текста грамоты от 1351 г. (Б X):

Ède basa sen-sin-ud
Yarliq-tan
kējü
yosu üge'ün üiles
üiledü'esü
mūd basa
ülü'ü ayuqun

Эти также даосы,
что обладают ярлыком,
говоря,
противозаконные действия
если будут совершать,
они также
не убоятся ли?

Как видим, статья предостережение грамотчику утратила сказуемое первого предложения и в связи с этим стянулась в несколько громоздкое, но все же только одно предложение, кото-

рое мы вправе считать третьим вариантом статьи. Китайский текст статьи в целом повторяет содержание монгольского текста:

Гэнз чжэ сяньшэн мэй	Также эти даосы,
в шэн-чжи	что обладают ярлыком,
ма дао	говоря,
цзо	совершивши
у ти ли гоудан а	противозаконные действия,
та мэй	они
бу па на шэньма	не убоятся ли?

Группа тарханных грамот, выданных храмам и монастырям улусными ханами, в нашем списке источников для формулярного анализа весьма немногочисленна. Сохранилось только два тарханных акта этой группы. Оба они исходят от улусных ханов — наследников престола. Речь идет о грамоте-билингве Мангалы сына Хубилая от 1276 г. (Б I; В УП) и о монгольской грамоте квадратного письма, сохранившейся в оригинале, которую в 1305 г. выдал Хайсан сын Дармабалы (Б IV).

Статьи пожалования в формулярах названных грамот в основном повторяют форму статей тарханных грамот великих ханов, рассмотренную выше.

Статья прецедент тарханства в обеих грамотах улусных ханов построена однотипно, но неодинаково. В первом обороте грамоты Мангалы имя Чингис-хана соседствует с личным эпитетом *Огöдзэ* — именем-титолом Хаган (китайск. Хахань хуанди). В грамоте Хайсана, как более поздней по времени, мы читаем имена *Огöдэй* и *Сэчэн*. Во втором обороте грамоты Мангалы отмечается полный список представителей различных религиозных учений, а в грамоте Хайсана отсутствует упоминание о мусульманском духовенстве. Третий оборот в обеих грамотах имеет совершенно одинаковую форму, которая в свою очередь ничем не отличается от его формы в тарханных грамотах великих ханов. Грамота Хайсана не имеет четвертого оборота, т.е. редкой для подобных грамот оговорки, наличие которой означало неприятную для грамотчика обязанность вносить в государственную казну поземельный и торговый налоги, а грамота Мангалы эту оговорку имеет. Прежде текст оговорки мы знали только в китайской передаче (см. табл. 1).

Монгольский текст грамоты Мангалы дает исследователю монгольскую, т.е. изначальную, форму четвертого оборота: *cañ tamqadaŋa buŋi* (поземельного налога, торгового налога кроме). Пятый оборот статьи прецедент тарханства в обеих грамотах одинаков и во всем подобен таковому в тарханных грамотах великих ханов.

Статья объявление тарханства в рассматриваемых грамотах улусных ханов в целом повторяет обороты той же статьи в грамотах великих ханов (см.табл.2). Концовка первого оборота в грамоте Хайсана, выданной на территории Тибета, содержит небольшое дополнение. Перед формулой: "богу [за нас] молиться, благопожелания [нам] возносить" находятся слова: "следуя по пути Шакьямуни"¹⁸ (*Šakjamuni mōr buŋi ūlü bōlqan*). Начало второго оборота в той же грамоте Хайсана также несколько иное. Вместо привычного слова "прежним" (*uridan-u*), которое наблюдается и в грамоте Мангалы, в грамоте Хайсана стоит слово "великих ханов" (*qan-u*). Концовка шестого оборота этой статьи в обеих грамотах улусных ханов качественно отличается от таковой в грамотах великих ханов. Если в великоханских актах мы читаем: "ярлык [мы] дали", - то в улусных грамотах значит: "грамоту [мы] дали" (монгольск. *bičig ōgbei*; китайск. лин-чжи юй е).

Статья иммунитетные привилегии (заповедный иммунитет) в тарханных грамотах наследников престола дословно повторяет уже известные нам два первых оборота-предложения (см.табл.3). Грамота Хайсана содержит еще один оборот, который прежде не встречался: "В поместьях их коней, яков [своих] пусть не содержат" (*Kǎiv-ga-dur anu morid umsus bu bōrdatuqai*).

Предложения-обороты, отнесенные нами к податному иммунитету (см.табл.4), также представлены в грамотах наследников. Первого оборота, естественно, нет в грамоте Мангалы, но он наличествует в грамоте Хайсана. Только заканчивается он не словами "пусть [они] не дадут" (*bu ōgtügei*), а несколько иначе: "пусть [с них] не берут" (*bu abtuqai*). Второй оборот, так детально разработанный в поздних грамотах великих ханов, в грамоте Мангалы имеет следующий вид: "От плодов земли и имущества их, отнимая и таща, пусть не берут" (монгольск. *qaŋar usu ya'u ke anu buliŋu tataŋu bu abtuqai*; китайск. тяньчань

уе сү доу но чжэ). Грамота Хайсана содержит более разработанный второй оборот: "С земель и вод, садов, мельниц, людей, животных и чего бы то ни было им принадлежащего кто бы он ни был, отнимая и таща, пусть не берет, противозаконно насилие [над ними] пусть не учиняет" (Gaǰar usun baq tegirmed haran adu'usun ya'ud keǰi anu ked ber bǒlǰu buliǰu tataǰu bu abtuǰai yosu üge'üi kǰüü bü kǰrgetügeǰ). Нетрудно заметить, что ни в одной из тарханских грамот наследников престола вторые обороты рассматриваемой статьи не содержат податного иммунитета в чистом виде.

Статья предостережение грамотчику в сохранившихся грамотах наследников престола в целом повторяет текст второго варианта этой статьи в актах великих ханов. Выражение "обладают ярлыком" великоханских грамот в актах улусных ханов получает иную редакцию - "обладают грамотой" (монгольск. bičig-ten; китайский текст в этом месте сильно искажен).

Жалованная грамота тимурида Шахруха, написанная на тюркском языке уйгурицей в 1422 г. (Аб I), по своему содержанию приближается к тем тарханским грамотам храмам и монастырям, которые были рассмотрены выше. Шахрух предоставляет освобождение от всякого рода налогов и некоторых повинностей монахам одного из монастырей. Как это было отмечено выше, грамота Шахруха содержит обращение к "буддийским монахам" (toǰunlarǰa). Однако текст пожалования свидетельствует скорее о том, что этот акт был выдан не буддийским, а мусульманским монахам. Не исключено, что слово "тоин" могло применяться как термин для обозначения не только буддийских монахов, но и затворников других вероисповеданий. Пожалование в этой грамоте не содержит перечисления владений грамотчика, на которые распространялись различные льготы, а ведь именно этот список мы привыкли видеть в монгольских грамотах чингизидов (см. табл. 4). Совершенно отсутствует здесь и статья предостережение грамотчику. Форма пожалования также заметно отличается от рассмотренных выше актов. Приведем это пожалование полностью:

...
...
...

(В некоем месте)
(некоему лицу)
(некая обитель)

sojural berildi
lū jildan
başlap
ne kim
nişanlını
...
şart
qılsun
kim ersä
mal
tilämäsün
jasaqluq
salmasun
küç
avya
tegürmäsün
ter
pak nişan
bermiş erdük
Burunyi nişan
josunı bilä
ud jildan
başlap
...
sojural
josunı birlä
nañib hañqaya
şart
qılsun
kim kim ersä
mal
tilämäsün
jasaqluq
salmasun
küç
avya
tegürmäsün

пожалована была.
С дракона года
начиная,
от кого бы то ни было
из обладателей указа,
(такой-то обители)
устава
придерживающихся,
кто бы он ни был
маля
пусть не добивается;
ясаклык [на них]
пусть не налагает;
насилно
на (облавную) охоту
пусть не гонит;
сказав,
благородная грамота
дана была нами.
Прежней грамоте
согласно,
с быка года
начиная,
(такой-то обители)
пожалованию
согласно,
благородной обители
устава [монахи]
пусть придерживаются;
кто бы он ни был
маля [от них]
пусть не добивается;
ясаклык [на них]
пусть не налагает;
насилно
на (облавную) охоту
пусть не гонит;

basa	а также
...	(нового грамотчика)
evi barisî	жилица все,
tutup	захватывая [их]
qonup	и поселяясь [в них]
al[ma]sun	пусть не берет;
tep	говоря,
nişan	грамота
berildi	выдана.

Чем же отличается пожалование в грамоте Шахруха от всех предыдущих?

Во-первых, в формуляре грамоты перед нами предстает необычная статья прецедент тарханства. Она состоит из двух предложений. Первое предложение в самой общей форме сообщает читателю о том, что такая-то обитель была пожалована некоему лицу. Отсутствует имя прежнего жалователя, религиозная принадлежность грамотчика, условия пожалования. Во втором предложении говорится о том, что монахи этой области и прежде получали льготы от данного жалователя. Перечисляются конкретные привилегии: освобождение от налогов малъ и ясаклык, т.е., видимо, от денежных и натуральных поборов,¹⁹ и от обязанности поставлять загощи для ханской облавной охоты. Приводится год выдачи этой прежней грамоты. Вообще все предложение построено скорее как отдельная жалованная грамота, нежели сложившаяся статья устойчивого формуляра. По форме прецедент тарханства грамоты Шахруха стоит ближе к той же статье в грамоте великого хана Тэмүра от 1296 г., сохранившейся лишь в китайской передаче (В XI), чем к прецеденту тарханства в монгольских грамотах улусных ханов — наследников престола (Б I, IV).

Во-вторых, статья объявление тарханства в формуляре грамоты Шахруха не подразделяется на несколько самостоятельных предложений-оборотов, а состоит из одного сложного предложения, в которое включены как собственно объявление тарханства, так и отдельные иммунитетные привилегии. В целом это обстоятельство также говорит за то, что в основе формуляра этой грамоты XV в., писанной уйгурицей по-тюрки, лежат образцы более древние, нежели те, которые мы встречали в монгольских

грамотах квадратного письма от конца XIII – первой половины XIV в. О древности этого типа формуляра говорит и тот факт, что налоги малъ и ясаклык называются здесь раздельно, а не слитно, как единый податной термин. В то же время очередность в перечислении иммунитетных привилегий свидетельствует о том, что разбираемый документ принадлежит к более позднему времени, чем акты квадратного письма. Действительно, древнейшим видом феодального иммунитета был заповедный (или бережелъный) иммунитет. Во всех прежних монгольских тарханных грамотах в первую очередь назывался бережелъный иммунитет от постоа, здесь он стоит на последнем месте.

Отметим момент, обойденный нами при анализе удостоверительных статей в предыдущей главе. Последние два элемента статьи объявление тарханства – "грамота выдана" – не только заключают эту статью, но и все пожалование, и более того – грамоту в целом. Они выполняют роль удостоверения, почему одновременно отнесены нами и к удостоверительной статье.

Пожалование в грамоте Шахруха любопытно сопоставить с формуляром жалованной грамоты другого тимурида – Умар-шайха, которая была составлена на тюркском языке уйгурским письмом в 1469 г. (Аб II). Правда, это не совсем то, что объявлено в подзаголовке настоящей главы, но, к сожалению, нам не приходится быть чересчур строгими. Других жалованных грамот этого вида письменности и языка в нашем списке источников нет. Приводим пожалование грамоты Умар-шайха полностью:

...	(В некоем месте)
...	(некоему лицу)
...	(с некоего имущества)
divan̄ya çiqar	в государственную казну собираемые
här türlüg mal̄n̄i	всякого рода налоги
sojruyāl berilip erdi	пожалованы были.
Imdi ui jılıda	Ныне, в быка год,
riyājät qılıp	милость сотворив,
qasabadın	с уезда
otuz altun	тридцать золотых
tävāci tartusın̄i	тевечи сбора
taı̄l sojruyāl berildi	также пожалованы.

Imdi bu tarixtā
birilgāni ui jil
šavval ajiniq
jigirmi jitisidin
bašlap
burunı sojuryalini
tayı birilgān nišanı
josunı bilā
müsällām tutup jilda
janı nišan
tilāmājin
bu nišan bilā
jil zaju
hiç türlüg saltiq
salmajın
däftärlärgä
sürüsün
Özi alıp
jisün
Hiç kiši
mal taru
tilāmäsün
küç avya
tegürmesün
ter
muhurluy nišan
[berildi]

Ныне, в эту (мусульманскую) эру,
с данного быка года
шаввала месяца
двадцать седьмого [дня]
начиная,
прежнему пожалованию,
а также данной грамоте
согласно,
очередной перезаверки в год
новой грамоты
не добиваясь,
этой грамоте, согласно,
ежегодно
никакого рода налога
не налагая,
в реестры [все это]
пусть будет внесено.
Свое получив,
пусть пользуется.
Никакой человек
[от него] маля, тарыга
пусть не добивается;
насильно [его] на (облавную) охоту
пусть не гонит;
говоря,
с печатью грамота
[выдана] .

Бросается в глаза сходство в построении пожалования в формулярах обеих грамот. Есть, однако, и различия, которые менее заметны.

Статья прецедент тарханства в грамоте "Умар-шайха также состоит из двух предложений. В первом из них в самой общей форме сообщается о прошлом пожаловании. Второе предложение знакомит с дополнительной льготой данному грамотчику, которая исходила от лица "Умар-шайха. В отличие от грамоты Шахруха, здесь название налога "маль" выступает, судя по контексту, в роли "всякого рода налогов". По форме статья больше приближается к "

тем, которые мы наблюдали в формулярах монгольских грамот (см. табл.1).

Статья объявление тарханства по форме и содержанию отделена от перечисления различных иммунитетных привилегий, которые группируются в самостоятельную статью. Статья иммунитетные привилегии вовсе лишена бережливого иммунитета от постоя. Податной иммунитет в ней представлен освобождением от уплаты маля и тарыга (этот тюркский термин соответствует персидскому тарх).²⁰ Сочетание этих названий очень напоминает сочетание податных терминов монгольских грамот, которые мы переводили как "поземельный и торговый налоги" (см.табл.4).

В целом в формулярах рассмотренных выше жалованных грамот тимуридов XV в., написанных уйгурицей по-тюркски, прослеживаются черты, общие с формулярами известных нам монгольских грамот XIII-XIV вв. В то же время создается впечатление, что уйгурская письменность, как это не раз уже демонстрировалось выше, обязывала жалователей грамот (точнее чиновников их канцелярий) переписывать образцы формуляров актов, которые были созданы еще до введения квадратного письма и провозглашения монгольской династии Юань, т.е. до 1269-1271 гг. Изменения в социально-экономическом строе государственных образований XV в., неподвластные воле монархов, заставляли их вносить в старинную форму некоторые нововведения. Ничтожно малое число источников XV в. и их полное отсутствие за XIII-XIV вв. (мы сознательно ничего не говорим пока о золотоордынских актах XIII-XV вв.) позволяют рассуждать о старых тюркских формулярах грамот улусных ханов и изменениях в них лишь в форме допущений и предположений.

Других актов улусных ханов, которые можно было бы отнести к группе тарханных грамот храмам и монастырям в нашем списке источников нет. Однако и в жалованных грамотах улусных ханов из иных групп встречаются целые статьи и отдельные обороты, знакомые по тарханному пожалованию. Мы заинтересованы в том, чтобы получить максимум примеров, если не тарханного пожалования в целом, то хотя бы отдельных его частей на материале разнородных и разноязычных чингизидских грамот.

В нашем распоряжении имеются три жалованные грамоты тиму-

рида Хусайна Байкары, написанные арабским письмом по-персидски в период от 1469 до 1506 г. (Гв ХУ, ХУП, ХХI). Все эти грамоты закрепляют за различными феодальными владениями преимущественно податной иммунитет. Рассмотрим пожалование в этих актах, руководствуясь названиями статей пожалования, принятыми для тарханных грамот.

Пожалование в грамоте Хусайна Байкары, декларирующей освобождение от налогов вакфа²¹ гробницы некоего мусульманского святого (Гв ХХI), состоит из статьи прецедент тарханства, в которой многословно говорится о всегдашней заботе царствующего монарха о поддержании блеска и великолепия гробниц мусульманских святых, и статьи объявление тарханства, содержащей решение об учреждении вакфа при гробнице данного святого. В конце пожалования находится предложение, которое требует специального рассмотрения.

Хукм-и джахāн-мутā'
 би нифāз
 пайваст ки
 джами'-и āнхā-рā
 вакф дāниста
 кайна мин кāна
 аз мāl ва джихāt
 ва сайир 'авāризāt
 ва аз такāлиф-и дивāни
 му'аф ва мусаллам
 ва марфу' ал-қалам
 даниста

Грамота владыки мира,
 с проникновением [в умы]
 сопряженная, следующая:
 всю эту [недвижимость]
 вакфом считать,
 как прежде бывало,
 от налогов и поборов²²
 и прочих внесчередных сборов²³
 и от чрезвычайных поборов²⁴
 освобожденной, и избавленной,
 и устранившейся от пера
 считать.

В этом предложении начальное слово хукм точнее было бы перевести по-русски как "указ". В таком случае оно воспринималось бы как синонимичное слову vōz (указ) в мотивировочной статье подобных грамот (см. Га I). Выше мы уже выяснили, что только в мотивировочной статье речь идет об указе или повелении, а в статьях пожалования говорится о письменном документе, который этот указ или повеление содержит. В грамотах улусных ханов документ обозначается совсем другим термином. В данном случае таким термином является "хукм", который мы и пе-

редаем по-русски словом "грамота".

Как все же квалифицировать приведенное выше предложение? Думается, что перед нами сочетание статей объявление тарханства и иммунитетные привилегии, т.е. здесь в одном сложном предложении совмещены обе названные статьи. Слова типа "грамота... следующая" в монгольских, тюркских и китайских текстах чингизидских жалованных грамот мы привыкли видеть в конце, а не в начале статьи объявление тарханства. В данном случае это исключение объяснить нетрудно, ибо такова особенность арабских и персидских текстов грамот. Вспомним, что именно таким образом строился и адресат в арабских и персидских грамотах хулагуидов.

Получается, что статья объявление тарханства в грамоте Гв XXI состоит из двух предложений. В первом предложении заключено решение жалователя о необходимости совершить пожалование. Это решение логически вытекает из текста статьи прецедент тарханства. Во втором предложении содержится собственно объявление тарханства в четкой и категоричной форме, которое формально совмещено с перечислением иммунитетных привилегий. Последние заключают в себе податной иммунитет и бережливо-судебный иммунитет (устранение "от пера" государственных чиновников).

Пожалование в грамоте Хусайна Байкары об освобождении от налогов некоторых земельных угодий (Гв ХУП) также состоит из статьи прецедент тарханства, в которой цветисто восхваляется особа хана, постоянно стремящегося ко всеобщему благоденствию и благоустройству, и статьи объявление тарханства, в первом предложении которой содержится решение монарха благоустроить некий городской район за счет стимулирования личной инициативы его жителей. Второе предложение статьи представлено в следующем виде:

Хукм шуд ки

...

хар-кас барад

ва баг ва мазру'

саъбад

аз маъ ва ихраджат

Грамота издана следующая:

(на такой-то территории)

каждому проживающему

и сад, и пахотное поле

создавшему

от [всяких] налогов и сборов²⁵

ва кулл-и такалїф-и дивāнї
му'āф ва мусаллам
бўда
ба хїч джахат
аз
ихраджāt-и ситта
ва ғайра та'арруз нарасāнанд
ва музāхїм нашаванд

и всяких чрезвычайных поборов
освобожденному и избавленному
быть;
ни в коем случае
[по отношению к нему]
сборы шестой части
и другие притеснения не делать
и беспокойства не чинить.

И здесь мы видим закономерную картину - совмещение в одном предложении статьи объявление тарханства со статьей иммунитетные привилегии, которая четко гарантирует податной иммунитет и в общей форме декларирует бережливый иммунитет.

Пожалование в грамоте Хусайна Байкары, объявляющей свободной от налогов недвижимость некоего сановника (Гв ХУ), состоит из многих предложений, многословие и велеречивость которых не идет ни в какое сравнение с такими в двух предыдущих грамотах. В прецеденте тарханства говорится о том, что часть людей по своему происхождению и деловым качествам является опорой для государства и счастьем для султанов; правящий ныне монарх имеет обыкновение выделять людей, которые проявляют усердие в возведении сооружений для общественной пользы; содержится похвальное слово данному грамотчику; изложена просьба этого грамотчика о пожаловании.

Статья объявление тарханства провозглашает для всеобщего сведения следующее: такая-то недвижимость "становится его безусловным мулком" (мулк-и и мутлақ-и ў шуда).²⁶ После нее следует совершенно обособленная статья иммунитетные привилегии:

Ва аз ...
мал ва ихраджāt
аз
дāрӯғакāн
ва дарбаст
ва закāt
ва пай-и гāvāна
ва зāбїтāна
ва муҳассїсāна
ва муҳассїлāна
102

И с (такой-то недвижимости)
налоги и сборы
из [разряда] :
сбор в пользу даруги,²⁷
и подомовный сбор (?),²⁸
и налог на торговлю,²⁹
и подать со скотоводства,³⁰
и на содержание чиновников,³¹
и на специальные сборы,³²
и в пользу сборщика податей,³³

ва ҳаққ ал-авзāджа
 ва мушрифāна
 ва ғайра зāлиқ
 наталабанд ва наситāнанд
 ва ба хйч джахат
 та 'арруз нарасабанд
 'Уммал
 ва гумāштагāн-и
 умур-и дивāни
 ва нāзимāн-и
 а 'мāl-и султāни
 аслан пирāмун нагарданд
 ва қалам ва қадам
 кшйда дāранд

и доля учетчика,³⁴
 и на содержание садра,³⁵
 и им подобные
 не требовать и не взимать;
 и ни в коем случае
 притеснения не делать.
 Сборщикам налогов,
 и уполномоченным
 по делам дивана,
 и распорядителям
 дел султана
 отнюдь вокруг не ходить,
 и пером, и стопой
 не посягать.

Как видим, статья иммунитетные привилегии состоит здесь из двух предложений, первое из которых декларирует податной иммунитет, а второе – заповедный иммунитет и, как нам представляется, судебный иммунитет (запрет посягательства "пером"). Второе предложение, заключающее в себе наиболее древнюю форму феодальной привилегии – заповедный иммунитет – начинается с перечисления официальных должностных лиц, которые имеют право посягать на владение грамотчика. Эта часть статьи дублирует, или заменяет собой, круг лиц, обычно называемых в адресате статьи, содержащей обращение, которая располагается в начале формуляра жалованной грамоты.

Жалованные грамоты монгольских ильханов Ирана возвращают нас ко временам более отдаленным – рубежу XIII–XIV вв. Список источников предоставляет в наше распоряжение грамоты только арабского письма на персидском языке.

Грамота Махмуда Газана о пожаловании достоинства кадия, написанная между 1298 и 1304 гг. (Гв I), содержит в своем составе раздел, очень напоминающий пожалование в формулярах монгольских актов. Приведем этот раздел полностью:

Ва чūн
 ҳуқм-и Йарлйг-и бузург
 Джинккйз хāн
 чанāн аст ки

И поскольку
 грамота – ярлык великий
 Чингис-хана
 такова есть, что

қузат
ва денишмандāн
ва 'алезийāн
қалāн ва қубджур
надаханд
фармудим ки
бар āн мўджиб
му'āф ва мусаллам
бāшанд
ва мāl ва қубджур
ишан наситāнанд
улāғ ва шўсун
аз ишан нағранд
ва дар хāнзāй ишāн
нузл ва йлчї
фуру найāранд

кадии,
и мусульманское духовенство,
и последователи Али³⁶
калан и кубчир³⁷
не дают,
мы повелели следующее:
по этой причине
освобожденными и избавленными
пусть будут;
и маль и кубчир
с них не взимать;
подвод и кормов³⁸
у них не захватывать;
и в жилищах их
постояльцы³⁹ и послы
останавливаться не могут.

В приведенном сложном предложении легко обнаружить прецедент тарханства, объявление тарханства и отдельные иммунитетные привилегии. В прецеденте тарханства обращает на себя внимание тот факт, что ссылка в нем делается только на грамоту (великий ярлык) Чингис-хана. Подраздел объявление тарханства дается в самой общей форме. Перечисление иммунитетных привилегий начинается с податного иммунитета и заканчивается бережливым иммунитетом от постоя, т.е. в порядке, обратном тому, какой мы наблюдали в формулярах монгольских грамот.

Объяснение того обстоятельства, что обозначение всей суммы налогов в прецеденте тарханства читается как "калан и кубчир", и в иммунитетных привилегиях то же обозначение передается терминами "маль и кубчир", мы находим в другой грамоте Махмуда Газана (Гв У). Там говорится о том, что этот монарх и отменил калан, заменив его малем. Кстати, в той же грамоте встречается термин "вода и земля" (āб ва замйн), знакомый по монгольским и китайским грамотам. В грамоте Махмуда Газана от 1304 г. (Гв VII) в сочетании "подводы и корма" приведено персидско-арабское обозначение кормов ('улўфə),⁴⁰ а вместо "постояльцев и послов" указаны "сборщики налогов и послы" (маҳсулāн ва йлчїйāн).

Грамота ильхана Мухаммада Худабанда Өлджейту от 1313 г. (Гв УШ) содержит освобождение от постоянной повинности:

Хич-кас дар ханэя ишан	Никто в жилищах их
низул нэ кардэ	Постоя пусть не устраивает.

Итак, мы закончили рассмотрение конкретных формуляров группы чингизидских грамот XIII-XV вв., предоставляющих тарханские привилегии храмам и монастырям. Четкие схемы конкретного формуляра монгольских грамот великих ханов юаньской эпохи и конкретного формуляра грамот улусных ханов - наследников престола того же периода, прослеженных на материале актов квадратного и китайского письма, не оставляют сомнения как в самом факте существования такого формуляра, так и в том, что именно монгольский текст и монгольская канцелярская форма легли в его основу.

Разработка конкретного формуляра тарханских грамот храмам и монастырям, которые выдавались в юаньское время окраинными улусными ханами - чингизидами и писались по-монгольски и по-тюркски уйгурицей, по-тюркски и по-персидски арабицей, осложняется крайней скудностью актового материала, а также отсутствием у нас жалованных грамот великих ханов, написанных уйгурицей по-монгольски (или по-тюркски) и выданных еще в доюаньское время, т.е. до 1271 г. Вероятно, и в ту эпоху формуляры грамот великих ханов были положены в основу актовых формуляров улусных ханов. Вескими свидетельствами, подтверждающими это допущение, являются рассмотренные во второй главе начальные статьи формуляров грамот, написанных уйгурицей по-монгольски и по-тюркски.

Что касается вопроса эволюции канцелярской формы статей пожалования в формулярах тарханских грамот храмам и монастырям, то здесь несомненны два момента. Ясно, что самой подвижной статьей в пожаловании является статья иммунитетные привилегии. Слагающие статью предложения-обороты не имеют постоянного состава даже в монгольских грамотах великих ханов юаньского периода. Порядок расположения оборотов, каждый из которых заключает в себе ту или иную иммунитетную привилегию, с годами меняется.

В более ранних грамотах статья начинается с заповедного иммунитета, прежде всего с освобождения от постоянной повинности, и заканчивается оборотами, включающими податной иммунитет. В позднейших чингизидских грамотах улусных ханов статья иммунитетные привилегии начинается с податного иммунитета, а заканчивается освобождением от постоянной повинности. Если в ранних чингизидских актах податной иммунитет зафиксирован в самой общей форме, то в позднейших жалованных грамотах чингизидов наблюдается скрупулезно точная фиксация имевшихся в то время и в том районе налогов и сборов. Иными словами, в иммунитетных актах чингизидов нашла отражение известная историческая тенденция, когда завоеватель, подвергнувший вначале уничтожению массу производительных сил, постепенно "вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому "хозяйственному положению" завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания".⁴¹

Проезжие грамоты

За жалованными грамотами, предоставляющими феодалам право на беспрошлый проезд, в дипломатике утвердился термин "проезжие грамоты". Актов этой группы в нашем распоряжении находится значительно меньше, чем предыдущей. Тем не менее проанализируем их индивидуальные формуляры и попытаемся определить сходство и различия между ними.

Из 8 монгольских и 30 китайских грамот великих ханов нашего списка источников лишь одна грамота может быть отнесена к разряду проезжих. Ее выдал в 1235 г. великий хан Ögödei (В II). Сохранился только китайский текст этой небольшой грамоты. Содержание ее сводится к следующему. Великий хан, обращаясь к трем руководителям даосизма, сообщает о том, что в тогдашней монгольской столице Каракоруме им сооружен даосский храм, управленческий аппарат для которого предлагается подобрать лицам, названным в обращении. Настоящая грамота призвана служить пропуском комплектуемому штату. Условия для проезда этих людей к месту будущей работы выглядели так:

Ян соцзай
цуй чу

Желательно повсеместно,
где [они] будут проходить,

Ade alċin-tür
yurban ulaċ-a
tabun tambin bor
qoyar kōl miq-a
yurban badman
kūnesün
ögċü
yörċiġultuġai

Этим послам,
три подводы,
пять тамбинов(?) вина,
две ноги мяса,
три батмена⁴⁵
продовольствия
давая,
пусть дадут
возможность путешествовать.

Нетрудно заметить, что условия проезда в грамотах Ögödäя Туглук-Темюра в общем-то одни и те же. Как тем, так и другим проезжающим предоставляются казенные почтовые лошади и кормовое довольствие. Разница между ними только в том, что проезжая великого хана называет эти условия в общем виде (это дает грамотчику возможность соизмерять свои запросы только с реальным соотношением собственных сил с силами и возможностями хозяина постоя), а проезжая улусного хана точно фиксирует размеры транспортных средств и продовольствия, на которые только и может рассчитывать грамотчик (что является знамением времени и свидетельством перемен, произошедших в стране, управляемой данным чингизидом).

Обе грамоты предоставляют грамотчикам возможность путешествовать за счет государственной казны и потому могут быть названы жалованными. Однако ни та, ни другая грамота не являются иммунитетными, если рассматривать слово "иммунитет" в его прямом значении – освобождение, избавление от чего-либо. Иммунитетные привилегии защищают феодала от каких бы то ни было изъятий и других посягательств на его собственность. Ничего подобного в рассмотренных выше грамотах нет.

Сравнительно большой актовый материал по проезжим грамотам предоставляют нам документы тимурида Хусайна Байкары, которые датируются 1469–1506 гг. От этого времени сохранилось 6 проезжих грамот, написанных по-персидски арабским алфавитом (Гв XII–XIV, XIX, XXV, XXVI). Самая короткая проезжая грамота Хусайна Байкары от 1474 г. (Гв XXVI) сохранилась в подлиннике, остальные – в составе формулярика. Основной текст названных подорожных уже нельзя назвать пожалованием, как в тарханых

грамотах. Здесь он расчленяется на два раздела, которые можно назвать разрешение на проезд и условия проезда. В разрешении на проезд, как правило, говорится о социальном положении грамотчика, составе его миссии (или каравана), цели и маршруте путешествия. Название условия проезда будет расшифровано ниже.

Поскольку нас интересует только пожалование, обратимся к анализу условий проезда. В грамоте от 1474 г. (Гв ХХУП) эти условия были такими:

Ми́бáйад ки	Надлежит следующее:
тáн'ва музáҳим	препятствий и неудобств [ему]
нашаванд	не причинять;
ва дар марáҳил	и на перего́цах
ва манáзил маху́фа	и участках пути опасных,
му'áванат нэмúда	помощь оказывая,
бисалáмат гуза́рананд	невредимо [его] проводить.

В этом разделе можно выделить две статьи, в которых содержится предписание проводить грамотчика через опасные участки пути и запрещение притеснять его в дороге. Статьи эти в целом охранные, а не иммунитетные. Назовем грамоту проезжей охранной.

Оставшиеся пять проезжих грамот Хусайна Байкары проанализируем прежде всего на примере проезжей Гв ХХУ. Условия проезда в ней описаны следующим образом:

Сэбйл	Предписывается
хукáм ва дáруғагáн	хакимам, и даругам,
ва мустахфáзáн салик ва марáҳил	и охранителям путей и перего́нов,
ва йлчийáн	и послам
áйандэ ва равандэ	приходящим и уходящим,
ва гáйр-и зáлик	и прочим
áнки мақдам-и ў-рá	то, что прибытие его
'азйá ва гарáмй дáнастэ	дорогим и ценным считая,
кавá'ад-и	по обычаю
та'азйм ва таҳаммйл ў	уважение и предупредительность ему
биджáй áвардэ	уместные оказывая,
аз манáзил	через участки пути

ва субул
ки махуф башанд
бисаламат гузаранидэ
музаҳим ва мута'арриз

нашаванд
чаҳар-пайан у
ва мардум у-рā
улāг нагиранд

закатчийāн
ла-аллат закат

та'арруз нарасāнанд
мурāқабат аҳвāl у-рā
вāджиб шумуранд
дар уждэ шинāсанд

и дороги,
которые опасными являются,
невредимо [его] проводя,
неудобств и препятствий
[ему]

не причинять;
животных его
и людей его
[в качестве] улага не за-
хватывать;

сборщикам тамги
по поводу торгового нало-
га⁴⁶
притеснений не производить;
попечение о делах его
обязательным считать,
непременным признавать.

Раздел начинается обращением к лицам, способным так или иначе помешать путешествию, т.е. здесь воспроизводится статья, содержащая обращение, которой нет в начале грамоты. Затем следуют две охранные статьи, совпадающие по содержанию с теми, которые отмечены нами в грамоте Гв ХХVII. Далее мы видим статью, в которой зафиксирован заповедный иммунитет (запрещение использовать животных и людей грамотчика в качестве улага). В следующей за нею статье отмечаем податной иммунитет (запрет на взимание с грамотчика торгового налога). Заканчивается раздел третьей охранной статьей, предписывающей постоянно заботиться о делах грамотчика. Таким образом, грамоту в целом можно назвать проезжей охранно-иммунитетной.

Четыре другие проезжие грамоты Хусайна Байкары (Гв XII-XIV, XIX) также относятся к группе охранно-иммунитетных. Они отличаются от только что рассмотренной следующими деталями. Грамота Гв XII, содержащая крайне вычурное и туманное обращение в своем начале, в разделе условия проезда повторяет обращение, но уже совершенно конкретное. Перечень лиц, указанных здесь, начинается с особ более высокого ранга, чем в грамоте Гв ХХУ, с ханских сыновей и эмиров. Так же начинается анализируемый раздел и в грамоте Гв XIV, хотя она вообще не имеет

статьи-обращения в своем начале. В грамоте Гв XIX начальная статья-обращение перечисляет, кроме прочих, ханских сыновей и эмиров, а в разделе условия проезда говорится только о хакимах, даругах и т.д.

Охранные статьи содержатся во всех четырех грамотах. Только в проездных грамотах Гв XII-XIII отсутствует заключительная, третья охранная статья, обозначенная в грамоте Гв XXV. Зато в грамотах Гв XII-XIII первая охранная статья содержит дополнительное условие, по которому при следовании через опасные участки пути грамотчику предоставляется сопровождение - эскорт (бадракэ). Грамота Гв XIX содержит только перечисленные три охранные статьи. Следовательно, ее можно назвать лишь проездной охранной.

В остальных трех грамотах (Гв XII-XIV) в разделе условия проезда зафиксирован заповедный иммунитет, а податной иммунитет содержится лишь в двух проездных. Он отсутствует в грамоте Гв XIII, что не мешает ей оставаться охранно-иммунитетной.

В результате рассмотрения формуляров всех находящихся в нашем распоряжении проездных грамот чингизидов оказывается, что их основной текст можно расчленить на разделы - разрешение на проезд и условия проезда. Содержание последнего позволяет квалифицировать грамоты как проездные, проездные охранные и проездные охранно-иммунитетные.

Анализ содержания всех проездных грамот вскрывает закономерность: величина и разработанность условий проезда в основном тексте грамоты находятся в прямой связи с высотой общественного положения грамотчика. Судить об эволюции формы проездных грамот, а также о соотношении групп просто проездной и проездной охранно-иммунитетной пока что не позволяет скудность источников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закончен формулярный анализ большой группы разноязычных чингизидских актов XIII—XV вв. В процессе сопоставительного исследования подверглись специальной обработке, оценке и переоценке документы уйгурского, квадратного, китайского и арабского письма на монгольском, тюркском, китайском, арабском и персидском языках. Выявлены явная недостаточность сохранившегося актового материала канцелярий великих и улусных ханов доюаньского периода, отсутствие жалованных грамот великих ханов послеюаньского времени; обозначилась нехватка жалованных грамот чингизидов любого ранга на тюркском языке.

При анализе вступительной и заключительной частей общей схемы построения жалованных грамот, т.е. их абстрактного формуляра, выяснилось, что, во-первых, не все положения, применимые к дипломатическому анализу русского актового материала, действительны для чингизидских жалованных грамот (например, статья реального текста чингизидской грамоты не всегда образует грамматически самостоятельное простое или сложное предложение); во-вторых, в основе всех модификаций, переводов и даже иноязычных замен начальных и конечных статей абстрактного формуляра чингизидских грамот лежит их монгольская форма; в-третьих, начальные и конечные статьи абстрактного формуляра чингизидских грамот одинаковы для всех четырех типов формуляров — индивидуального, конкретного, абстрактного и условного.

Рассмотрение конкретных формуляров двух групп чингизидских жалованных грамот — тарханских грамот храмам и монастырям и проезжих грамот — убеждает исследователя в том, что для чингизидских грамот характерны смешанные акты, в которых одновременно закреплены различного рода феодальные привилегии.

В целом анализ разноязычных актов чингизидов, приводящий к выводу о том, что в их основе лежат монгольские образцы жалованных грамот, подтверждает известный тезис: "язык — это средство, в котором проявляется внутренняя структура источника, но сам язык внутренней формой письменных памятников не является".¹ Одновременно это обстоятельство убеждает в правильности названия книги — "Монгольская дипломатика XIII-XV вв. (чингизидские жалованные грамоты)".

Положение о том, что исторический источник в своем развитии обладает относительной самостоятельностью (он отображает и устойчиво воплощает в себе действительность и в конечном итоге определяется ею, но он же имеет и свою внутреннюю логику, развивается по своим собственным законам, обладает относительной самостоятельностью развития),² подтверждается и на примере формулярного анализа чингизидских актов. Зависимость возникновения и развития канцелярской формы отдельных статей формуляра акта от более ранних, иногда не дошедших до нас, источников в ряде случаев дала нам возможность выявить среди многих формуляров актов одного исторического периода подтип более раннего, к рассматриваемому времени уже исчезнувшего формуляра.

Несмотря на некоторые несущественные отступления от нормы, применимых к дипломатическому анализу русского актового материала, кардинальные положения советской дипломатики остаются в силе и для монгольской дипломатики. Методологические проблемы дипломатики (предмет и задачи дипломатики, принципы классификации актов)³ и методика дипломатического исследования (типы формуляров, принципы изучения происхождения и содержания актов)⁴ являются общими.

Практика изучения внутренней формы чингизидских грамот была осложнена тем, что очень часто мы располагали лишь единичными экземплярами документов, даже фрагментами их. Еще более осложняла формулярный анализ разноязычность источников, причем далеко не всегда формуляр акта, созданного на одном языке, имел себе параллели в иноязычных актах. Вместе с тем в предлагаемой работе систематизированы доступные автору источники для формулярного анализа и проведен посильный анализ разных типов формуляров.

В перспективе возможно и необходимо прежде всего пополнение числа источников для формулярного анализа за счет чингизидских документов, которые эпизодически выявляются и публикуются. Особенно велики ресурсы в этом плане у документов арабского письма на персидском языке.⁵ Кроме того, автором намеренно не привлекались к дипломатическому анализу документы уйгурского и арабского письма на тюркском языке, относящиеся к золотоордынской канцелярии, ибо акты золотоордынских чингизидов XII-XV вв., сохранившиеся до наших дней либо в старинном русском переводе, либо в копиях различной степени точности, нуждаются в научно обоснованной реконструкции. Она может быть проведена на основании данных формулярного анализа современных исследуемых чингизидских актов других регионов, т.е. на основании материалов этой книги.

Примечания

Введение

¹ См., например: П у ш к а р е в Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; К а ш т а н о в С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

² Под этим условным термином понимается историческая дисциплина, изучающая внутреннюю форму документов, созданных в канцеляриях стран Азии и Африки.

³ F e k e t e L. Einführung in die osmanisch-türkische Diplomatiek der türkischen Botmässigkeit in Ungarn. Budapest, 1926 (то же на венгерском языке: Bevezetes a török hadoltsäg diplomatikájába. Budapest, 1926).

⁴ Z a j a c z k o w s k i A., R e i c h a m a n J. Zarys dyplomatyki osmańskotureckiej. Warszawa, 1955.

⁵ G u b o g l u M. Paleografia și diplomatica turco-osmana. București, 1958.

⁶ Н е д к о в Б. Османотурска дипломатика и палеография. Ч. I. София, 1966; ч. II. Документы и речник. София, 1972.

⁷ W a k i n J.A. The function of documents in islamic law. N.Y., 1972. - Сведениями об этой книге автор обязан любезности О.Д.Чехович, за что он глубоко признателен ей.

⁸ См., например: Т а т а р с к и е и турецкие акты, найденные в Крыму. - В кн.: Журн. М-ва нар. просвещения. Ч. XXI, отд. УП. Спб., 1839, с. 39-44; Г р и г о р ь е в В.В. 1) О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842; 2) Ярлыки Тохтамыш и Сеадет-Герая. - В кн.: Зап. Одесск. о-ва истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844, с. 337-346, табл. X-XI; Б е р е з и н И.Н. 1) Ярлык Тохтамыш хана к

Ягайлу. - В кн.: Ханские ярлыки, I. Казань, 1850; 2) Тархан-ные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. - В кн.:

Ханские ярлыки, II. Казань, 1851; 3) Тарханские ярлыки крымских ханов. - В кн.: Зап. Одесск. о-ва истории и древностей. Т.УШ. Прибавление к сборнику материалов, Одесса, 1872, с.1-23; В е л ь я м и н о в - З е р н о в В.В. Материалы для истории Крымского ханства. Спб., 1864; Р а д л о в В.В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. - В кн.: Зап. Восточн. отд-ния имп.Рус. археолог.о-ва. Т.3. Спб., 1889, с.1-40, табл.1; С м и р - н о в В.Д. 1) Крымско-ханские грамоты. Симферополь, 1913; 2) Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1917. Подробнее об этом см.: У с м а н о в М.А. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV-XVI вв. и их изучение. - В кн.: Археограф. ежегодник за 1974 год. М., 1975, с.117-135.

⁹ См., например: С а м о й л о в и ч А.Н. 1) Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга (Посвящается памяти В.В.Григорьева). - Изв. Российской академии наук. Пр., 1918, Сер. VI, № II, с.1109-1124; 2) Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана. - Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии (бывш. Таврической ученой архивной комиссии). Т.1 (58). Симферополь, 1927, с.141-144.

¹⁰ S h a v a n n e s Ed. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole. - "T'oung pao", Sér. II. (Leide), 1904, vol.5, p.357-447; 1905, vol.6, p.1-42; 1908, vol.9, p.297-428.

¹¹ L i g e t i L. 1) Monuments preclassiques. 1. XIII-e et XIV-e siècles. Budapest, 1972 (Monumenta linguae mongolicae collecta, II); 2) Monuments en écriture 'phags-pa. Budapest, 1972 (Monumenta linguae mongolicae collecta, III).

¹² См., например: Б о б р о в н и к о в А.А. Памятники монгольского квадратного письма. С дополнениями В.В.Григорьева. Спб., 1870.

¹³ См., например: Л у б с а н Д а н з а н. Алтан тобчи ("Золотое сказание"). Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П.Шастиной. М., 1973 (Памятники письмен-

ности Востока, X); М у н к у е в Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чучая. Перевод и исследование. М., 1965; М э н - д а бэй-лу ("Полное описание монголо-татар"). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц.Мункуева. М., 1975 (Памятники письменности Востока, XXVI).

¹⁴ Графическое воплощение устойчивых языковых штампов в формулярах чингизидских актов XIII-XV вв. было одинаковым для любого из тюркских языков той эпохи. Поэтому здесь и ниже употребляется условный термин "тюркский" по отношению ко всем языкам и диалектам тюркской языковой семьи.

¹⁵ Публикации золотоордынских грамот, кроме перечисленных в прим.6, см. еще в кн.: Р у с с к о - л и в о н с к и е акты, собранные К.Е.Напьерским. Спб., 1868, с.453; П а м я т н и к и русского права. Вып. III. Под ред. Л.В.Черепнина. М., 1955, с.465-470; "Казан утлары", 1965, № 8, с.147-148; К у р а т А.Н. Топкари sarayı müzesi arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940, в.173-185.

¹⁶ Г р и г о р ь е в А.П. Конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XIII-XV вв. (I). - В кн.: Тюрколог. сб. 1974. М., 1977, с.198-218; (II). - В кн.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып.4. Л., 1975, с.36-49; (III). - В кн.: Востоковедение, 2. Филолог.исслед. Л., 1976, с.156-166; (IV). - В кн.: Востоковедение, 4. Истор.исслед. Л., 1977, с.56-72. См. также: Г р и г о р ь е в А.П. 1) "Вышняя троица" в ярлыке золотоордынского хана Мөнгке-Темюра. - В кн.: Востоковедение, 1. Л., 1974, с.188-200; 2) Налоговый термин "кубчир". - В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1976, с.235-240; 3) Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII-XV вв. - В кн.: Востоковедение, 3. Филолог.исслед. Л., 1977, с.132-156.

Глава I. Источники для формулярного анализа

¹ К а ш т а й о в С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970, с.26.

² Там же, с.26-28.

³ Там же, с.9.

⁴ См. схему линейной системы классификации письменных исторических источников в кн.: П у ш к а р е в Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с.267.

⁵ При написании личных имен чингизидов мы будем руководствоваться: а) для имен великих ханов - кн.: М э н - д а бэй лу ("Полное описание монголо-татар"). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц.Мункуева. М., 1975; Л у б с а н Д а н з а н. Алтан тобчи ("Золотое сказание"). Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П.Шастиной. М., 1973; б) для имен улусных ханов - кн.: Б о с в о р т К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с англ. и примеч. П.А.Грязневича. М., 1971.

⁶ Аа I-VI, 1-5 опубликованы: L i g e t i L. *Monuments preclassiques. 1. XIII-e et XIV-e siècles. Budapest, 1972 (Monumenta linguae mongolicae collecta, II).*

⁷ Грамоты улусных ханов чагатаидов Кебека и Туглук-Темюра первоначально были приняты исследователями за акты великих ханов Элбэга (от 1398 г.) и Ылдзэй Тэмүра (от 1408 г.). См.: R a m s t e d t G.J. *Mongolische Briefe aus Idiqt-Schähri bei Turfan. - Sitzungsberichte Königlich Preussischen Academie der Wissenschaften. Berlin, 1909, S.838-848.*

⁸ А6 I опубликован: D e n у J. *Un soyougal du timuride Šährüq en écriture ouigure. - "J. asiatique" (Paris), 1957, t.245, fasc.3, p.253-266.*

⁸ А6 II опубликован: М е л и о р а н с к и й П.М. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха. - В кн.: Зап.Восточн. отд-ния имп. Рус. археолог. о-ва. Т.16. Спб., 1904, с.01-012.

¹⁰ А6 1 опубликован: К у р а т А.Н. *Topkapı sarayı müzesi arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940, s.119-134, 195-200.*

¹¹ Б I-X опубликованы: L i g e t i L. *Monuments en écriture 'phags-pa. Budapest, 1972 (Monumenta linguae mongolicae collecta, III).*

12 В I, XXI, XXII опубликованы: *Chavannes* Ed. *Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole*. - "T'oung pao". Sér. II (Leide), 1904, vol.5, p.357-447.

13 В II, III, V-УШ, XI-ХУП, ХХ, ХХП, ХХШ, ХХУ-ХХУП, ХХІХ-ХХХІ опубликованы: *Chavannes* Ed. *Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole*. - "T'oung pao", Sér. II (Leide), 1908, vol.9, p.297-428.

14 В IV, X опубликованы: *Бянь вэй лу*. - *Дай ниппон дайзюкё*, тао ХХХУП, бэнь II. Токио, 1885, с.65а-66а.

15 В IX, XXI, XXXII опубликованы: *Haenisch* E. *Steuergerichtsamt der chinesischen Klöster unter der Mongolenherrschaft. Eine kulturgeschichtliche Untersuchung mit Beigabe dreier noch unveröffentlichter Phagspa-Inschriften*. - In: *Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse*. 1940, Bd 92, H.2.

16 Здесь и ниже звездочка* над указанием страницы текста означает, что он напечатан на вклейке, помещенной между этой и последующей страницами.

17 В XXIV опубликован: *Гу Янь-у*. *Цю гу лу*. - *Хуай лу цуншу*, тао III, бэнь IO. [Б.м.], 1887, с.126-136.

18 В XXVIII опубликован: *Бянь вэй лу*. - *Дай ниппон дайзюкё*, тао ХХХІV, бэнь IO. Токио, 1885, с.156.

19 Га I опубликован: *Мокри* M. *Un farmân de Sultan Husayn Bâuqarâ recommandant la protection d'une ambassade ottomane en Khorâsân en 879/1474*. - In: *Turcica. Revue d'études turques*. T.V. Paris - Strasbourg, 1975, p.68-79.

20 Га 1 опубликован: *Pelliot* P. *Les Mongols et la papauté* [Extrait de la "Revue de l'Orient chrétien", 3-e Série, t.3 (23), N 1-2 (1922-1923), p.3-30]. Paris, 1923.

21 Гб I-3 опубликованы: *ал-Калкашанди* Абӯ-л-'Аббас Ахмад. *Субх ал-а'ша фи китабат ал-инша*, т.УШ. Каир, 1915, с.63-64, 65-68, 69-71.

22 Письмо Ахмада Такудара (Гб 2) опубликовано у *ал-Калкашанди* без выходных данных. В хронике *ал-Мақрӣзӣ* выходные данные

у этого письма приводятся. - См.: *H i s t o i r e des sultans mamlouks, de l'Égypte, écrite en arabe par Taki-uddin-Ahmed-Makrizi, traduite en français, et accompagnée de notes par E. Quatremère. T.2, pt 1. Paris, 1842, p.160-162, 187-191.*

²³ Гв I-УП опубликованы: Р а ш и д - а д - д и н Фазлуллах. Джамии-аттаварих (Сборник летописей). Т.3. Составитель научно-критического текста на перс. яз. А.А.Али-заде. Перевод с перс. А.К.Арендса. Баку, 1957. - Грамоты были выданы после 1297 г., ибо в первые три года правления (1295-1297) Махмуд Газан был занят "устройением случившейся разрухи и беспорядков". - Там же, с.289 (перевод), 506 (текст). Грамоты тех лет позднее были им же признаны недействительными и образцы их, естественно, не вошли в "Сборник" Рашид-ад-дина.

²⁴ Гв УШ опубликован: S i o u f f i. Notice sur cachet du sultan mogol Oldjaïtou Khodabendeh. - "J. asiatique". 9-e Sér. T.8 (Paris), 1896, p.331-345.

²⁵ Гв IX-XXVI, XXVШ-XXIX опубликованы: R o e m e r H.R. Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des 'Abdallah Marwārid in kritischer Auswertung. Paerischer Text in Faksimile. Wiesbaden, 1952.

²⁶ Гв XXVП опубликован: M o k r i M. Un farman de Sultān Husayn Bāyqara recommandant la protection d'une ambassade ottomane en Khorāsān en 879/1474. - In: Turcica. Revue d'etudes turques. T.5. Paris - Strasbourg, 1975, p.68-79.

²⁷ Гв 1 опубликован: P e l l i o t P. Les Mongols et la papauté. [Extrait de la "Revue de l'Orient chrétien", 3-e Sér. T.3(23), N 1-2 (1922-1923), p.3-30] (Paris), 1923.

²⁸ Гв 2 опубликован: F e r i d u n Bey. Mesma-i münşaat al-selâtin, с.1. İstanbul, 1274(1358).

²⁹ C l e a v e s Fr.W. The mongolian documents in the musée de Téhéran. - "Harvard J. Asiatic studies", 1953, vol.16, N 1-2, p.1-107.

³⁰ См.: П у ч к о в с к и й Л.С. Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1289 г.) и Ульдзэйту (1305 г.). - "Советское востоковедение", 1949, т.6, с.403.

- 1 К а ш т а н о в С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970, с.28.
- 2 Там же, с.32.
- 3 Там же, с.29-30.
- 4 Там же, с.31-32.
- 5 П л а н о К а р п и н и Дж.дель. История монгалов [Пер. с латинского А.И.Малеина]. - В кн.: Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука. М., 1957, с.28.
- 6 См.: С а м а р к а н д с к и е документы XV-XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О.Д.Чехович. М., 1974 (Памятники письменности Востока, XXXI), с.311.
- 7 К а ш т а н о в С.М. Очерки русской дипломатики, с.10.
- 8 См.: П л а н о К а р п и н и Дж.дель. История монгалов, с.79.
- 9 См.: F e l l i o t P. Les Mongols et la papauté. [Extrait de la "Revue de l'Orient chrétien". 3-e Sér. T.3(23), N 1-2 (1922-1923), p.3-30] (Paris), 1923, p.22, pl.II.

10 Здесь и ниже для графической передачи тюркских текстов уйгурского и арабского письма мы используем принцип, разработанный авторами "Древнетюркского словаря" (Л., 1969). Транскрипцию монгольских текстов уйгурского письма мы заимствуем из кн.: L i g e t i L. Monuments preclassiques. 1. XIII-e et XIV-e siècles. Budapest, 1972 (Monumenta linguae mongolicae collecta, II).

11 М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951, с.118 (78).

12 Там же, с.29 (12).

13 Д р е в н е т ю р к с к и й словарь. Л., 1969, с.544.

14 См., например: К и р а т А.Н. Topkapı sarayı müzesi arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yazlık ve bitikler. İstanbul, 1940, с.173-184.

15 О слове "улус" см.: С е в о р т я н Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские ос-

новы на гласные). М., 1974, с.592-593; Ш и п о в а Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с.346.

¹⁶ Д р е в н е т ю р к с к и й словарь, с.328.

¹⁷ P e l l i o t P. Op. cit., p.22.

¹⁸ L i g e t i L. Monuments preclassiques, p.17.

¹⁹ Ibid., p.36, 51, 63.

²⁰ Д р е в н е т ю р к с к и й словарь, с.242; Ш и п о в а Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке, с.438-439.

²¹ См.: К а ш т а н о в С.М. Богословская преамбула жалованных грамот. - В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т.5. Л., 1973, с.81-107.

²² О монгольской династии Юань в Китае см.: М е л и х о в Г.В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае. - В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, с.62-84; С в и с т у н о в а Н.П. Гибель государства Южных Сунов. - Там же, с.271-293; Б о р о в к о в а Л.А. О борьбе китайского народа против монгольских завоевателей в середине XIV в. - Там же, с.419-434; И с т о р и я Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е. М., 1967, с.127-134.

²³ Транскрипция монгольских текстов квадратного письма здесь и ниже заимствована из кн.: L i g e t i L. Monuments en écriture 'phags-pa. Budapest, 1972 (Monumenta linguae mongolicae collecta, III).

²⁴ См.: C l e a v e s Fr.W. The mongolian documents in the musée de Téhéran. - "Harvard J. of Asiatic Studies", 1953, vol.16, N 1-2, p.7.

²⁵ См., например: Ш а с т и н а Н.П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов. - В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе, с.435-454; S a g a s t e r K. Die Bittrede des Kilügen Bayatur und der Činggis-Khan-Kult. - In: Mongolian studies. Budapest, 1970, p.495-505. Литературу о культуре Чингис-хана среди современных монголов см. в кн.: М э н - д а бэй-лу ("Полное описание монголо-татар"). Факсимиле ксилографа. Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц.Мункуева. М., 1975 (Памятники письменности Востока, XXVI), с.111, прим.66.

²⁶ О слове "хаган" см.: М э н - д а бэй-лу, с.III-II4, прим.66; Б а с к а к о в Н.А. Тюркизмы - социальная термино-

логия в "Слове о полку Игореве". - *Turcologica*. К 70-летию академика А.Н.Кононова. Л., 1976, с.225-226; Ш и п о в а Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке, с.148, 358.

²⁷ См.: К а р а Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972, с.27-32.

²⁸ См. прим.19 к этой главе.

²⁹ Си ю цзи, или описание путешествия на Запад. Пер. с китайского с примечаниями архимандрита Палладия. - В кн.: Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т.IV. Спб., 1866, с.375-376.

³⁰ О титуле "чингис-хан" см. в кн.: М э н - д а бэй-лу, с.109-114, прим.66.

³¹ С h a v a n n e s Ed. *Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole. - "T'oung pao". Sér. II. (Leide)*, 1908, vol.9, p.386, n.2.

³² *Ibid.*, p.381, n.3.

³³ Цит. по кн.: М э н - д а бэй-лу, с.183, прим.387.

³⁴ О термине "тай цзы" см. там же, с.142-143, прим.161.

³⁵ О границах области Аньси см. в кн.: П о п п е Н.Н. Квадратная письменность. М.-Л., 1941, с.101-102, прим.2.

³⁶ См.: С а м а р к а н д с к и е документы XV-XVI вв., с.311.

³⁷ ал-Мақрӣзӣ Тақӣ ад-Дин. Китаб ас-сулӯк ли ма'рифат дувал ал-мулӯк. Т.1, ч.1. Каир, 1936, с.240-241.

³⁸ Т и з е н г а у з е н В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. Спб., 1884, с.403 (текст), 415 (перевод).

³⁹ См.: Б а з и л е в и ч К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., Изд-во Моск.ун-та, 1952, с.164-165.

⁴⁰ Грамота Хубилая датируется "годом дракона". Если руководствоваться теми обстоятельствами, что квадратное письмо было введено в 1269 г., а Хубилай правил в 1260-1294 гг., то согласно 12-летнему животному циклу грамота его могла быть написана как в 1280, так и в 1292 г.

⁴¹ О нойонах см.: В л а д и м и р ц о в Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с.163-176.

42 О термине "даруга" см. в кн.: М э н - д а бэй-лу, с.35, 36, 107, 161, 162. - В утверждении Н.Ц.Мункуева о том, что слово "даруга" происходит от монгольского глагола **daru** (давить), т.е. "подавлять всякое неповиновение", только первая его часть не вызывает возражений. Тюркским эквивалентом термина "даруга" является слово "баскак", которое также образовано от глагола **bas-** (давить). Но этот же глагол имеет значение "ставить (печать)" (Д р е в н е т ю р к с к и й словарь, с.85). Следовательно, и слово "баскак", и слово "даруга" можно понимать как "ставящий, оттискивающий (ханскую печать)", т.е. "печатник". Не случайно, видимо, в китайском языке даруге соответствовал термин "чжан-инь гуань" - букв.: "чиновник, ведающий печатью" (М э н - д а бэй-лу, с.36, прим.65).

43 См.: М у н к у е в Н.Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII-XIV вв. - В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе, с.410, прим.77.

44 Там же, с.413, прим.128.

45 Там же, с.410, прим.78.

46 Там же, с.409, прим.60.

47 Там же, с.417, прим.193.

48 Там же, с.406, прим.16.

49 Там же, с.417, прим.194.

50 См.: В л а д и м и р ц о в Б.Я. Указ.соч., с.136-137.

51 П о п п е Н.Н. Квадратная письменность. М.-Л., 1941, с.124, прим.88.

52 О термине "лу" (провинция) см. в кн.: М у н к у - е в Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Пер. и исслед. М., 1965, с.105-106, прим.93.

53 О термине "ань-фу-сы" см. там же, с.29, прим.82.

54 Там же, с.31, прим.95.

55 См.: М у н к у е в Н.Ц. Новые материалы..., с.415, прим.163.

56 О термине "шэн" (провинция) см. в кн.: М у н к у - е в Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах, с.105-106, прим.93.

57 См.: К у т л у к о в М. Монгольское господство в Восточном Туркестане. - В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе, с.85-99.

58 О термине "түшимэл" см. в кн.: Л у б с а н Д а н з а н. Алтан тобчи ("Золотое сказание"). Пер. с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П.Шастиной. М., 1973, с.361, прим.12; Н а ц а г д о р ж Ш. О монгольских чиновниках-түшимелах (XIX-XX вв.). - В кн.: *Studia Mongolica. Ulan-Bator, 1976 (Permanent Committee International Congress of Mongolists, t.III(11), 1975)*, с.75-91.

59 О термине "тоин" см. там же, с.389.

60 Амальдар - финансовый чиновник (П е т р у ш е в с к и й И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.-Л., 1960, с.55,307). Обязанности түшимэлов нам точно не известны. Не исключено, что оба элемента адресата следовало бы переводить: "түшимэлы-амальдары", видя в них парный монголо-персидский термин, обозначавший местных финансовых чиновников, имевших отношение к сбору налогов.

61 См.: R o e s e r H.R. *Staatschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des 'Abdallah Marwārīd in kritischer Auswertung.* Wiesbaden, 1952, S.169-172.

62 Ibid., S.143-158.

63 Ibid., S.169-172.

64 Относительно главной и старших матерей хана см. в кн.: Р а ш и д - а д - д и н. Сборник летописей, т.1, кн.2. Пер. с персидского О.И.Смирновой. М.-Л., 1952, с.91.

65 См.: П е т р у ш е в с к и й И.П. Указ.соч., с.256-269.

66 О сельских старостах см. там же, с.305-308.

67 См.: Р а ш и д - а д - д и н Фазлуллах. Джамъ-ат-таварих (Сборник летописей). Т.3. Составитель научно-критического текста на персидском языке А.А.Али-заде. Пер. с персидского А.К.Арендса. Баку, 1957, с. 272-276.

68 Там же, с.324-326.

69 Там же, с.232-235.

70 Там же, с.311-313.

71 Там же, с.314-317.

⁷² Там же, с.284-287.

⁷³ О животном цикле см.: Т у б я н с к и й М.И. Монгольский календарь. - "Современная Монголия", 1933, № 3, с.39-45; Ч е р е п н и н Л.В. Русская хронология. М., 1944, с.82-89; Ц ы б у л ь с к и й В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964, с.207-209; К а м е н ц е в а Е.И. Хронология. М., 1967, с.72-74.

⁷⁴ О нахождении дня месяца по тюрко-монгольскому календарю см.: Ч е р е п н и н Л.В. Русская хронология, с.84-87.

⁷⁵ Список девизов правления для всех китайских династий см. в кн.: К и т а й с к о - р у с с к и й словарь. Ред. И.М.Ошанин. М., 1952, с.885-888.

⁷⁶ Таблицу циклических знаков китайского календаря см. там же, с.884.

⁷⁷ О хиджре и переводе дат с хиджры на европейское летоисчисление см. в кн.: Ц ы б у л ь с к и й В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока, с.11-123.

⁷⁸ См.: Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т. М.-Л., 1950-1965, т.9, стб.35-36.

⁷⁹ См.: М э н - д а бэй-лу, с.178-183, прим.377-385; П э р л э Х. Пайза - один из источников изучения истории монголов. - В кн.: Туухийн судлал. Улаанбаатар, 1976 (*Studia Historica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici*, t.XII), с.90-99.

Глава III. Конкретные формуляры

¹ К а ш т а н о в С.М. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот. - "Исторический архив", 1956, № 3, с.211-217.

² К а ш т а н о в С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970, с.24.

³ См.: Ш а п ш а л С.М. К вопросу о тарханных ярлыках. - В кн.: Академику В.А.Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953, с.302-316; Н а ц а г д о р ж Ш. Некоторые вопросы феодализации монгольского общества XIII века. - В кн.: *Studia Mongolica*. Ulan-Bator, 1976 (*Permanent Committee International Congress of Mongolists*, t.III(11). 1975), с.59-60.

⁴ М э н - д а бэй-лу ("Полное описание монголо-татар"). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц.Мункуева. М., 1975 (Памятники письменности Востока, XXVI), с.106, 107, II4-II7, прим.45, 50, 67.

⁵ Там же, с.II2, прим.66.

⁶ М у н к у е в Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Перевод и исследование. М., 1965, с.92, прим.5.

⁷ Л у б с а н Д а н з а н. Алтан тобчи ("Золотое сказание"). Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П.Шастинной. М., 1973 (Памятники письменности Востока, X), с.376, прим.34.

⁸ Там же, прим.36.

⁹ Там же, прим.37.

¹⁰ Там же, прим.38.

¹¹ Там же, прим.40.

¹² Там же, прим.41.

¹³ Там же, с. 251.

¹⁴ См., например: Б о с в о р т К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Пер. с англ. и примеч. П.А.Грязневича. М., 1971, с.194; L i g e t i L. Monuments en écriture 'phags-pa. Budapest, 1972 (Monumenta linguae mongolicae collecta, III), p.124-125.

¹⁵ Подробнее см.: Г р и г о р ь е в А.П. Налоговый термин "кубчир". - В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1976, с.235-240.

¹⁶ См.: М у н к у е в Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах, с.37-39, 48-49, 53-55; Д у м а н Л.И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII-XIV вв. - В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе, с.329-331.

¹⁷ О терминах "амбарное" и "тамга" см.: П о п п е Н.Н. Квадратная письменность. М.-Л., 1941, с.108-110, прим.10; П е т р у ш е в с к и й И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV вв. М.-Л., 1960, с.386-387; 393-394; Ш и п о в а Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с.33, 305-307.

- 18 Шакъямуни (или Сакъямуни) - "Мудрец из рода Сакъя" - одно из наименований Гаутама Будды - основателя буддизма (Л у б с а н Д а н з а н. Алтан тобчи, с.302, прим.19).
- 19 О терминах "маль" и "ясак" см.: П е т р у ш е в с к и й И.П. Указ.соч., с.373-374; Д р е в н е т ю р к с к и й словарь, с.34; Ш и п о в а Е.Н. Указ.соч., с.441.
- 20 О налоге тарх см.: П е т р у ш е в с к и й И.П. Указ. соч., с.393-394.
- 21 О вакфных имуществах см. там же, с.247-251.
- 22 О термине "мāд ва джихāt" см. там же, с.374-377.
- 23 О термине "‘авāризāt" см. там же, с.382-383.
- 24 О термине "такāлиф-и дивāни" см. там же, с.379-380.
- 25 О термине "ихрāджāt" см. там же, с.389-390.
- 26 О мульковой собственности см. там же, с.251-256.
- 27 О термине "дārūḡakān" см. там же, с.392; R o e m e r H.R. Staatschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des ‘Abdallah Marwārid in kritischer Auswertung. Wiesbaden, 1952, S.166.
- 28 О термине "дарбаст" комментатор не может сказать ничего определенного (R o e m e r H.R. Op. cit., S.167). Может быть, речь идет о подомовном сборе (перс. хāнэ шумārэ. - См.: П е т р у ш е в с к и й И.П. Указ.соч., с.387).
- 29 Возможно, закāt здесь приравняется к тамге. См.: П е т р у ш е в с к и й И.П. Указ.соч., с.360; R o e m e r H.R. Op. cit., S.167.
- 30 О термине "пай-и гāвāна" (перс. маваши) см.: П е т р у ш е в с к и й И.П. Указ.соч., с.380; R o e m e r H.R. Op. cit., S.167.
- 31 О термине "зāбитāна" см.: R o e m e r H.R. Op.cit., S.166.
- 32 О термине "мухāссиḡāна" см.: П е т р у ш е в с к и й И.П. Указ.соч., с.390; R o e m e r H.R. Op.cit., S.166-167.
- 33 О термине "мухāссилāна" см.: П е т р у ш е в с к и й И.П. Указ.соч., с.391; R o e m e r H.R. Op.cit., S.167.
- 34 Видимо, искаженный термин "хаққ ал-аварāджа" (см.: R o e m e r H.R. Op. cit., S.167).
- 35 О термине "мушрифāна" см.: П е т р у ш е в с к и й И.П. Указ.соч., с.391; R o e m e r H.R. Op. cit., S.167.

36 О последователях Али - шиитах см.: П е т р у ш е в - с к и й И.П. Ислам в Иране в УП-ХУ веках. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1966, с.38-48.

37 О терминах "қалāн" и "қўбджўр" см.: П е т р у ш е в - с к и й И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков, с.360-369, 384.

38 О терминах "ўлāт" и "шўсўн" см. там же, с.393, 398-399.

39 О термине "нузл" см. там же, с.396-398.

40 О термине "улуфэ" см. там же, с.384-386.

41 Э н г е л ь с Ф. Анти-Дюринг. - Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.20, с.188.

42 П л а н о К а р п и н и Дж. дель. История монгалов; Р у - б р у к Гильом де. Путешествие в восточные страны. - В кн.: Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957, с.46, 82, 125, 134, 146; П о л о Марко. Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И.П.Минаева. Редакция и вступительная статья И.П.Магидовича. М., 1956, с.47-48, 103, 121-122.

43 П л а н о К а р п и н и Дж. дель. История монгалов, с.46.

44 П о л о Марко. Книга Марко Поло, с.122.

45 О батмане (манне) см.: Х и н ц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Д а в и д о в и ч Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, с.25-32, 79, 85-94.

46 О приравнении закāта к тамге см. прим.29 к данной главе.

Заключение

1 П у ш к а р е в Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с.110.

2 Там же, с.123.

3 См.: К а ш т а н о в С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970, с.5-11, 14-25.

4 Там же, с.26-52.

5 Например, только что завершилось издание формулярника: Н а х ч и в ā н и й Мухаммад ибн Хиндўшāх. Дастўр ал-кāтиб фй

та'ийн ал-мар'атиб (Руководство для писца при определении степеней). Критический текст, предисловие и указатели А.А.Али-заде. Т. I, ч. I-2; П. М., 1964-1976 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия, IX), - где содержатся документы XIV в., исходившие от представителей династии джалаиридов (Ирак, Курдистан и Азербайджан), также причислявших себя к чингизидам. В 1977 г. в Венгрии была посмертно издана книга Л.Фекете "Введение в персидскую палеографию" (Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlass des Verfassers Herausgegeben von G.Nazai. Budapest, 1977.), в которой приведены грамоты и письма конца XIV - начала XV в., написанные по-персидски. Среди них есть и документы тимуридов XIV-XV вв.

S U M M A R Y

The monograph by A.P. Grigoriev "Mongol Diplomatics of XIII - XV Centuries (Jenghizid Letters Patents)" represents an attempt of a complex investigation into inner form of acts issued in Mongolia, China, Middle Asia and Iran in the Mongolian, Turkish, Chinese, Arabic and Persian languages. These acts were produced at the departments of different feudal overlords who were in common blood relationship descending from Jenghiz Khan. The latter circumstance allows to collect acts written in different languages under one common name of Jenghizid letters patents.

In Chapter I "Sources for the Formular analysis" definitions are given for the four types of act formulae - conventional, abstract, concrete and individual ones. These are borrowed from the "Essays on the Russian Diplomatics" by a Soviet author S.M. Kashtanov (Moscow, 1970). His work as a whole serves as a theoretical basis for the present investigation. Sources for the formular analysis are classified according to the features of writing and language. The sources within each group are distributed by genera (patents and letters) and within each genus by the time of composition. The inventory of sources comprises 92 documents (80 patents and 12 letters). It includes 40 documents by the Great Khans, 4 documents by the Ulus throne-successor Khans, 5 documents by the Ulus Khans - Jagataids, 26 documents by Timurids, 17 documents by Hulaguids.

Chapter II "The Formulae of the Jenghizid letters patents of XIII-XV Centuries" is devoted to an analysis of the

initial and final parts of an abstract formula of the Jenghizid documents, i.e. that of sacral, motivational, addressing and certifying clauses.

It appears that the sacral articles proper are not present at the Jenghizid documents written in the Uigur, square and Chinese script. They are only obligatory for letters patents written in Arabic by the Moslem grantors and may be of different types.

The analysis of motivational articles makes it possible to conclude that the motivational clause of the Great Khans patents acquired a stable form after the square writing had been adopted in the Mogul empire, i.e. since 1269. Then it comprises three phrases:

In the Might of Everlasting Heaven

In the Protection of the Great Fortune Flame

Edict of Us, Emperor.

The complete formula of the motivational clause of the Great Khans' patents included also the three phrases. Ulus throne-successor Khans wrote this clause, as well as the whole patent, in square writing. The peripheral Ulus Khans did not use the square writing, but wrote their patents in the Mongolian using the Uighur script:

In the Might of Everlasting Heaven

In the Fortune of the Emperor

Word of Us, (proper name).

Growing tendencies towards a certain autonomy brought about changes in the form of motivational articles in the Ulus Khans' patents. More often two first phrases were excluded. The next was the modification of the third phrase by introducing picturesque epithets, titles and names of honour into it. The Hulaguids' patents of the early XIV century still retain the three phrases of the article, but in the second phrase the title of the Great Khan is replaced by the name of the Moslem religion. Later acts of XIV century borrow the first two phrases from motivational articles of the Great Khans' patents. There is inserted an additional phra-

se declaring the superiority of the Moslem religion between them. There remains only the third, extremely modified, phrase (now it is the fourth one) of the original "Ulus" article.

Addressing articles of the Great Khans' patents were originally connected closely to the motivational ones. The "decree" element performed the function of notification in the articles of address. This is the probable way of composing the Great Khans' charters written in Mongolian by means of the Uighur script. Up to date there remained only their Chinese translations. On introducing the square script, the articles containing address got their own notification that was made a final part of the article, and were detached from the motivational articles. The same pattern was followed in the letters patents issued in the square script by the Ulus throne-successor Khans. Peripheral Ulus Khans kept using the Uighur script even after 1269. The articles containing address in their letters patents retained the archaic form in the acts of Hulaguids, Jagataids and Timurids by the end of XV century. There are known such patents also in Turkish. If the Ulus Khans' patent was written in the Arabic script its article containing address acquired a new composition with an independent notification following the addressee. That of the article containing address in the Great Khans' patents can be divided into several groups. These are officials - the heads of government institutions, local civil officers, travellers, persons concerned, all population.

A new addressee group, Kinsmen, appear in the Ulus Khans' patents, and the groups of government institution heads and local civil officials are presented in one unit. The group of "all population" which can be seen in the Great Khans' patents as one element has a tendency to increase reaching more than one phrase in the Ulus Khans' patents.

The Great Khans' letters patents in Mongolian issued in the square script have a stable form of the certifying articles - a certifying part ("the Yarlyk of Us"), the year notation by the animal cycle, the month notation by one of the three season months, the ordinal number of the day with the exception of the word "day"), the place of the sovereign residence, the verb form "is written". Not later than in 1324 one more phrase was added to this form, i.e. the year notation by the rule motto. This was placed before the year notation by the animal cycle. In the Ulus Khans' patents, written in Mongolian by means of the square script and in the Hulaguid letters written in Mongolian by means of the Uighur script, the certifying article form is essentially similar. The first phrase ("the Yarlyk of Us") is omitted in the certifying articles in the Timurid letters, written in the Turkish using the Uighur script. The certifying articles in the Hulaguid, Jagataid and Timurid letters patents that were written by means of the Uighur script in Mongolian and Turkish, consist of two independent sentences. The first one contains the description of certifying signs of the patent, the second includes the date and place of composition. Certifying articles of the Great and Ulus Khans' patents and letters written in Arabic and Persian are uniform for all the period of the XIII-XY centuries. They may be of brief and full form. The brief form has the time of the document composition indicated. The full form begins with the verb "is written" (kutiba), and then there follow the day, month, year and place of the document composition.

Chapter III "Concrete formulars" presents an analysis of tarkhan charters given to temples and monasteries, as well as of passage-charters.

On considering concrete formulars of a group of Jenghizid patents, giving tarkhan privileges to temples and monasteries, it has become possible to see a clear set-up of these for the Great Khans' Mongolian patents of the Yüan period and for the patents by the Ulus throne-successor Khans, which

were written in Mongolian by means of the Uighur script and in Chinese. The analysis of concrete formulars of the same group of acts which were issued by the peripheral Ulus Khans is hampered by scarcity of the act material. The analysis performed gives an opportunity to assert that the most mobile article in a letter patent is the article of "immunity privileges": the phrases of the article have no stable composition; the arrangement order of phrases containing one or another immunity privilege changes in the course of years.

The analysis of concrete formulars of pass-yarlyks makes it possible to conclude that the main text of yarlyks is divisible into two parts: that containing the passage permission and that containing the passage conditions. The content of the last part enables us to qualify the yarlyks in question as passage, passage-safeguard and passage safeguard-immunity ones.

There is an idea adhered to in the Conclusion that the cardinal propositions of the Soviet diplomatics remain valid for the Mongolian diplomatics as well. In prospect it seems possible and necessary to increase the number of sources for formular analysis at the expense of Jenghizid documents which are revealed and published episodically. The materials of present book may be used as a basis for a well-grounded reconstruction of the Golden Horde Jenghizid acts of XIII - XIV centuries.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Источники для формулярного анализа	7
Типы формуляров	-
Систематизация источников	8
Список источников	-
Глава II. Формуляры чингизидских жалованных грамот XIII- XV вв.	15
Членение индивидуального, конкретного и абстракт- ного формуляров	-
Сакральные статьи	16
Мотивировочные статьи	17
Статьи, содержащие обращение	33
Удостоверительные статьи	55
Глава III. Конкретные формуляры	71
Научная классификация жалованных грамот	-
Тарханские грамоты храмам и монастырям	-
Проезжие грамоты	106
Заключение	112
Примечания	115
Summary	131

53 коп.

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА